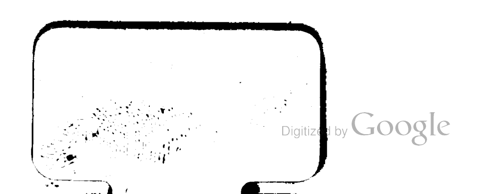
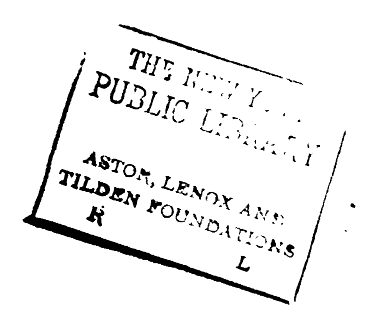

Годфридъ Бульонскій

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ,

въ

РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Съ картинами.

СОЧИНЕНІЕ

Огюста Грюзона.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается у **ИЗДАТЕЛЯ**, Санктпетербургскаго книгопродавца **ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА**, въ Гостинномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17.

У него же **ПОЛЯКОВА** продаются какъ вновь вышедшія, такъ и прежде изданныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ. Для учебныхъ заведеній и въ частности дѣлается уступка.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 14 Августа 1846 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Въ Типографіи Штаба Отд. Корп. Внутренней Стражи.

1849.

ИСТОРІЯ
КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.
ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

—

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ О КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДАХЪ. — ПРИЧИНЫ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ. — ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПОДЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ ПЕТРА ПУСТЫННИКА И ГОТЬЕ БЕЗЗЕМЕЛЬНАГО. — ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ.

—

Въ исторіи подъ именемъ *крестовыхъ походовъ* разумѣются тѣ великія воинскія предпріятія, въ которыхъ народы запада переносились на востокъ, и соединяли свои усилія для изгнанія варваровъ и невѣрныхъ изъ Палестины. Еще за долго до этихъ путешествій, совершаемыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, многочисленныя толпы поклонниковъ посѣщали мѣста, въ которыхъ совершилось великое дѣло страданій Спасителя; разсказы о бѣдствіяхъ, какимъ вѣр-

ные подвергались въ Святой Землѣ, занятой и покоренной мусульманами, глубоко потрясали все христіанское народонаселеніе сѣвера. Но не прежде XI вѣка эти путешествія поклонниковъ ко Св. мѣстамъ получили, подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, свой особый характеръ. Семь тысячь Норманновъ, подъ предводительствомъ архіепископа Майнцскаго и епископовъ Бамбергскаго, Ратисбонскаго и Утрехтскаго, положили начало тѣмъ предпріятіямъ, которые совершились въ послѣдствіи. Это небольшое ополченіе поклонниковъ спокойно прошло Европу и Греческую имперію; но при вступленіи въ Св. Землю, было окружено арабами, и достигло Іерусалима не иначе, какъ только оставивъ въ рукахъ бусурмановъ всѣ свои деньги и большое число плѣнныхъ.

Въ это время преобладало религіозное направленіе; разсказъ о грабежахъ и притѣсненіяхъ, которымъ подвергались христіане въ Палестинѣ, возбудилъ множество поборниковъ вѣры, которые ходили по городамъ и селеніямъ, и призывали всѣхъ вѣрныхъ подъ знамя Христа Спасителя. Между этими поборниками, которыхъ краснорѣчіе производило живое впечатлѣніе въ народѣ, замѣчателенъ Петръ

Пустынникъ, который былъ прежде вассаломъ Евстафія Бульонскаго. Желаніе загладить заблужденія своей юности привело его въ Палестину, отсюда онъ вынесъ ту пламенную ревность къ святому дѣлу, которая въ послѣдствіи превратилась въ фанатизмъ. Народы пришли въ движеніе отъ его голоса, которымъ онъ живо описывалъ жестокости сельджукскихъ турковъ, немилосердо притѣснявшихъ азіатскихъ христіанъ. Къ этому присоединились еще настоятельныя просьбы о помощи Алексѣя Комнина, Константинопольскаго императора, которому угрожало нашествіе невѣрныхъ, и окончательно возбудили первое всеобщее движеніе.

Первый крестовый походъ былъ опредѣленъ на Клермонскомъ соборѣ, 18 ноября 1095 года. При восклицаніяхъ: *такъ хочетъ Богъ* (Diex li volt), народъ съ громкимъ крикомъ требовалъ краснаго креста, который, будучи нашитъ на правомъ плечѣ, сдѣлался отличительнымъ знакомъ ихъ религіознаго и воинственнаго посланничества. Съ этого дня начались приготовленія къ походу. Петръ Пустынникъ былъ избранъ предводителемъ, къ нему присоединенъ еще Готье Безземельный, и оба, удовлетворяя

нетерпѣливости народа, роптавшаго на медленныя приуготовленія владѣтелей, отправились въ путь, увлекая за собою безчисленную толпу, которая, постепенно увеличиваясь, въ Германіи возрасла до 300,000 человѣкъ. Это огромное ополченіе шло вдоль по Дунаю, пройдя чрезъ Греческую Имперію, переправилось въ Азію; здѣсь, въ незнакомыхъ мѣстахъ, оно было со всѣхъ сторонъ окружено Турками, которые постоянно утомляли, и истребляли ихъ частыми нападеніями; скоро изъ всей массы осталось только около 10,000 человѣкъ.

Это было только нѣчто въ родѣ авангарда той арміи, которую собирали владѣтели, и которая имѣла своими предводителями Годфрида Бульонскаго, Герцога Лотарингскаго, Роберта Короткіе-Часы, Герцога Норманскаго, Раймунда, Графа Тулузскаго и другихъ знаменитѣйшихъ въ это время рыцарей.

—

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1096 — 1099.)

—

ГЛАВА I.

МОЛОДОЙ ПАЖЪ ВЪ ГОЛУБОМЪ ВООРУЖЕНІИ.

—

Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Августѣ 1096 года, у окна великолѣпнаго Бульонскаго замка стоялъ человѣкъ лѣтъ 36; онъ былъ погруженъ въ размышленія; глаза устремлены на башни, возвышавшіяся надъ зубчатыми стѣнами замка; острые шпицы башенъ темно обрисовались на матовой бѣлизнѣ неба. Сумракъ медленно распространялся по горизонту, нѣсколько звѣздъ кое-гдѣ блистали на лазури, подобно огненнымъ глазамъ. На широкомъ дворѣ, который лежалъ у ногъ его, слышался звукъ оружія, голоса разговаривавшихъ между собою воиновъ, нетерпѣливое ржаніе коней, и распоряженія, какія оруженосцы передавали воинамъ. Стоявшій у

окна обратилъ свой взоръ на эту картину, рисовавшуюся не ясно въ вечернемъ сумракѣ, и слѣдилъ нѣсколько минутъ за движеніями воиновъ, и приходившихъ и уходившихъ оруженосцевъ; потомъ, когда шумъ замолкъ и дворъ опустѣлъ, онъ оперся лбомъ на руку; блескъ, воодушевлявшій за нѣсколько минутъ взоръ его, погасъ, и онъ, тряхнувъ съ печальнымъ видомъ своими прекрасными черными локонами, тихонько вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

Это былъ Годфридъ VI, владѣтель Бульонскій, Маркизъ Анверскій, Герцогъ Брабантскій или Нижне-Лотарингскій, главный вождь крестоносцевъ. Онъ соединялъ съ необыкновеннымъ благородствомъ въ поступкахъ твердость характера, которая необходима была, чтобы удержать въ повиновеніи необузданныхъ и своевольныхъ вассаловъ. Онъ обладалъ великимъ умомъ, важностію, внушавшею къ нему уваженіе, и испытаннымъ мужествомъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мучила его медленная лихорадка; жаръ ея палилъ ему кровь, силы его изнурялись; но при вѣсти о походѣ во Св. Землю, воинственный духъ его пробудился, стряхнулъ, такъ сказать, удручав-

шую его болѣзнь; «онъ, говоритъ Мальмсбюри, «освободилъ свои члены отъ ослаблявшей ихъ немощи, укрѣпилъ свое удрученное тѣло, сбросилъ съ себя дряхлость и сіялъ свѣжею юностію.»

Но человѣкъ, какою бы ни былъ одаренъ нравственною силою, всегда не безъ грусти оставляетъ родимый кровъ, съ которымъ разлучается на долгое время. Онъ думаетъ о голубыхъ небесахъ отечества, котораго, можетъ быть, уже не увидитъ болѣе, и, переносясь мыслію къ призывающимъ его далекимъ странамъ, боится, что тамъ нѣтъ такого солнца, такого благовонія цвѣтовъ, такого журчанія ручейковъ. Безъ сомнѣнія, эти мысли пробѣгали въ умѣ Годфрида, какъ легкое облако пробѣгаетъ въ небѣ; нѣсколько минутъ онъ былъ задумчивъ, потомъ, подобно тому, какъ является свѣтлая лазурь неба, когда дуновеніе вѣтра разгонитъ облака, на челѣ его, послѣ тревожной думы, отразилось спокойствіе, и лице его выражало мужественную рѣшимость.

— Завтра, произнесъ онъ тихо, завтра я отправлюсь, такъ хочетъ Богъ.

Въ это время дверь залы, въ которой онъ нахо-

дился, отворилась, какъ бы невидимою рукою, и на порогѣ явился молодой человѣкъ лѣтъ около 15, замѣчательной красоты. При шумѣ отворенной двери, Годфридъ обернулся и устремилъ удивленные взоры на это явленіе. Молодой человѣкъ былъ въ одеждѣ пажа; изъ подъ короткаго плаща, украшеннаго знакомъ крестоносцевъ, видна была куртка изъ золотой парчи лазуреваго цвѣта, украшенная горностаемъ и соболемъ, бѣлизна которыхъ рѣзко выказывалась изъ подъ небольшой кольчуги. Забрало шлема его, изъ подъ котораго вились длинные бѣлокурые локоны, совершенно было поднято, дозволяя видѣть розовое, милое личико, полное ангельскаго, мирнаго выраженія. Голубые глаза пришельца сверкали, ме ланхолическая, пріятная улыбка покрывала его губы, какъ лучь солнца играетъ на распускающемся цвѣткѣ. Шпага съ крестообразнымъ ефесомъ привѣшена была къ его тонкой таліи, стройной, какъ у молодой дѣвицы; на шлемѣ у него блисталъ треугольникъ, какъ бы знакъ неземнаго посольства. На конецъ шлемъ его, плащъ и вся одежда были небесноголубаго цвѣта. Смотря на голубые, обворожительные глаза, можно было полу-

мать, что такая плѣнительная прелесть можетъ принадлежать только неземному жителю.

Онъ стоялъ неподвижно предъ Годридомъ, который смотрѣлъ на него съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Кто вы, спросилъ его предводитель крестоносцевъ, ласковымъ голосомъ, и чего отъ меня желаете?

— Ваше Высочество, отвѣчалъ юноша мелодическимъ голосомъ, меня зовутъ Альберикъ, и у меня нѣтъ другаго имени. Никто на землѣ не называетъ меня своимъ сыномъ, потому что я сирота и не имѣю родныхъ. Что касается до втораго вашего вопроса, Герцогъ, то единственное мое желаніе, которому вы, безъ сомнѣнія, не откажете, раздѣлять съ вами труды и опасности въ томъ великомъ дѣлѣ, которое вы предпринимаете.

Годфридъ Бульонскій показалъ видъ, какъ будто не принимаетъ такого самопожертвованія отъ столь слабаго юноши.

— Подумалъ ли ты, дитя мое, сказалъ онъ съ ласковою улыбкою, на что ты рѣшаешься? Бѣдность, лишенія, изгнаніе, можетъ быть, смерть, — вотъ что ожидаетъ насъ. Въ твоемъ ли возрастѣ

подвергаться такимъ опасностямъ? Вспомни объ участи, которая постигла въ Венгріи нашихъ сподвижниковъ подъ предводительствомъ Петра и Готье. Много ихъ вышло, но многіе ли достигли Іерусалима? Смерть губитъ сильныхъ прежде, чѣмъ они достигнутъ конца поприща, а ты по возрасту не достигъ еще и совершеннолѣтія.

— Что нужды въ лѣтахъ, отвѣчалъ Альберикъ, ударяя себя въ грудь; — мужество измѣряется не тальею. Нри томъ, кто знаетъ, герцогъ, быть можетъ, этотъ походъ составляетъ назначеніе моей жизни.

— Но, дитя мое, тебя никто не принуждаетъ принять и исполнить такое значеніе.

— Кто знаетъ, Ваше Высочество.

— Подумай, по крайней мѣрѣ, объ опасностяхъ, которымъ ты подвергаешься; ты, можетъ быть, не возвратишься; не увидишь уже этого голубаго неба, которое ты, безъ сомнѣнія, любишь. Въ продолжительномъ походѣ, подъ жгучимъ солнцемъ силы ослабѣваютъ въ ущербъ мужеству. Вечеромъ, когда ты, усталый и утомленный, захочешь успокоиться, вдругъ услышишь голосъ, призывающій къ оружію,

и снова долженъ пуститься въ походъ, не смотря на то, что тѣло твое ослабѣло, что глаза смыкаются: врагъ бодрствуетъ со всѣхъ сторонъ—спереди, сзади; не оставляя ни минуты покоя или отдыха, поражаетъ безъ пощады. Что, ты еще рѣшаешься?

— Да, отвѣчалъ Альберикъ, такъ хочетъ Богъ.

— Пусть будетъ такъ, проговорилъ Годфридъ, съ видомъ глубокаго убѣжденія. Да покровительствуетъ тебѣ Богъ, который слышалъ тебя, и да будетъ Онъ тебѣ помощникомъ въ дни бѣдствія.

— Благодарю, герцогъ. Богъ покровительствуетъ и помогаетъ тѣмъ, которые служатъ Ему вѣрно.

Потомъ ставъ на одно колѣно, въ знакъ покорности и вѣрности, онъ продолжалъ:

— Я, Альберикъ, пажъ вашего Высочества, клянусь слѣдовать за вами во всѣхъ опасностяхъ и сраженіяхъ до предѣла назначеннаго Богомъ, каковы бы ни были труды и лишенія; служить вамъ, какъ вѣрный подданный, во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ самопожертвованіе будетъ необходимо. Прошу Бога, Который слышитъ мою клятву, не оставлять меня въ этомъ своею помощію. Я кончилъ.

Годфридъ протянулъ юношѣ руку, въ знакъ того,

что принимаетъ обѣтъ его, утвержденный клятвою, поднялъ его и сказалъ:

— Пойдемъ, молодой мой сподвижникъ, время близко, завтра еще до зари войско будетъ уже на ногахъ. Необходимо уснуть и отдохнуть передъ начатіемъ продолжительнаго похода чрезъ Европу. До завтра.

Говоря эти слова, Годфридъ привелъ Альберика къ небольшей двери, и поднявъ коверъ, которымъ она была завѣшена, указалъ ему постель.

— Ваше Высочество, отвѣчалъ молодой человѣкъ, остановившись, съ этого вечера начинается моя служба, а обязанность пажа бодрствовать близь своего господина, когда онъ бодрствуетъ, и спать близь него, когда онъ покоится, и хотя вы, герцогъ, приказывали бы другое, я буду дѣлать, что должно.

— Пусть будетъ по твоему желанію, отвѣчалъ Годфридъ, опустивъ коверъ.

Черезъ четверть часа глубокое молчаніе воцарилось въ замкѣ предводителя крестоносцевъ. Ни въ одномъ изъ закрытыхъ оконъ не видно было огня, густой сумракъ ночи покрывалъ своею снотворною

пеленою всѣхъ этихъ людей, которые завтра должны были встать съ веселымъ видомъ, чтобъ идти умерѣть въ землю неизвѣстную.

На полу у постели, на которую не раздѣваясь бросился Годфридъ, на коврѣ, покрывавшемъ холодный полъ, спалъ Альберикъ въ одеждѣ крестоносца.

Тотъ же спокойный и безмятежный сонъ смыкалъ глаза и военачальника и юноши.

—

ГЛАВА II.

ВЫСТУПЛЕНІЕ. — КОНСТАНТИНОПОЛЬ — ПРИБЫТІЕ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ.

—

Ополченіе крестоносцевъ состояло изъ Фризовъ, Лотарингцевъ и всѣхъ тѣхъ, которые, изъ народовъ обитавшихъ между Рейномъ и Эльбою, дали обѣтъ освободить Гробъ Господень. На слѣдующій день всѣ крестоносцы, собравшіеся къ замку Годфрида, приходили толпами при первомъ появленіи зари; они потрясали воздухъ криками восторга и пѣніемъ

гимновъ во славу Господа. Черезъ часъ они оставили берега Мозеля, подъ предводительствомъ Годфрида, за которымъ вблизи слѣдовалъ его молодой пажъ, Альберикъ. Видъ этого ополченія, идущаго въ величайшемъ порядкѣ къ границамъ Венгріи, составлялъ великолѣпное зрѣлище; войско увеличивалось на каждомъ шагу отъ присоединенія новыхъ сподвижниковъ. Истребленіе Венграми войскъ Петра Пустынника и Готье Безземельнаго (еще видны были по мѣстамъ валявшіеся трупы и побѣлѣвшія кости,) убѣдило Годфрида, что Венгры народъ опасный. Свиданіе его съ Венгерскимъ королемъ Карломаномъ устранило всякія препятствія, и воины креста безпрепятственно прошли до береговъ Салы близъ Мальвиля, гдѣ они вступили въ предѣлы Греческой Имперіи. Послѣ однодневнаго отдыха въ Бѣлградѣ, они продолжали свой путь по лѣсамъ Булгаріи до Ѳракіи, и остановились въ Филиппополѣ.

Пребываніе Годфрида при дворѣ Алексѣя Комнина, сдѣлалось достопамятнымъ по его необыкновенной отважности и смѣлости. Константинопольскій Императоръ Алексѣй требовалъ, чтобы предводители крестоносцевъ поклялись въ вѣрности и обѣща-

ли отдать ему города, которые они отнимутъ у Турковъ. За нѣсколько минутъ до совершенія требуемой Императоромъ присяги, герцогъ Лотарингскій, находясь съ Альберикомъ въ своихъ комнатахъ, казалось погрузился въ глубокія, печальныя мысли. По временамъ лице его покрывалось страшною блѣдностію, а глаза сверкали подобно молніи въ темную лѣтнюю ночь. Рука, которою онъ подпиралъ свою голову, судорожно вздрагивала и дрожавшія губы произносили несвязныя слова, какъ будто въ горячкѣ.

— Вы страдаете, Ваше Высочество, сказалъ молодой пажъ, подойдя къ Годфриду.

— Ахъ! отвѣчалъ онъ, вставъ быстро и прохаживаясь большими шагами, ты понимаешь, Альберикъ, что значитъ дать, по принужденію, клятву вѣрности Константинопольскому Императору, какъ королю Французскому.

— Герцогъ, отвѣчалъ юноша пріятнымъ голосомъ, побѣда пріобрѣтается только великими пожертвованіями. Смиреніе божественная добродѣтель; Самъ Спаситель смирилъ себя...

— Ты говоришь дѣло, отвѣчалъ Годфридъ рѣшительнымъ голосомъ, я дамъ клятву.

И онъ пошелъ въ залъ, гдѣ собрались уже предводители крестоносцевъ и Алексѣй возсѣдалъ на престолѣ, и съ гордостію принималъ свидѣтельства ихъ повиновенія и покорности.

Когда церемонія кончилась, одинъ изъ товарищей Годфрида, Робертъ Парижскій, который съ грустію слушалъ изъявленіе постыдной покорности начальниковъ крестоноснаго ополченія, вдругъ оскорбился однимъ отвѣтомъ Алексѣя. Онъ оставилъ занимаемое имъ мѣсто, протѣснился сквозь толпу крестоносцевъ, и, въ мгновеніе ока, съ гордымъ видомъ, съ шлемомъ на головѣ, положивъ руку на эфесъ шпаги, взбѣжалъ по ступенямъ трона, сѣлъ на пустомъ сѣдалищѣ рядомъ съ Императоромъ, и устремилъ на него свой гордый, сверкающій взоръ.

Въ рядахъ крестоносцевъ, оскорбленныхъ такою дерзостію, пробѣжалъ ропотъ; Робертъ закричалъ голосомъ, который возвышался надъ шумомъ:

— Я, простый рыцарь, осмѣлился сѣсть рядомъ съ тѣмъ, предъ которымъ столько зна-

2

Императоръ Алѣксей узнаетъ вѣрность Крестоносцевъ.

менитыхъ владѣтелей или стоятъ, или преклоняютъ колѣна.

— Кто вы и откуда, спросилъ у него Алексѣй, оскорбленный въ своемъ санѣ, полномъ величія.

— Я Французъ, отвѣчалъ Робертъ, смотря дерзско на Императора, Французъ благороднаго происхожденія и прибылъ изъ Франціи. У насъ у всякой церкви есть площадка; туда собираются тѣ, которые хорошо владѣютъ шпагою, копьемъ или сѣкирою.

Здѣсь взглядъ его сдѣлался еще суровѣе и дерзчѣ, и онъ прибавилъ:

— Я часто ходилъ туда, и никто не осмѣливался отвѣчать на мои вызовы.

— Уже прошли тѣ времена, отвѣчалъ Императоръ съ колкою ироніею, когда искали враговъ и не находили ихъ. Когда вы встрѣтитесь съ Турками, не становитесь никогда ни напереди, ни съ зади войска, будьте въ серединѣ; только тамъ вы будете въ безопасности отъ непріятельскихъ дротиковъ (*).

Робертъ махнулъ съ негодованіемъ рукою, не от-

(*) Alexiade, 237—38.

вѣчная, гордо сошелъ съ трона, и скрылся въ толпѣ крестоносцевъ. Послѣ мы увидимъ этого отважнаго рыцаря въ Дорилейскомъ сраженіи, гдѣ онъ нашелъ смерть, произведши страшное опустошеніе въ рядахъ Турковъ.

Во время пребыванія Годфрида въ Константинополѣ, къ нему присоединились новые крестоносцы, между которыми находились Гуго Великій, графъ Вермандуаскій, предводитель вооруженныхъ поклонниковъ изъ Фландріи, Англіи, средней и сѣверной Франціи; Боэмундъ, князь Тарентскій, подъ властію котораго сражался знаменитый Танкредъ, его родственникъ, и Раймундъ, герцогъ Нарбонскій и графъ Прованскій, Тулузскій и Руергскій. Каждый изъ этихъ рыцарей имѣлъ подъ командою сильное войско. Одинъ только Раймундъ, какъ свободный вождь крестоносцевъ и воинъ только Христовъ, отказался отъ присяги въ подданствѣ Императору Алексѣю Комнину.

Соединившись въ Константинополѣ, эти разныя ополченія крестоносцевъ переправились чрезъ проливъ, и продолжали путь свой къ Никеѣ подъ предводительствомъ Годфрида, Боэмунда и Роберта

Фландрскаго. Петръ Пустынникъ и Готье Безземельный присоединились къ нимъ съ остатками своихъ товарищей, и были допущены къ участію въ добычѣ. Спустя нѣсколько времени, ополченіе крестоносцевъ увеличилось прибытіемъ герцога Нормандскаго, графа Шартрскаго, графа Бульонскаго съ ихъ отрядами. Эти князья, со времени выхода изъ Италіи до самаго прибытія въ Малую Азію, терпѣли тѣ же лишенія, какъ и ихъ предшественники, и по прибытіи въ Константинополь должны были пожертвовать своимъ достоинствомъ гордости Императора.

ГЛАВА III.

ОСАДА И ВЗЯТІЕ НИКЕИ.

Прошло около года со времени отбытія Годфрида изъ Бульонскаго замка, и легіоны крестоносцевъ стояли на обширныхъ равнинахъ Никеи; они были въ землѣ

непріятельской, и настало уже время битвъ и сраженій. Въ продолжительномъ походѣ чрезъ болота Венгріи и Греческую имперію, дѣйствія ограничивались только небольшими стычками съ отрядами Императорскихъ войскъ, которые иногда, не честолюбивымъ видамъ Императора Алексѣя Комнина, поступали непріязненно. Христіанскіе воины желали встрѣтиться съ непріятелемъ лицемъ къ лицу; желаніе ихъ теперь исполнилось; предъ ними возвышалась Никея, опоясанная двойными толстыми стѣнами, омываемыми водами озера Асканія, которое доставляло жителямъ удобное сообщеніе съ Турками сѣверныхъ и западныхъ береговъ Виѳиніи. Высокія стѣны гордо поднимались предъ глазами крестоносцевъ, съ безчисленнымъ множествомъ башень острыхъ и высокихъ, подобно минаретамъ нынѣшнихъ Константинопольскихъ мечетей. Сильное войско Сельджуковъ, храбрыхъ противниковъ Христіанъ, заключалось внутри города, а султанъ Килиджъ-Арсланъ приближался съ новыми силами для защищенія своей столицы отъ крестоносцевъ.

Много прошло времени въ приготовленіяхъ къ осадѣ: вечеромъ на канунѣ общаго приступа, Год-

фридъ сидѣлъ на порогѣ своей палатки, и смотрѣлъ на городъ. Приготовленія къ сраженію возбудили въ немъ воинскій духъ, и въ этотъ вечеръ онъ былъ почти веселъ.

— Ну, Альберикъ, сказалъ онъ, обращаясь къ своему пажу, на конецъ завтра сраженіе.

И радостная улыбка воодушевила блѣдное лице его.

— Какъ тебѣ нравится походная жизнь? прибавилъ онъ.

— Прекрасна, ваше высочество, когда слава предъ глазами.

— Она будетъ и побѣда также. Посмотри.

И онъ указалъ рукою на множество палатокъ, занимавшихъ огромное пространство.

— Здѣсь на востокѣ станъ Гуго Вермандуазскаго, обоихъ Робертовъ и Стефана Шартрскаго, тамъ на югѣ Боэмундъ и Танкредъ; вотъ мои палатки на сѣверѣ, и кругомъ вездѣ эти огромныя подвижныя башни, которыя завтра сдѣлаются какъ бы живыми; онѣ ухватятся своими деревянными руками за каменныя башни города. Это будетъ страшно, Альберикъ; сраженіе тебя не испугаетъ, не правда ли?

— Точно также, какъ труды не ослабили меня, Ваше Высочество.

— Странный юноша, подумалъ Годфридъ. Тѣло женщины, а храбрость льва: ни одной жалобы, и утромъ, послѣ продолжительнаго похода, всегда первый на ногахъ, безъ малѣйшей блѣдности въ лицѣ, съ прежнею же живостію во взорахъ, съ прежнею же силою и бодростію!

— И такъ ты, какъ и прежде, будешь слѣдовать за мной, прибавилъ онъ громко.

— Безъ сомнѣнія; отвѣчалъ Альберикъ, я также, подобно другимъ крестоносцамъ, воинъ Спасителя.

— На конецъ сраженіе завтра, а можетъ быть и побѣда.

— Ахъ, Ваше Высочество, послѣ борьбы бываетъ только побѣда, отвѣчалъ Альберикъ:

При этихъ словахъ, произнесенныхъ спокойно, Годфридъ быстро поднялъ голову и бросилъ проницательный взглядъ на Альберика. Юноша стоялъ передъ нимъ, опершись на эфесъ своей шпаги, и устремивъ блуждающій взоръ на стѣны Никеи, которая начинала скрываться во мракѣ.

— Не предсказаніе ли это? подумалъ герцогъ.

На другой день первый лучь восходящаго солнца освѣтилъ крестоносцевъ уже во всемъ вооруженіи, готовыхъ къ страшному приступу. Непріятели были на своихъ мѣстахъ; они стояли на своихъ укрѣпленіяхъ, и по своей многочисленности и густотѣ рядовъ, уподоблялись густому кустарнику; луки уже были въ рукахъ и отравленныя стрѣлы въ натянутой тетивѣ. По данному отъ предводителя знаку, повторенному по всей линіи Христіанъ, воины-крестоносцы привели въ движеніе исполинскія деревянныя башни, между тѣмъ, какъ ихъ военныя машины дѣйствовали противу стѣнъ. Эти башни, въ родѣ каланчи (beffrois), имѣли на верху и въ разныхъ этажахъ вооруженныхъ людей; они двигались на четырехъ колесахъ, и, для защиты отъ греческаго огня, были покрыты [illegible]

щіяся громады достигли подошвы укрѣпленій, въ разныхъ мѣстахъ, куда они были обращены лицемъ, начался почти рукопашный бой. Крестоносцы, подъ защитою укрывавшихъ ихъ башенъ, пускали стрѣлы въ сжатые ряды непріятелей, стоявшихъ на стѣнахъ; нѣкоторые даже, по безразсудной отважности, бросались на стѣны съ саблями, какъ бы на абордажъ, и погибали, не смотря на чудеса показываемой ими храбрости. Турки съ своей стороны тоже защищались съ упорствомъ; вооруженные длинными желѣзными крючьями, они поднимали ими крестоносцевъ, которыхъ успѣвали зацѣпить крюкомъ, и, изувѣчивъ, бросали назадъ, испуская дикіе вопли. Это кровопролитіе съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ продолжалось пока мракъ и усталость не раздѣлили сражавшихся. Крестоносцы съ угрозами удалились въ свой лагерь, они потерпѣли многочисленныя потери, многія машины были или сожжены, брошенными горючими веществами, или изломаны камнями, которыми Турки ихъ поражали.

На слѣдующій день, осаждающіе приняли другой планъ осады. Военныя машины бросали на стѣны

огромные камни, надѣясь поколебать ихъ частыми ударами; а инженеры стали дѣлать подкопы. Но храбрость невѣрныхъ возрастала съ дѣятельностію Христіанъ; проломы, дѣлаемые днемъ, ночью задѣлывались съ невѣроятною скоростію. Прошло около двухъ недѣль отъ начала осады, осажденные защищались съ упорствомъ, они почти совершенно уничтожили всѣ военныя машины крестоносцевъ, а сами не потерпѣли никакихъ значительныхъ потерь. Озеро Асканій было въ ихъ распоряженіи и доставляло имъ возможность получать новыя подкрѣпленія и жизненные припасы, которые присылалъ имъ Килиджъ-Арсланъ, удалившійся въ сосѣднія горы.

Осада, казалось, будетъ продолжительна. Вдругъ одно обстоятельство ускорило сдачу города. Алексѣй Комнинъ прислалъ крестоносцамъ лѣсъ, достаточный для постройки большаго числа кораблей. Послѣ нѣсколькихъ дней ревностной работы, суда были спущены на воду и адмиралъ Императора Алексѣя вошелъ въ озеро. Сперва жители Никеи почли эти суда помощію, посылаемою имъ отъ Султана, но развѣвавшійся на нихъ греческій флагъ, радостные крики крестоносцевъ, и звуки военной музыки тотъ

часъ превратили надежду ихъ и веселіе въ отчаяніе. Крестоносцы на противъ воодушевились новою надеждою и удвоили свою храбрость при нападеніяхъ. Одинъ смѣлый и искусный Венеціанецъ, съ помощію нѣсколькихъ товарищей, взялся разрушить одну огромную башню. Онъ, прикрытый извѣстнаго рода машиною, вынималъ изъ фунтамента камень за камнемъ, и подпиралъ деревянными подставками потрясенныя массы. Потомъ, наполнивъ сдѣланныя отверстія и промежутки между камнями горючими веществами удалился съ своими воинами. Настала тихая ночь, въ городѣ и въ станѣ крестоносцевъ царствовало безмолвіе, вдругъ бѣловатый свѣтъ озарилъ стѣны. Турки, испуганные этою нечаянностію, бросились на стѣны, въ это время деревянныя перекладины, поддерживавшія огромную башню, разлетѣлись въ дребезги, и громада камней съ страшнымъ трескомъ рухнула въ глазахъ испуганныхъ невѣрныхъ. Въ эту минуту надо было броситься въ проломъ; многіе и предлагали это средство, но приступъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Лишь появился день, крестоносцы съ изумленіемъ увидѣли, что Никейскій гарнизонъ съ неимовѣрною дѣ-

ятельностію успѣлъ воздвигнуть новыя укрѣпленія позади подкопанной башни. Въ первую минуту страха жена и сестра Килиджъ-Арслана оставили городъ и старались убѣжать озеромъ, но были замѣчены христіанскими судами, разъѣзжавшими на немъ по всѣмъ направленіямъ, взяты въ плѣнъ и отведены въ станъ (*).

Въ то время, какъ крестоносцы надѣялись вознаградить себя за свои труды и потери взятіемъ Никеи, Алексѣй Комнинъ, ихъ другъ и союзникъ, отнялъ у нихъ изъ рукъ побѣду. Императоръ узнавъ, что жена и сестра султана въ плѣну у крестоносцевъ, предложилъ Туркамъ миръ на такихъ условіяхъ, какихъ они не могли ожидать отъ врага, раздраженнаго продолжительностію осады, который беретъ городъ вооруженною рукою. Чрезъ нѣсколько дней раздалась императорская военная музыка, явились на городскихъ стѣнахъ знамена Алексѣя, и было объявлено о сдачѣ города Императору. Одно золото, которое Императоръ щедро разсыпалъ во всѣхъ классахъ крестоносцевъ, утишило волненіе, возник-

(*) Archev. de Tyr.

нувшее при этой вѣсти; предводители, озабоченные важнѣйшими дѣлами, скрыли свое неудовольствіе, и старались мирными рѣчами успокоить воиновъ.

Такъ кончилась осада столицы Виѳинія. Коварство Грековъ отняло у крестоносцевъ славу этой побѣды, которую они приготовили продолжительными трудами, великими потерями и семью недѣлями постоянной борьбы.

ГЛАВА IV.

ДОРИЛЕЙСКОЕ СРАЖЕНІЕ. — РОБЕРТЪ ПАРИЖСКІЙ. — ВСТУПЛЕНІЕ ВО ФРИГІЮ. — ГОЛОДЪ. — ПРИБЫТІЕ КЪ АНТІОХІИ.

Спустя девять дней по взятіи Никеи, въ іюлѣ 1097 года, крестоносцы снялись съ лагеря, и около полудня начали свой походъ къ Антіохіи. Небо блистало подобно раскаленному зеркалу, ни одно облачко не рисовалось на голубомъ сводѣ, подернутомъ бѣловатыми парами. Палящее солнце катилось въ огненной атмосферѣ, и изсушило источники обширныхъ

равнинъ, по которымъ проходили крестоносцы. После немногихъ дней тягостнаго похода, войско разделилось на два отряда: первымъ командовали Боэмундъ, Танкредъ, Робертъ Нормандскій и Стефанъ Шартрскій; надъ вторымъ начальствовали Раймундъ, Годфридъ Бульонскій, Адемаръ и Гуго.

Этого-то разделенія и ожидалъ Килиджъ-Арсланъ; потеря столицы не привела его въ отчаяніе; не прошло еще и двухъ часовъ съ того времени, какъ отряды разошлись, а онъ приготовился уже къ нападенію на слабейшій подъ предводительствомъ Боэмунда. Крестоносцы остановились для отдыха и утоленія жажды на берегу одной речки въ долине Горгонъ. Вдругъ земля застонала отъ топота скачущей конницы. Турецкія аттаки уподобляются лаве; вокругъ все спокойно, нетъ и тени непріятеля; вдругъ являются изъ за какого-нибудь холма тысячи всадниковъ, и несутся съ быстротою степнаго ветра!

При этомъ грозномъ шуме, крестоносцы, съ оружіемъ въ рукахъ, построились въ ряды. Боэмундъ бросился на своего коня, вверилъ охраненіе поля пехоте, и во главе своей конницы, построенной въ каре, съ твердостію ожидалъ неверныхъ, которые

подобно урагану неслись по равнинѣ. Крикъ и вопль Турковъ былъ такъ страшенъ, что Христіанами овладѣли изумленіе и ужасъ, и въ тоже время на нихъ посыпалась туча оперенныхъ стрѣлъ, которые летали густо подобно снѣгу. Не смотря на то, крестоносцы мужественно выдержали первый натискъ, а страшный напоръ Султанской кавалеріи остановленъ былъ желѣзными рогатками, которыми успѣли отъ ней оградиться. Турецкая конница снова построилась въ сомкнутые ряды и сыпала градъ стрѣлъ и дротиковъ; но это было неопасно для христіанскихъ воиновъ, покрытыхъ, съ ногъ до головы, латами; отъ этого образа дѣйствованія страдали только лошади.

Въ это время Христіанскіе рыцари съ нѣсколькими воинами бросились во весь опоръ, сколько было силы у лошадей ихъ, въ неподвижное каре непріятелей, которые между тѣмъ, дразнили ихъ безпрестанно. Эти рыцари съ опущеннымъ забраломъ, съ обнаженнымъ мечемъ, съ быстротою молніи долетѣли до первыхъ Турецкихъ рядовъ, и врѣзались въ нихъ съ намѣреніемъ прорѣзать и смѣшать ихъ. Первый изъ этихъ рыцарей, который глубже врѣ-

знлся въ ряды Турковъ, поражая враговъ вокругъ себя тяжелою саблею, былъ Робертъ Парижскій, тотъ самый, который сидѣлъ на престолѣ подлѣ Алексѣя Комнина, какъ равный ему. Другой былъ братъ Танкреда. Отраженный въ первый разъ, Робертъ снова полетѣлъ на своей окровавленной и обезображенной лошади въ средину Турковъ, поражая вокругъ себя съ невѣроятною быстротою и силою. Наконецъ, когда онъ въ третій разъ устремился въ ихъ ряды, передъ нимъ широко разступилась толпа, давая ему дорогу, и соединялась позади его, препятствуя его выходу. Оставленный такимъ образомъ одинъ въ густой толпѣ всадниковъ, онъ махалъ вокругъ себя своимъ огромнымъ мечемъ, и пытался проложить себѣ обратный путь; но грозная масса, окружавшая его, съ угрозами стѣсняла его болѣе и болѣе, и вдругъ болѣе 20 ударовъ сыпались на латы его. Онъ почувствовалъ, что лошадь подъ нимъ падаетъ, и остался пѣшимъ, одинъ среди желѣзнаго круга, обхватившаго его. Нѣсколько мгновеній крестоносцы, нападавшіе съ фронта на Турецкое войско, замѣчали какое-то странное движеніе въ срединѣ отряда. Всадники невѣрныхъ, вдругъ сбитые съ

лошадей, исчезали, и снова замѣнялись другими, которые въ свою очередь тоже исчезали. Въ промежуткахъ среди общаго шума, слышался звукъ оружія, летѣли искры отъ ударовъ объ латы, покрытые кровью. На конецъ пустое пространство, гдѣ происходила эта борьба, наполнилось ратниками. Робертъ Парижскій умеръ, онъ палъ на двадцати трупахъ убитыхъ имъ Турковъ. Братъ Танкреда, пытаясь соединиться съ Робертомъ, нашелъ ту же участь.

Смерть этихъ двухъ храбрыхъ рыцарей принудила крестоносцевъ отступить; они удалились въ свой станъ. Турки преслѣдовали съ ожесточеніемъ и въ одно время съ бѣжавшими проникнули въ ихъ лагерь. Они бросили луки и принялись за сабли, которыми владѣли съ великимъ искуствомъ. Здѣсь началось страшное кровопролитіе; матери гибли вмѣстѣ съ своими дѣтьми; ни священники, ни старцы не находили пощады; крики умирающихъ доходили до Боэмунда, который сражался въ противоположной сторонѣ. Онъ сдалъ команду надъ своимъ отрядомъ Роберту Нормандскому, бросился въ лагерь съ нѣсколькими рыцарями, и ему удалось вы-

тѣснить непріятеля изъ шатровъ. Истощенные усталостію, мучимые жаждою, ослабленные зноемъ Христіане защищались мужественно, женщины приносили имъ воду изъ ближайшаго источника, и они, послушные голосу начальниковъ, который раздавался надъ общимъ гуломъ, мужественно бросались на ряды ожесточенныхъ враговъ и гибли, не отступая ни на шагъ. Но не смотря на все это невѣрные брали перевѣсъ, какъ вдругъ на горизонтѣ показалось облако пыли, которую поднимала кавалерія, несшаяся подобно вихрю. Минутъ черезъ пять, три человѣка отдѣлились отъ многочисленной толпы, какъ молнія, бросились къ рядамъ крестоносцевъ, съ крикомъ:

— Годфридъ Бульонскій!

— Гуго Вермандуазскій!

Третій рыцарь, не имѣя такого славнаго имени, какъ эти, промчался молча съ невѣроятною быстротою; онъ былъ страшенъ не менѣе, какъ два рыцаря, которымъ онъ послѣдовалъ.

Двое первыхъ рыцарей съ словами:

— Такъ хочетъ Богъ! Братья за нами!

Бросились въ ряды Турковъ, трупами устилая за

собою широкое пространство; они увлекли за собою и прочихъ крестоносцевъ воодушевленныхъ новымъ мужествомъ. Схватка была ужасна! Длинныя и остроконечныя сабли Франковъ имѣли преимущество предъ закривленными саблями Турковъ, которыя разлетались въ куски при ударахъ о шлемы и латы. При этой жаркой свалкѣ, въ самой срединѣ невѣрныхъ долго видны были три новоприбывшіе рыцаря, истреблявшіе враговъ подобно ангелу смерти: тамъ, гдѣ опускался ихъ окровавленный мечь дѣлалось обширное пустое пространство, и они подвигались впередъ, оставляя за собою черту смерти, подобно тому, какъ соха проводитъ борозду на нивѣ. Объятые ужасомъ, отраженные на всѣхъ пунктахъ, Мусульмане бѣжали въ свои горы, преслѣдуемые торжествующими и ожесточенными крестоносцами. Достигнувъ стана, который былъ разбитъ при одномъ возвышеніи, они остановились и пытались отбиться, но, снова опрокинутые, бросились въ лѣсъ, гдѣ, наконецъ, нашли убѣжище. Добыча отнятая у Турковъ вполнѣ вознаградила за труды этого страшнаго дня: «Кто могъ исчислить», говоритъ одинъ историкъ (*), количе-

(*) Robert.

«ство золота, серебра и одеждъ, которое пріобрѣли «крестоносцы? Число захваченныхъ ими лошадей, «лошаковъ, верблюдовъ,ословъ было безмѣрно: «Вдругъ бѣдный разбогатѣлъ, и нагой одѣлся.»

Вечеромъ, Годфридъ, оставшись на единѣ съ Альберикомъ, сказалъ ему съ дружескою и почти отцевскою улыбкою:

— Ну, дитя мое, нынѣшній день былъ ужасенъ, конецъ его, слава Богу, счастливъ для насъ.

— Да, Ваше Высочество, прекрасное сраженіе и побѣда... это не то, что при Никеѣ: здѣсь вся слава принадлежитъ однимъ крестоносцамъ.

При воспоминаніи измѣны, чело Герцога Лотарингскаго наморщилось, но только на мгновеніе, онъ, обратившись къ своему пажу, сказалъ:

— Ты храбръ, Альберикъ, я видѣлъ, какъ ты сражался, когда мы только втроемъ были среди невѣрныхъ.

— Ваше Высочество, лепеталъ юноша, краснѣя, я слѣдовалъ за вами, развѣ я не долженъ быть тамъ, гдѣ вы?

Годфридъ молча протянулъ руку своему пажу и

восторгъ любви, наполнявшій его сердце, говорилъ ему устами:

— Хочешь ли Альберикъ, я усыновлю тебя и сдѣлаю рыцаремъ?

— Мои силы и мое мужество были бы не значительны въ сравненіи съ такимъ великимъ именемъ. Благодарю, Ваше Высочество. Позвольте мнѣ остаться въ настоящемъ состояніи, мнѣ предназначено жить на землѣ смиренно, безъ чсстолюбивыхъ мыслей о будущемъ

— Кто же открылъ тебѣ это назначеніе?

— Я воинъ Христа Спасителя, Ваше Высочество.

Годфридъ замолчалъ и склонилъ на руку свою задумчивую голову.

— Здѣсь кроется тайна, шепталъ онъ.

Потомъ прибавилъ:

— Великъ Богъ, да будетъ Его святая воля.

Спустя три дня послѣ Дорилейскаго сраженія, войско пошло въ походъ и вступило въ гористыя страны Фригіи. Здѣсь начались бѣдствія, которыхъ крестоносцы не могли предвидѣть. Алексѣй Комнинъ, достигнувъ своей честолюбивой цѣли — овладѣть Никеею, отказалъ крестоносцамъ въ обѣщан-

ныхъ имъ вспоможеніяхъ и не думалъ предупредить ихъ объ ожидавшихъ бѣдствіяхъ при переходѣ чрезъ Малую Азію до Сиріи. Съ другой стороны Килиджъ Арсланъ, который проигралъ при Дорилеѣ побѣду, но не былъ покоренъ, послалъ подъ начальствомъ своего сына 10,000 кавалеріи въ тѣ страны, чрезъ которыя должны были проходить крестоносцы. Жители этихъ странъ не могли противиться великой силѣ Турковъ и впускали ихъ въ свои города; а они вездѣ обирали храмы, забирали общественную казну и увозили всѣ жизненные припасы; а то, чего не могли увести, сожигали (*).

Несчастные крестоносцы шли по слѣдамъ этихъ опустошителей и находили вездѣ однѣ безлюдныя и безплодныя пустыни, по сторонамъ въ разрушенныхъ деревняхъ еще дымились головни отъ недавнихъ пожаровъ. Почва была суха и безплодна, широкія щели, отъ необычайнаго лѣтняго зноя, избороздили землю, можно было подумать, что огненный ураганъ пролетѣлъ надъ страною, который пожегъ всѣ растенія и изсушилъ всѣ рѣки. Христіане,

(*) Tudebodus.

послѣ нѣсколькихъ дней тягостнаго похода въ этой безъотрадной пустынѣ, произведенной местью Турковъ, начали чувствовать недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и водѣ; эти лишенія, соединенныя съ трудностями пути, при нестерпимомъ знаѣ, которому нужно было подвергаться въ тягостномъ походѣ, при опасеніи, что въ продолженіе всего пути нужно будетъ переносить тѣ же непріятности, повергли крестоносцевъ въ какое-то онѣмѣніе и уныніе. Они печально садились на запыленные края дороги, склоняли отяжелѣвшую свою голову на руку, и, вперивъ неподвижный взоръ въ землю, рѣшительно отказывались идти далѣе. Другіе полумертвые, безъ чувствъ упадали на холмахъ, и войско равнодушное и печальное проходило мимо, не думая о помощи несчастнымъ. Каждый день гибло до пяти сотъ человѣкъ; женщины, будучи болѣе не въ состояніи кормить своихъ дѣтей грудью, со слезами и мольбою подставляли ее подъ мечь воиновъ, прося смерти, какъ благодѣянія (*).

Эти бѣдствія распространялись даже и на животн,

(*) Baudoin.

ныхъ; лошади почти всѣ погибли. Въ это время случилось странное происшествіе, которое, какъ замѣчаетъ наивно Фулько Шартрскій, могло внушить вмѣстѣ и страхъ и жалость. Когда лишились вьючнаго скота и лошадей, багажъ клали на верблюдовъ, свиней и собакъ, которыхъ тщательно берегли для пищи. Скоро и этотъ скотъ въ свою очередь погибъ отъ жажды, а нестерпимый зной не позволялъ ни собакамъ, ни соколамъ ловить дичи, которая скрывалась въ лѣсахъ. Разсказываютъ, что можно было видѣть многихъ рыцарей съ трудомъ ѣхавшихъ верхомъ на неповоротливыхъ волахъ, которые замѣняли для нихъ павшихъ скакуновъ.

На конецъ въ одно утро восходящее солнце освѣтило имъ конецъ пустыни. Горизонтъ, уже не закрывающійся болѣе горами, среди которыхъ они шли столь долгое время, представлялся глазамъ ихъ въ смѣющемся видѣ; и почва не показывала уже слѣдовъ опустошенія, которымъ Турки означали путь свой во Фригіи. Здѣсь было изобиліе жизненныхъ припасовъ послѣ долговременнаго голода, свѣжая вода послѣ мученій жажды, это былъ рай, о которомъ мечтаетъ душа, находящаяся въ чистилищѣ.

Но эта быстрая перемѣна была гибельна для крестоносцевъ; они съ жадностію бросились къ первой встрѣтившейся рѣчкѣ и съ ненасытимостію пили холодную воду; ѣли съ такою жадностію, что желудокъ, ослабленный голодомъ, не могъ перенести быстраго перехода отъ пустоты къ пресыщенію, и неосторожные своими трупами устлали мѣсто послѣдняго своего отдыха на границахъ пустыни: здѣсь уснуло вѣчнымъ сномъ множество несчастныхъ. Походъ ихъ до самой Антіохетты, избѣгнувшей разоренія отъ Турковъ, не представляетъ другихъ потерь.

Когда крестоносцы отдохнули нѣсколько дней въ Антіохеттѣ, Годфридъ и Боэмундъ захотѣли продолжать походъ, а Балдуина и Танкреда, занимавшихъ мѣсто послѣ нихъ, послали для рекогносцировки въ сосѣдственныя страны, и попытать счастія не удастся ли имъ разбить Мусульманъ. Но куда они не пускались, Турки вездѣ предъупреждали ихъ, и означали свое шествіе опустошеніями и пожарами. Не смотря на это, Танкредъ достигнулъ Тарса и овладѣлъ имъ; знамя Итальянскаго Принца

было водружено на самой высокой изъ городскихъ башенъ. Спустя нѣсколько дней, Балдуинъ прибылъ къ занятому Танкредомъ городу, и при видѣ развѣвавщагося надъ городомъ Танкредова знамени, въ немъ родилась зависть. Онъ не имѣлъ ни одного изъ благородныхъ качествъ своего брата, Годфрида. Честолюбіе, этотъ могучій двигатель къ великимъ предпріятіямъ, когда не покоряются ему слѣпо, и умѣютъ управлять имъ, въ немъ не соединялось съ справедливостію. Онъ успѣлъ интригами, угрозами, обѣщаніями лишить Танкреда его пріобрѣтенія. Здѣсь положено начало вражды и раздора между крестоносцами, которые такъ усилились въ послѣдствіи. Танкредъ, оскорбленный этою несправедливостію, оставилъ Тарсъ и удалился въ Мамистру, отнятую у Турковъ; онъ выжидалъ удобнаго случая отмстить Балдуину. Спустя нѣсколько времени войска обоихъ соперниковъ встрѣтились и между ними произошла небольшая схватка, послѣ которой Балдуинъ и Танкредъ помирились. Послѣдній дѣлалъ набѣги, даже на Киликію, уводилъ лошадей, увозилъ жизненные припасы, между тѣмъ, какъ Балдуинъ, противъ котораго разсказъ о его поведеніи

при Тарсѣ, возбудилъ всеобщее негодованіе, оставилъ ополченіе Христіанъ и, съ двумя стами рыцарей и значительнымъ отрядомъ пѣхоты, отправился въ Месопотамію, гдѣ легко покорилъ себѣ безпечныхъ и неискусныхъ въ войнѣ жителей, которые убили даже своего царя, чтобы удовлетворить его честолюбію и сдѣлать его княземъ Едесскимъ.

Въ то время, какъ братъ Годфрида полагалъ первое основаніе Европейскому государству на берегахъ Евфрата, главныя силы крестоносцевъ приблизились къ Антіохіи, столицѣ Сиріи. Антіохія была защищена рѣкою Оронтомъ, чрезъ который Турки построили желѣзный мостъ для сообщенія съ городомъ. Робертъ Фландрскій, посланный съ отрядомъ впередъ чтобы овладѣть мостомъ, нѣсколько разъ былъ отбитъ на этомъ мѣстѣ; здѣсь Турки сосредоточили свои силы и Робертъ принужденъ былъ ожидать всего войска. Прибытіе Годфрида Бульонскаго, котораго одно имя наводило страхъ на Турковъ, рѣшило побѣду; ворота моста не устояли противъ стремительнаго напора Христіанъ и войско благополучно переправилось черезъ рѣку.

Утромъ на слѣдующій день, 21 октября 1097 года, крестоносцы стали лагеремъ подъ стѣнами Антіохіи (*).

—

ГЛАВА V.

КРЕСТОНОСЦЫ ПОДЪ АНТІОХІЕЮ — ГОЛОДЪ. — ПОБѢГИ — СРАЖЕНІЕ. — ИЗМѢНА.

—

Мы не войдемъ въ подробности касательно осады Антіохіи, которая была сходна съ осадою Никеи, кромѣ непростительной лѣности и постоянныхъ ошибокъ, которыя дѣлали крестоносцы. Первые приступы были отбиты мужественно, что свидѣтельствовало о храбрости и силѣ осажденныхъ. Крестоносцы боялись продолжительности осады, а Турки надѣялись на изобиліе съѣстныхъ припасовъ, которыми они успѣли запастись, и помощь, которую надѣялись получить отъ Персовъ, а также и муже-

(*) Guibert.

ство многочисленнаго гарнизона. Это заставляло Христіанъ быть осторожными, а они, вмѣсто того, первыя недѣли проводили въ наслажденіяхъ и роскоши. Долины, окружавшія Антіохію, были покрыты хлѣбомъ и виноградниками; многочисленныя стада паслись на богатыхъ пажитяхъ. Всѣ эти средства были издержаны, а запасовъ не сдѣлано ни какихъ; между тѣмъ, зима приближалась. Турки пользовались бездѣйствіемъ Христіанъ, часто истребляли ихъ отряды, посылаемые для фуражировки, и преслѣдовали ихъ съ удивительною отвагою до самыхъ окоповъ стана.

Осада длилась уже три мѣсяца, но Антіохія ничего не потеряла изъ своихъ выгодъ и нисколько не ослабѣла. Окрестности города были опустошены, зима препятствовала всякому сношенію крестоносцевъ съ отдаленными странами и въ станѣ началъ свирѣпствовать голодъ во всей силѣ; вмѣстѣ съ голодомъ смерть начала опустошать ряды крестоносцевъ. Бѣднякъ и богачь гибли подъ ударами непріятельскаго меча, тотъ и другой также равно умирали отъ голода среди ужаснѣйшихъ мученій. «По словамъ Вильгельма Тирскаго, говоритъ Ми-

що въ своей Исторіи Крестовыхъ походовъ, кусокъ «черстваго хлѣба, которымъ могъ пропитаться че-«ловѣкъ въ продолженіи сутокъ, стоялъ два су, вмѣ-«сто одного динара; волъ двѣ марки серебра вмѣсто «пяти су, козленокъ или ягненокъ пять и шесть су, «вмѣсто трехъ или четырехъ динаровъ, и проч.» Стручья еще зеленыхъ бобовъ и волчцы составляли лакомство, хотя недостатокъ дровъ не позволялъ даже поджарить ихъ. Открыто питались лошадиною, а тайкомъ даже человѣческимъ мясомъ (*). Около Рождества Христова, конница, которая въ началѣ осады имѣла болѣе 70,000 лошадей, теперь едва владѣла двумя тысячами. Въ это время настали зимніе дожди и въ этотъ годъ они были обильнѣе, чѣмъ когда нибудь; станъ крестоносцевъ превратился въ обширное болото. Палатки и одежда воиновъ гнили; появились заразительныя болѣзни. Тогда многіе воины покидали станъ, это обширное кладбище, и удалялись къ Христіанамъ въ Киликію и Месопотамію; Робертъ Нормандскій удалился въ Англійскую колонію, не задолго передъ этимъ основанную въ

(*) Malmsbury.

Лаодикіи и рѣшился опять соединиться съ прочими крестоносцами только послѣ трехъ формальныхъ требованій.

Зараза не пощадила Годфрида Бульонскаго; лихорадка, свирѣпствовавшая въ лагерѣ, приковала его къ постелѣ; она довела больнаго до чрезвычайной слабости, и это изнеможеніе,—слѣдствіе одной недѣли страданій, прошло только уже послѣ долгаго времени; смерть на этотъ разъ оставила свою жертву (*).

Въ одинъ изъ печальныхъ зимнихъ вечеровъ, вѣтеръ завывалъ уныло, дождь падалъ на поля съ какимъ-то наводящимъ скуку однообразнымъ шумомъ; Альберикъ находился одинъ при Годфридѣ Бульонскомъ, который задумчиво прислушивался къ неопредѣленному шуму, который можно было принять за голосъ плачущей природы, подъ небомъ покрытомъ сѣрыми облаками. Лампа бросала слабый дрожащій свѣтъ на его блѣдное изнуренное лице, на которомъ показывался самый легкій румянецъ возрождающагося здоровья. Подлѣ походной кровати, на которой лежалъ Годфридъ, сидѣлъ молодой пажъ

(*) Guillaume de Tyr.

съ глазами устремленными на вождя крестоносцевъ; онъ замѣчалъ и понималъ всѣ малѣйшія его движенія

По знаку Герцога Лотарингскаго, Альберикъ взялъ дубовую скамью и сѣлъ у изголовья постели.

— Какія новости изъ стана? спросилъ Годфридъ, тѣ же по прежнему, все такія же печальныя, дурныя?

— Все тѣ же, Ваше Высочество, зараза свирѣпствуетъ и дѣлаетъ изъ каждой палатки могилу; хлѣба нѣтъ, кто избѣгъ заразы, тотъ умираетъ отъ голода.

— А что дѣлаютъ начальники: Боэмундъ, Танкредъ, Роберть Фландрскій, Раймундъ и Адемаръ?

— Трое первые возвратились изъ экспедиціи въ Мусульманскія земли, откуда принесли значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Отсутствіе ихъ замѣчательно нападеніемъ Турковъ, которые воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать вылазку. Отбитые съ урономъ, они сдѣлали вторичное нападеніе въ то время, когда крестоносцы преслѣдовали ихъ съ необдуманною запальчивостію. Побѣда осталась за нами, но она нерѣшительна. Боэмундъ прибылъ въ станъ послѣ съ небольшимъ

количествомъ провизіи, но при безпорядкахъ, какія господствуютъ въ войскѣ, она была истреблена въ нѣсколько дней.

Годфридъ поднялъ печальныя глаза свои къ небу.

— Постоянно ошибки! прошепталъ онъ, далѣе?

— Потомъ, Герцогъ, продолжалъ Альберикъ, въ станъ крестоносцевъ приходили шпіоны; Мусульмане переодѣтые Греками, Сирійцами, Армянами, бродили среди Христіанъ, осмотрѣли положеніе лагеря и возвратились въ городъ, гдѣ отдадутъ вѣрный отчетъ Багазіану, начальнику гарнизона.

— А что же дѣлаетъ Боэмундъ?

— Ахъ, Герцогъ, продолжалъ Альберикъ, невольно задрожавъ всѣмъ тѣломъ, страшныя мѣры употреблены были для прекращенія этого низкаго шпіонства. Боэмундъ схватилъ нѣсколько Турецкихъ шпіоновъ, приказалъ разложить костеръ предъ городскими стѣнами, въ виду непріятелей, и...

— Ну?

— И приказалъ изжарить ихъ, потомъ указывая устрашеннымъ зрителямъ на это ужасное жаркое, закричалъ:

«Воины, необходимо удовлетворять голоду; во

«все время, пока онъ будетъ продолжаться, я съ «жадностію буду питаться такою пищею, которую, «въ менѣе трудныхъ обстоятельствахъ, я оттолкнулъ «бы съ ужасомъ и отвращеніемъ (*).» И самъ подалъ первый примѣръ къ этому нечеловѣческому поступку.

— Это единственное средство уничтожить въ станѣ всякую мысль объ измѣнѣ, сказалъ Годфридъ. Война требуетъ крови, а измѣна заслуживаетъ казнь. Но среди всѣхъ этихъ соединившихся бѣдствій Христіанскіе воины остались вѣрными своему призванію? Не такъ ли, Альберикъ?

— Увы! Ваше Высочество, есть примѣры бѣгства и трусости, даже между тѣми, отъ которыхъ можно было ожидать наибольшихъ пожертвованій.

— Кто эти люди? вскрикнулъ Годфридъ, онъ повернулся на постели, молнія свекрнула изъ глазъ его.

— Не чего говорить уже о Татиціѣ, полководцѣ Комнина; онъ удалился изъ лагеря, съ недѣлю назадъ,

(*) Albert.—De Guignes.—Guillaume de Tyr.

съ своимъ отрядомъ, и, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе повелѣній своего императора. Двои другихъ вождя также оставили станъ и число бѣглецовъ умножается со дня на день. Потомъ, продолжалъ Альберикъ съ нерѣшительностію, два... другіе... знаменитые крестоносцы...

— Говори, Альберикъ, говори, прервалъ съ живостію Годфридъ. Два другіе знаменитые крестоносца.... ихъ имена?

— Вильгельмъ Шарпантье (плотникъ) (*) и Петръ Пустынникъ.....

— О стыдъ! вскрикнулъ Герцогъ Лотарингскій, и закрылъ лице руками.

— Ихъ бѣгство, продолжалъ Альберикъ, сначала произвело глубокое впечатлѣніе на христіанскихъ воиновъ. Но, по счастію, ихъ встрѣтилъ Танкредъ, который возвращался въ станъ, онъ обоихъ привелъ назадъ къ Боэмунду.

— Который безъ сомнѣнія наказалъ подобную трусость?

(*) Такъ названъ потому что сѣкира его разсѣкала въ дребезги всякое оружіе.—Gibert et Robert.

— Ваше Высочество, отвѣчалъ Альберикъ тихимъ голосомъ, прощеніе есть тоже наказаніе. Они покаялись и клялись быть вѣрными своему призванію. Христосъ, за Которато мы сражаемся, простилъ врагамъ своимъ, которые осудили Его на смерть.

— Дальше что? спросилъ Годфридъ, тронутый этимъ дѣтскимъ отвѣтомъ, напомнившимъ ему о милосердіи.

— Наконецъ, продолжалъ Альберикъ, около восьми дней назадъ, послы Мостади, Египетскаго калифа, прибыли въ станъ съ предложеніемъ крестоносцамъ дружбы и покровительства, если они поклянутся ему въ повиновеніи и отправятся къ Гробу Спасителя, какъ простые поклонники. Калифъ позволялъ пробыть мѣсяцъ въ Іерусалимѣ тѣмъ, которые пожелаютъ поклониться Гробу Спасителя.

— И совѣтъ съ гордостію отказалъ? замѣтилъ съ безпокойствомъ герцогъ Лотарингскій.

— Отказалъ, Ваше Высочество, и послы на слѣдующій день отправились назадъ.

Годфридъ вздохнулъ, какъ будто его грудь освободилась отъ давившаго ее горя.

— Ахъ, сказалъ онъ съ радостною улыбкою, еще въ сердцѣ крестоносцевъ есть благородныя чувства.

— Да, Ваше Высочество, подхватилъ молодой пажъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Есть еще благородныя чувства и высокіе порывы мужества. Багазіанъ, начальникъ непріятельскаго гарнизона, будучи не въ состояніи ослабить крестоносцевъ ни голодомъ, ни оружіемъ, просилъ помощи у Султановъ и Эмировъ Сирійскихъ. Султаны Кесарійскій, Алепскій и Емесскій собрали войско въ 20,000 человѣкъ. Когда вѣсть о приближеніи непріятеля достигла стана, Боэмундъ и Графъ Тулузскій собрали остатокъ конницы, около 700 всадниковъ, и отправились на встрѣчу непріятелю, которая случилась при одномъ узскомъ проходѣ, при входѣ котораго остановились крестоносцы. Ряды Мусульманъ сокрушались о христіанскія фаланги, которыя разбрасывали враговъ, подобно тому какъ рѣка расторгаетъ старую плотину. Двѣ тысячи непріятелей легли на полѣ сраженія, остатки разбитаго войска обратились въ бѣгство (*).

— Ты былъ въ числѣ сражающихся, молодой мой энтузіастъ?

— Былъ, Ваше Высочество, отвѣчалъ скромно Аль-

(*) Baldric.

берикъ, тогда въ первый разъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ я оставилъ вашу палатку.

— Благодарю, сынъ мой, ты имѣешь доброе сердце, благодарю.

И онъ протянулъ ему руку съ глубокимъ выраженіемъ благодарности.

— Еще, Ваше Высочество, прибавилъ Альберикъ, сегодня утромъ въ станѣ съ радостію разсказывали другъ другу пріятную вѣсть; при устьѣ Оронта замѣтили флотъ пришедшій изъ Пизы и Генуи; онъ привезъ намъ значительное вспоможеніе въ людяхъ и съѣстныхъ припасахъ. Богъ безъ сомнѣнія умилосердился надъ нашими бѣдствіями.

—О! прошепталъ вполголоса Герцогъ Лотарингскій, если эти невѣрные собаки станутъ препятствовать высадкѣ вспоможенія, я буду тамъ.

Чрезъ нѣсколько дней счастливая вѣсть, вождѣленная для крестоносцевъ, подтвердилась. Пизанскіе и Генуэзскіе корабли бросили якорь при устьѣ Оронта. Тотъ часъ безчисленная толпа оголодавшихъ поклонниковъ устремилась въ безпорядкѣ къ берегу; Боэмундъ и Графъ Тулузскій послѣдовали туда съ нѣсколькими отрядами регулярныхъ войскъ, назна-

ченныхъ для поддержанія порядка и для предъотвращенія грабежа. Багазіанъ, который искалъ только случая разбить Христіанъ, вышелъ съ 4000, чтобы сдѣлать, при удобномъ случаѣ, на нихъ нападеніе. Турки скрылись въ засадѣ въ одномъ узкомъ проходѣ и окружили конвой, когда онъ возвращался въ станъ. Дорога была усѣяна крестоносцами обрѣмененными военными и жизненными припасами.

При видѣ добычи Турки стремительно бросились на крестоносцевъ и начали рубить ихъ своими широкими саблями. Боэмундъ пробился сквозь толпу Турковъ препятствовавшихъ его проходу и прискакалъ въ станъ съ извѣстіемъ объ опасности.

Годфридъ уже выходилъ изъ своей палатки, онъ, какъ и обѣщалъ, поспѣшилъ схватить свой огромный, тяжелый мечъ, бросился на коня и началъ призывать къ сраженію.

При этомъ голосѣ, который такъ часто указывалъ крестоносцамъ побѣду, они стекались готовые къ бою и Годфридъ, въ сопровожденіи двухъ Робертовъ, Гуго Вермандуазскаго и двухъ другихъ начальниковъ, поспѣшилъ на помощь къ своимъ сподвижникамъ.

Въ это время начальникъ Антіохійскаго гарнизона

пустилъ въ дѣло также всѣ свои войска на помощь тѣмъ, которые сражались съ Раймундомъ. Въ то время, какъ крестоносцы быстро неслись на непріятеля, Годфридъ почувствовалъ на своемъ плечѣ железную рукавицу; онъ вспыхнулъ и поворотился.

— А! это ты Альберикъ, что тебѣ нужно?

— Ваше Высочество, новые враги идутъ сзади.

Герцогъ Лотарингскій приказалъ остановиться, возвратился быстро назадъ и овладѣлъ небольшимъ возвышеніемъ близъ города. Когда Турки, посланные Багазіаномъ пришли къ подошвѣ косогора, Годфридъ въ сопровожденіи рыцарей бросился на нихъ съ быстротою молніи. Разбитый непріятель пустился бѣжать, вдоль рѣки, къ Антіохіи; разсказываютъ, что Годфридъ Бульонскій и Робертъ Нордманскій находились среди ихъ бѣгущихъ отрядовъ и что Годфридъ однимъ ударомъ сабли разсѣкъ пополамъ одного Турка: верхняя часть тѣла упала, но невѣрный такъ хорошо сидѣлъ въ сѣдлѣ, что другая половина была унесена лошадью, которая бѣжала вскачь съ окровавленнымъ отрубкомъ до самаго города. Рауль Каенскій разсказываетъ этотъ случай шутливымъ тономъ: « Годфридъ однимъ ударомъ сабли, кото-

рымъ онъ разрубилъ Турка пополамъ, сдѣлалъ двухъ невѣрныхъ, одинъ изъ нихъ понесся галопомъ въ городъ, а другой упалъ въ рѣку и плавалъ въ ней съ лукомъ въ рукѣ.» Другимъ ударомъ Годфридъ разсѣкъ Мусульманина отъ головы до ногъ; страшное оружіе не остановилось здѣсь, но разсѣкши тѣло, прошло до кишекъ лошади (*).

Въ то время, какъ эта рѣзьба происходила близъ Антіохіи, Раймундъ одержалъ нѣкоторый перевѣсъ надъ Турками, сдѣлавшими нападеніе въ ущеліи. Вскорѣ помощь, поданная крестоносцамъ, измѣнила битву, которую поддерживали Мусульмане, въ совершенное пораженіе послѣднихъ, и Багазіанъ спѣшилъ затворить за бѣгущими ворота Антіохіи; всѣ съ ужасомъ спѣшили укрыться въ своихъ стѣнахъ. Это сраженіе, несчастное для Турковъ, стоило жизни одному изъ сыновей Багазіана, 12 Эмирамъ и 2000 воиновъ.

Спустя около мѣсяца, послѣ этой замѣчательной битвы, человѣкъ закутанный въ широкій плащь, какой обыкновенно носили крестоносцы, тихо пробирался между палатками Христіанъ: онъ былъ едва замѣтенъ въ ночной темнотѣ. Все спало; только вда-

(*) C. Mills.

ли на переднихъ постахъ слышались безпокойные шаги часовыхъ, бордствующихъ съ саблею въ рукѣ. Скоро таинственный человѣкъ вышелъ изъ стана и тихо приближался къ одной изъ Антіохійскихъ башенъ, которой черная масса, возвышаясь, рѣзко отдѣлялась отъ сѣроватаго цвѣта неба. Онъ каждому часовому, котораго встрѣчалъ, говорилъ тихонько свое имя; оно вѣроятно было весьма знаменито, потому что ему всѣ отдавали военную почесть и съ почтеніемъ удалялись. Дойдя до подошвы башни, къ которой онъ направлялъ свои шаги, незнакомецъ внимательно осмотрѣлся, нѣсколько минутъ прислушивался въ тишинѣ ночи, и, освободивъ руку изъ подъ плаща, осторожно постучалъ дважды въ небольшую, низенькую, толстую дверь, находящуюся въ стѣнѣ башни.

Тѣмъ же знакомъ отвѣчали на этотъ призывъ, и голосъ изъ внутри башни, сказалъ весьма тихо, но такъ что могъ разобрать человѣкъ, котораго ухо было приложено къ запертой двери.

— У всякаго человѣка есть своя тайна.

Голосъ извнѣ отвѣчалъ.

— Всякая тайна имѣетъ скрытную цѣль. Послѣдовало молчаніе.

Человѣкъ, въ плащѣ прибавилъ:

— Что это за тайна и какая цѣль?

— Золото, отвѣчалъ голосъ изъ внутри.

— Боэмундъ, сказалъ другой.

Тотъ часъ тяжелые засовы, запиравшіе башню изъ внутри, отодвинулись потихоньку, дверь отворилась и незнакомецъ вошелъ.

Этотъ незнакомецъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ Боэмундъ, Князь Тарентскій, другой былъ начальникъ башни и назывался Фирузъ; онъ происходилъ изъ благородной армянской фамиліи.

Оба они пришли въ небольшую тѣсную и низскую комнату, гдѣ было двѣ скамейки.

— Мы одни? спросилъ, садясь, Князь Тарентскій.

— Одни, Ваше Высочество.

— Всѣ двери заперты осторожно?

— Да, Принцъ.

— Садитесь, сеньоръ Фирузъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, которымъ мы воспользуемся, чтобы описать физіономію Армянина.

Онъ былъ средняго росту, но имѣлъ формы атле-

та, на лицѣ его не выражалось ни одно движеніе души, ни одна скрытная мысль: черные глаза его глубоко впали, они были полузакрыты длинными и широкими черными бровями и блистали, какъ два разкаленные угля. Лобъ широкій и возвышенный, губы не много вздернутые подъ носомъ, тонкимъ и остроконечнымъ, выражали язвительную насмѣшку. Подвижныя черты лица его показывали, что онъ могъ измѣнять физіономію по своему произволу; въ немъ нужно было предположить сильную и твердую волю, съ которою соединялся быстрый и проницательный умъ. Дѣйствительно, посвященный въ интриги двора, Фирузъ снискалъ благорасположенность Багазіана, которымъ умѣлъ управлять по своей волѣ; онъ отправлялъ высшія военныя и гражданскія должности. Связь его съ Княземъ Тарентскимъ, который по нравственности былъ нѣсколько похожъ на него, началась торговыми сношеніями, произходившими между ними въ продолженіе осады.

Разговоръ ихъ покажетъ намъ, какіе тайные интересы соединяли этихъ двухъ людей въ часъ ночи, когда все покоилось и въ городѣ и станѣ крестоносцевъ. Фирузъ первый прервалъ молчаніе.

— Поспѣшимъ, Принцъ, намъ остается не больше часа до осмотра, который дѣлаетъ обыкновенно одинъ изъ офицеровъ гвардіи.

— Сеньоръ Фирузъ, отвѣчалъ Боэмундъ, размыслили ли вы объ обѣщаніяхъ, которыя я дѣлалъ вамъ?

— Думалъ, Принцъ.

— Вы согласны?

— Подождите, Ваше Высочество, я сей часъ выскажу вамъ свои мысли. Ваши предложенія блестящи, но ничто мнѣ не ручается, что они будутъ выполнены; далѣе, мнѣ кажется, что благодарность не равняется требуемой услугѣ. Сдавая вамъ Антіохію, я дѣлаю васъ королемъ, но кто можетъ отвѣчать, что вы, когда овладѣете городомъ, не забудете своего слова.

— Принцъ Тарентскій, сеньоръ Фирузъ, вамъ отвѣчаетъ за это. Не думаете ли вы, что настоящее дѣло я веду изъ однихъ личныхъ, честолюбивыхъ видовъ? Я говорилъ вамъ о своей благодарности, но не ужели вы предполагаете, что вы не будете имѣть права на благодарность и другихъ вождей крестоносцевъ. За золотомъ, которымъ я наполню ваши руки, придутъ и почести. Вы человѣкъ съ умомъ

обширнымъ, изъ благородной армянской фамиліи, и ваше мѣсто быть не при мусульманскомъ варварскомъ дворѣ. Потомъ, въ случаѣ нужды, я князь, и въ Италіи имѣю могущественный и блестящій дворъ, куда имѣю право принимать всякаго, кто оказалъ мнѣ какія нибудь услуги. Крестоносцы ли явятся неблагодарными предъ вами, я за нихъ порукою въ этомъ случаѣ, а я не забываю своего слова.

— И вы мнѣ обѣщаете, что это все будетъ такъ?

— Даю вамъ въ этомъ честное слово благороднаго человѣка и крестоносца.

Казалось что еще одно сомнѣніе безпокоило Фируза.

— Это будетъ чистая, гнусная измѣна, шепталъ онъ, я очень хорошо знаю, что человѣкъ, который допустилъ другому соблазнить себя, никогда не можетъ возбудить снова въ сердцѣ другаго къ себѣ ни уваженія ни довѣренности.

— Это совершенная глупость, говорилъ Боэмундъ съ ласковою дружескою улыбкою.

— Разсмотрите хорошенько свои мысли, и вы найдете, что онѣ не должны бы были васъ безпокоить. Что вы здѣсь называете измѣной, это для меня благо-

дѣяніе и сомнѣваться въ моей за это благодарности, значитъ наносить мнѣ жестокую обиду. Ну, скажите, какія условія вы предлагаете, и какой требуете клятвы въ увѣреніе, что я непремѣнно выполню эти условія. Клянусь Крестомъ Христа Спасителя, который вамъ изображенъ здѣсь на моей шпагѣ, я исполню все, что только обѣщалъ и даже больше, если вамъ угодно.

Боэмундъ говорилъ съ необыкновенною силою, и желаніе позволить уговорить себя потрясло сердце армянина. Но онъ оставался еще въ небольшей нерѣшительности и страхѣ, что ясно высказывалось въ его взорахъ.

— Поклянитесь загробною участью своей души, что вы, Принцъ, сдержите свое слово.

— Клянусь участью своей души за гробомъ, сдержу свое слово.

— Ну, пусть будетъ такъ, сказалъ Фирузъ съ рѣшительнымъ жестомъ,—я согласенъ.

— Благодарю сеньоръ, отвѣчалъ Боэмундъ, а клятва съ вашей стороны? Поклянитесь своей головою, что вы исполните данное вами обѣщаніе.

— Клянусь, исполню.

Фирузъ подумалъ нѣсколько мгновеній потомъ продолжалъ:

— Послушайте, Ваше Высочество, вотъ что я долженъ получить отъ васъ вдругъ же послѣ вашего вступленія въ Антіохію: вы мнѣ обѣщали шесть-тысячь марокъ золота. На другой день послѣ занятія города крестоносцами, я иду къ вамъ, спрашиваю у васъ эту сумму и потомъ, когда получу деньги, я свободенъ идти куда захочу; не подчиняясь ничьему владычеству, и чтобы никто не могъ мнѣ воспрепятствовать въ этомъ. Согласны ли?

— Вамъ будетъ предоставлена полная свобода поступать какъ вамъ заблагоразсудится,—клянусь вамъ въ этомъ.

— Хорошо, я вамъ доставлю средство войти въ Антіохію.

— Такъ условимся, сказалъ Боемундъ, приблизясь къ армянину, сегоднешній же вечеръ о нашихъ средствахъ. Мы проникнемъ въ городъ не чрезъ входъ ли этой башни?

— Это невозможно, Принцъ, пятьдесятъ человѣкъ гвардіи постоянно содержатъ караулъ въ верхнемъ этажѣ, а между тѣмъ довольно четырехъ отважныхъ

воиновъ, чтобы на противоположной лѣстницѣ удержать цѣлый отрядъ впродолженіи двухъ часовъ. Вотъ что нужно сдѣлать. Растояніе, которое отдѣляетъ эту башню отъ находящейся на западѣ, такъ мало, что здѣсь ночью не бываетъ ни одного часоваго. Вечеромъ, въ который мы условимся, вы, не дѣлая шуму, приблизитесь къ валамъ, я сверху, со стѣны брошу вамъ веревки, необходимыя для всхода на городскія стѣны.

— Нѣтъ ли другаго средства? Мои воины могутъ не согласиться лезть на стѣны, опасаясь обмана.

— Другаго средства нѣтъ, Ваше Высочество. Здѣсь есть одна дверь, чрезъ которую дѣлаютъ вылазки, ключь отъ ней хранится у начальника башни, что отсюда на югъ. Ваши воины, однажды взойдя на стѣны, скоро овладѣютъ этою башнею, и ключь отъ двери будетъ въ ихъ распоряженіи.

— Нѣтъ ли другаго средства? спросилъ опять Боэмундъ.

— Я не знаю другаго способа, отвѣчалъ Фирузъ. Здѣсь нужна взаимная довѣренность; мое положеніе одинаково съ вашимъ, Ваше Высочество.

— Вы невѣрно поняли меня, прервалъ Принцъ

Тарентскій; если здѣсь можетъ быть какая нибудь недовѣрчивость, такъ это не съ моей стороны, а со стороны крестоносцевъ.

— Вы можете уговорить ихъ, Принцъ, у меня нѣтъ никакаго другаго средства.

Боэмундъ устремилъ свои проницательные взоры на лице Фируза, какъ будто онъ хотѣлъ прочитать сквозь его физіономію въ самой глубинѣ его сердца. Физіономія армянина была спокойна и безстрашна, ни одна морщинка не показалась на его гладкомъ, блѣдномъ челѣ, ни даже самая легкая дрожь нетерпѣливости не пошевелила его губами.

— Я хотѣлъ бы сдѣлать и больше, прибавилъ онъ, поднимая на Боэмунда свои черные глаза, свѣтлые и спокойные, съ жестомъ, который сопровождалъ онъ легкимъ движеніемъ бровей, но, по несчастію, мое безсиліе ограничиваетъ мою волю. Если вы согласны, поспѣшимъ, я сказалъ еще не все, а часъ уже приближается.

— Согласенъ, отвѣчалъ Боэмундъ, который видѣлъ, что болѣе медлить значитъ потерять все.

— Теперь, продолжалъ Фирузъ, вы завтрѣшній вечеръ будьте готовы съ своими воинами. Слухи

объ измѣнѣ и подозрѣніе распространились уже въ Антіохіи: кто ихъ посѣялъ? Я не знаю, но онѣ есть. Завтра комендантъ быть можетъ удалитъ меня съ этой башни, и тогда прощай всѣ ваши и мои планы. Вы слышали? До завтра!

— Но, возразилъ Принцъ Тарентскій, вожди крестоносцевъ не предъупреждены мною, и я не знаю захотятъ ли они согласиться.

— Вамъ остается цѣлый день на убѣжденіе ихъ.

— Они отвергнутъ предложеніе?

— Довольно будетъ вашихъ солдатъ, лишьбы они согласились.

— Они уже отказались отъ этого, но что нужды? До завтра!

— Предъ закатомъ солнца, продолжалъ Фируэъ, взгляните на второе окно отъ основанія башни. Если тамъ будетъ развѣваться бѣлый платокъ, будьте въ полночь подъ валами. Прощайте!

— Въ полночь подъ валами, если при закатѣ солнца бѣлый платокъ будетъ развѣваться во второмъ окнѣ, повторялъ Боэмундъ, вставая.

— Да! — спѣшите: рѣшительность и довѣріе, — вотъ нашъ пароль. До завтра, быть можетъ!

Принцъ Тарентскій шелъ назадъ скоро, и большими шагами возвращался въ свою палатку, обдумывая средства получить согласіе крестоносцевъ.

На другой день дѣло разсматривали въ общемъ совѣтѣ; его приняли Годфридъ Бульонскій, Гуго Вермандуазскій и два Роберта, не смотряна противорѣчіе Графа Тулузскаго. Вожди крестоносцевъ согласились на средство предложенное Боемундомъ войти въ городъ, и вмѣстѣ обѣщали, что Антіохія будетъ принадлежать ему, если только Князь Тарентскій овладѣетъ городомъ Опредѣлили слѣдовать распоряженіямъ Боэмунда, если вечеромъ явится ожидаемый знакъ, который Фирузъ обѣщалъ ему на канунѣ.

—

ГЛАВА VI.

ВЗЯТІЕ АНТІОХІИ. — ИСТРЕБЛЕНІЕ ЖИТЕЛЕЙ. — НОВЫЙ ГОЛОДЪ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ АНТІОХІИ.— ПОБѢДА КРЕСТОНОСЦЕВЪ.

—

Наступило 3 іюня 1098 года. По выходѣ изъ совѣта, вожди крестоносцевъ задумчиво возвращались въ свои палатки: всѣ ихъ мысли занимала неизвѣ-

стность и ожиданіе событій вечера. Осада Антіохіи продолжалась семь мѣсяцевъ, и ничто не заставляло думать о счастливомъ окончаніи этой долгой борьбы: по этому крестоносцы съ надеждою приняли предложенное имъ предательство Фируза. Въ этотъ день имъ казалось, что солнце стоитъ на небѣ неподвижно; минуты казались для нихъ цѣлыми часами, а каждый часъ тянулся для нихъ также долго, какъ цѣлое лѣто; ихъ задумчивые взоры часто обращались къ горизонту, къ которому солнце склонялось тихо, медленно, какъ бы шутя надъ ихъ нетерпѣливостію, и съ безпокойствомъ останавливались на огромной башнѣ, которая стояла вдали тихая, неподвижная.

Наконецъ, солнце казалось опустилось на высокій холмъ, которымъ пресѣкался горизонтъ, простояло здѣсь нѣсколько минутъ, какъ бы прощаясь съ міромъ, который оно освѣщало, и его красный кругъ изчезъ незамѣтно, подобно мечтѣ.

На башнѣ Антіохійской забѣлѣлся платокъ, онъ развѣвался впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, и подобно ночному призраку изчезъ.

Въ полночь небольшой отрядъ, человѣкъ около

100, отправился въ величайшемъ безмолвіи къ стѣнамъ Антіохіи, къ мѣсту, которое назначилъ Фирузъ. Во главѣ этого отряда шелъ Боэмундъ; вслѣдъ за нимъ другая колонна крестоносцевъ. Третій отрядъ устремился къ двери, въ которую дѣлаютъ вылазки; она должна быть отворена, когда первый отрядъ успѣетъ проникнуть въ городъ. Все войско было въ строю; оно ждало только сигнала, чтобы выступить изъ лагеря.

Принцъ Тарентскій, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, дошелъ до укрѣпленій, въ ожиданіи условнаго знака, и вдоль ихъ благоразумно скрылся съ своими воинами.

Въ ожиданіи прошло нѣсколько секундъ, два слова команды, сказанныя низкимъ, но звучнымъ голосомъ, потрясли воздухъ и заставили пробѣжать дрожь по сердцу каждаго крестоносца. Вдругъ же нѣсколько веревокъ, снабженныхъ узлами упали къ ногамъ Боэмундовыхъ воиновъ, которые неподвижно и безмолвно стояли вдоль стѣны.

— Воины! за мною! тихо сказалъ Боэмундъ.

Солдаты смотрѣли на брошенныя веревки съ изумленіемъ; укрѣпленіе казалось имъ слишкомъ высоко

и мрачно, и жестами они выражали нерѣшительность.

— Что? говорилъ Боэмундъ, неужели ужасаетесь вы, воины Христовы?

Крестоносцы оставались неподвижными и ничего не отвѣчали.

Боэмундъ, съ сверкающимъ взоромъ и яростію въ сердцѣ, приблизился къ толпѣ, которая тихо разговарила, и грозно спросилъ:

— О чемъ вы говорите между собою?

— Ваше Высочество, это безъ сомнѣнія хитрость; мы всѣ будетъ перебиты, шептало нѣсколько голосовъ.

— Вы всѣ трусы, отвѣчалъ Принцъ глухимъ голосомъ, и завтра прикажу всѣхъ васъ повѣсить, какъ измѣнниковъ, за то, что вы нашили себѣ на плечахъ крестъ Христовъ, между тѣмъ, какъ вы недостойны носить это знаменіе.

Солдаты молчали, но не подавались впередъ.

— Ну выбирайте, продолжалъ Боэмундъ, или славную смерть среди враговъ, или безчестную казнь за измѣну святому дѣлу.

Крестоносцы переглянулись между собою, но сохранили положеніе статуй.

Боэмундъ, раздраженный до крайности, испустилъ глухой стонъ, обнажилъ свой мечь и устремился на нихъ. Головы склонялись подъ сталь, не произнося не одного слова.

— О, о! проревѣлъ Боэмундъ, удерживая свою ярость и схватился обѣими руками за голову; она горѣла, кровь клюкотала въ немъ, какъ лава.

— И такъ вы отказываетесь приблизиться? продолжалъ онъ съ большимъ спокойствіемъ.

— Будьте осторожны, ваше высочество! повторилъ съ высоты голосъ, который подалъ условный знакъ.

— Стыдъ и проклятіе на всѣхъ васъ! закричалъ онъ съ бѣшенствомъ; оставайтесь, когда боитесь слѣдовать за мною.

И въ одинъ прыжекъ онъ очутился на одной изъ веревокъ, которые качались вдоль стѣны; изумленные крестоносцы могли слѣдить за нимъ взглядомъ, пока онъ не устрашимо взбирался на верхъ укрѣпленій и ступилъ на стѣну ногою, здѣсь онъ совершенно изчезъ отъ ихъ взоровъ. Они могли замѣтить, что не было никакого необыкновеннаго шума, соединеннаго съ звукомъ оружія, и никакой глухой

стонъ, подобный стону умирающихъ, не нарушалъ тишины ночи; все было спокойно. Только, спустя нѣсколько секундъ, веревка, которая была уже неподвижна, закачалась вновь и Боэмундъ явился опять передъ ними живъ и здоровъ.

— Теперь послѣдуете за мною? сказалъ онъ, стоя съ гордымъ видомъ, и перстомъ указалъ на верхъ укрѣпленій.

Первое движеніе нерѣшительности и страха уже прошло. Крестоносцы съ жаромъ бросились къ веревкамъ и лезли на стѣну. Пылъ и стремительность солдатъ были такъ велики, что многіе веревки были порваны и только шестдесятъ человѣкъ достигли вершины.

Этого было довольно. Эти шестдесятъ человѣкъ приготовили путь для своихъ братьевъ ужаснымъ образомъ. Они овладѣли десятью башнями, гарнизонъ, которыхъ перерѣзали; потомъ поспѣшили отворить дверь, въ которую дѣлаютъ вылазки, чрезъ нее все войско ворвалось въ городъ; оно подобилось безпорядочной толпѣ, которую воодушевляла та фанатическая жестокость, которая свойственна солдатамъ, сражающимся за религію, при ихъ торжествѣ,

и обыкновенная надменность людей, которые встрѣчали долговременное сопротивленіе. Убійство было ужасное: старики, женщины, младенцы,—ничто не было пощажено. Число Турковъ, убитыхъ въ эту ночь, полагаютъ болѣе 10,000. Багазіанъ, ихъ предводитель, найденъ въ горахъ смертельно раненый однимъ Тирійскимъ Христіаниномъ, который отсѣкъ ему голову, и принесъ ее, какъ кровавый тріумфъ, во Французскій лагерь (*). Побѣдители, по невнимательности, не заняли цитадели, много враговъ убѣжало туда прежде, нежели крестоносцы вздумали овладѣть ею. Это была важная ошибка, какъ показали послѣдствія.

Распутства и шумныя пиршества настали послѣ всякаго рода лишеній, какія терпѣли крестоносцы въ продолженіе осады: величайшіе безпорядки замѣнили дисциплину и предшествовали самому ужасному голоду, которому должны были подвергнуться Христіане.

Спустя нѣсколько дней послѣ побѣды крестоносцевъ, Антіохія подверглась новой осадѣ, прежде не-

(*) Robert, Baldric, и проч. и проч.

жели Христіане могли запастись жизненными потребностями. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Успѣхи крестоносцевъ начали безпокоить Востокъ. Султанъ Персидскій, владычествовавшій надъ обширною страною, собралъ сильное войско, начальство надъ нимъ онъ поручилъ Кербогѣ, эмиру Моссульскому, своему министру, самому старшему генералу его государства. Килиджъ-Арсланъ собралъ свои разсѣянныя войска и соединился съ Кербогою; это союзное войско простиралось, по крайней мѣрѣ, до 200,000 человѣкъ (*).

Мусульманскіе войска разбили свои палатки во кругъ завоеванной столицы, и послали подкрѣпленіе войсками въ цидатель, которую такъ неосмотрительно крестоносцы оставили во власти непріятеля. Христіанамъ угрожалъ извнѣ мечь, а внутри голодъ. Турки рѣшились вновь завоевать городъ голодомъ; они овладѣли гаванью св. Симеона, сожгли корабли, которые здѣсь стояли, и чрезъ это воздвигли непроходимую преграду между крестоносцами и го-

(*) Albert d'Aix.—Tudebodus увеличиваетъ до 365090, Ravul de Caen до 400,000.

родами, лежащими по берегамъ Средиземнаго моря Чрезъ нѣсколько дней всѣ несчастія, какія перенесли Христіане подъ стѣнами Антіохіи, казались малыми и пріятными въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которымъ подверглись они внутри города. Наказаніе крестоносцевъ за ихъ безпорядки было неожиданно и ужасно.

Голодъ и жажда начали свирѣпствовать ужасно. Пока оставалось сколько нибудь корму для лошадей, ихъ хранили, чтобы пить кровь ихъ, спустя немного принуждены были убить ихъ, чтобы питаться ихъ мясомъ. Птицъ, какого бы рода онѣ ни были, пожирали съ жадностію; питались листьями деревъ и кожами, прежде-съѣденныхъ животныхъ; даже сухая кожа со щитовъ и оружія употреблялась въ пищу. Голодъ заставилъ и въ этой пищѣ находить отличный и пріятный вкусъ. Этимъ лишеніямъ подвергался не одинъ только низшій классъ крестоносцевъ, но одинаковыя нужды сдѣлали равными всѣхъ людей; различіе состояній изчезло. Вожди, солдаты, женщины, молодыя дѣвицы, всѣ равно вмѣстѣ страдали. Народъ съ громкимъ крикомъ жаловался на голодъ, и никто не могъ облегчить его

участь, никто, даже самъ не могъ избѣжать этого ужаснаго бича: самъ Годфридъ былъ безъ лошадей и безъ денегъ (*).

Бальдрикъ повѣствуетъ, что многіе изъ несчастныхъ, полумертвые отъ изнеможенія, ползали по городскимъ улицамъ и кричали: «Господи! да святится имя Твое!» Они утѣшались надеждою, что за скорби настоящей жизни получатъ награду въ будущей; но такое преданіе себя въ волю Божію не было общимъ чувствомъ всего войска: начались побѣги. Вильгельмъ-Плотникъ (Charpentier) забылъ свою клятву быть вѣрнымъ святому дѣлу, и ушелъ вторично. Алексѣй Комнинъ, на помощь котораго надѣялись, узнавъ о жалкомъ положеніи Христіанъ въ Антіохіи, вернулся назадъ.

Когда эта новость была получена крестоносцами, уныніе овладѣло многими храбрыми и твердыми мужами. Годфридъ, Раймундъ и Адемаръ употребили героическое усиліе, чтобы удержать вождей, которые рѣшились оставить своихъ солдатъ и возвратиться въ Европу. Воины предались мрачной задумчиво-

(*) Robert, Baldric. и проч. и проч.

сти и глубокому отчаянію: ни просьбы, ни строгость не могли удержать ихъ при своихъ мѣстахъ; они всѣ запирались дома. Боэмундъ былъ привужденъ, наконецъ, зажечь домы, въ которыхъ они скрывались, и только при видѣ пламени, которое угрожало пожрать ихъ, воины возвратились къ своимъ мѣстамъ, и стали снова исправлять свои воинскія обязанности.

Оставалось одно средство воодушевить унылыхъ крестоносцевъ и возбудить въ нихъ живость и ревность,—это было воспламенитъ въ нихъ чувство религіозное. Одинъ ломбардскій духовный принялъ на себя это дѣло; онъ разсказывалъ народу о многихъ видѣніяхъ данныхъ ему свыше, въ которомъ Св. Петръ являлся молящимся Христу, чтобы Онъ удалилъ отъ крестоносцевъ тѣ бѣдствія, которыя преслѣдуютъ ихъ столь долгое время. Разныя чудеса, о которыхъ говорили народу фанатическіе священники съ подробными доказательствами, оживили храбрость воиновъ: было рѣшено Петру Пустыннику идти въ станъ невѣрныхъ и требовать, чтобы они сняли осаду Антіохіи и дали свободный выходъ Христіанскому войску. Петръ ходилъ въ Турецкій ла-

геръ и возвратился къ Христіанамъ съ надменнымъ и грознымъ отвѣтомъ Кербоги, котораго разсердило такое необыкновенное предложеніе.

Чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи Петра Пустынника, Христіане, оскорбленные гордымъ отвѣтомъ турецкаго вождя, воспламенились необыкновеннымъ энтузіазмомъ; лица ихъ блѣдныя и тощія, глаза тусклыя и потухшія вдругъ оживились; станъ ихъ сгорбленный и изнуренный гордо выпрямился. Начались приготовленія къ сраженію, которое должно было послѣдовать завтра; онѣ состояли въ молитвахъ и религіозныхъ процессіяхъ.

Займемъ разказъ о битвѣ, которая случилась на другой день, 28 Іюня 1098, изъ Исторіи крестовыхъ походовъ Г. Мильса (Mills), переведенной на французскій языкъ г Тиби (Tiby).

«Въ этотъ день совершается праздникъ Святыхъ Петра и Павла, и это обстоятельство еще удвоило мужество войска. Всѣ полки, исключая отряда Графа Тулузскаго, и небольшаго числа провансальцевъ, которые были оставлены наблюдать за гарнизономъ, заключеннымъ въ цитадели, оставили Антіохію и построились въ боевой порядокъ на равнинѣ, лежащей

передъ городомъ. Авангарду предшествовали священники и монахи съ крестомъ въ рукахъ, они громко призывали благословеніе неба и пѣли слова псалмопѣвца: *Богъ мой защититель есть всѣхъ уповающихъ на Него* (Псал. XVII. 31.). Во всемъ видѣли хорошее предзнаменованіе; на утренней зарѣ, на воздухъ благоухающій испареніями розъ смотрѣли какъ на доказательство особеннаго небеснаго благоволенія. Войско, въ честь двѣнадцати Апостоловъ, раздѣлилось на двѣнадцать отрядовъ; Гуго, Графъ Вермандуазскій, который носилъ знамя Папы, получилъ начальство надъ авангардомъ; Робертъ Фландрскій командовалъ вторымъ отрядомъ: Робертъ Норманскій и его родственникъ Етьеннъ—третьимъ; Епископъ дю Пюи предводительствовалъ четвертымъ; седьмымъ и осьмымъ управляли Годфридъ и Танкредъ; другими отрядами начальствовали другіе славные и знаменитые вожди; резервы поручены были Воемунду.

Войско приняло съ восклицаніями краткое привѣтствіе Епископа дю Пюи, и потомъ устремилась на долину по ту сторону Оронта. 2000 Турковъ, которые защищали переходъ желѣзнаго моста, были раз-

сѣены и изрублены въ клочки тремя первыми отрядами. Тогда войско построилось въ двѣ линіи между горами и рѣкою. Гуго занялъ правую, а Годфридъ лѣвую сторону.

Кербога воображалъ, что Христіане приближаются къ нему просить пощады, но истребленіе охранныхъ его отрядовъ дало знать, что они идутъ сражаться. Искуство управляло его распоряженіями: онъ свои аттаки устремлялъ на одну часть Христіанской арміи, именно противъ отрядовъ Годфрида и Гуго. Султанъ Никейскій въ свою очередь, послѣ дальняго обхода, напалъ на арріергардъ крестоносцевъ подъ командою Боэмунда.—Христіане искуснымъ движеніямъ Турковъ не противоставили никакой военной хитрости; они сражались отрядъ противу отряда, копье противъ копья. Танкредъ видѣлъ сомнительный жребій сраженія и поспѣшилъ на помощь Принцу Тарентскому; онъ прибылъ въ то время, когда Французы сражались уже не для побѣды, а для защиты собственной жизни, когда сарацынская кавалерія уже привела въ растройство ряды ихъ. Въ это опасное мгновеніе нѣсколько рыцарей, въ одинаковомъ голубомъ вооруженіи, на бѣлыхъ коняхъ, явились на вершинѣ

сосѣднихъ горъ; солдаты видѣли въ нихъ мучениковъ Георгія, Маврикія и Өеодора. Суевѣріе или политика побудила Адемара воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и онъ пробѣгалъ по рядамъ, крича: «Воины! вотъ помощь которую обѣщалъ вамъ Богъ.» — Солдаты отвѣчали ему крикомъ: «Такъ хочетъ Богъ.» При этомъ увлекательномъ крикѣ ихъ воинственный жаръ получилъ всю свою силу; и, не ожидая этого небеснаго подкрѣпленія, сомкнулись въ ряды и устремились на Сарацынъ, которые, не ожидая такого страшнаго нападенія, бросили оружіе и обратились въ бѣгство. Христіане преслѣдовали Кербогу такъ быстро, что онъ былъ не въ состояніи собрать вновь свои войска, спасти отъ смерти женъ и дѣтей турецкихъ и воспрепятствовать разграбленію мусульманскаго лагеря (*). Добыча была такъ велика, что въ это время каждый изъ побѣдителей сдѣлался богачѣ нежели при принятіи имъ креста. Боэмундъ получилъ на свою долю великолѣпную ставку

(*) Если вѣрить многимъ историкамъ, Мусульмане потеряли въ этой битвѣ до 100,000 человѣкъ, а Христіане только 4000. P. Tiby.

Кербоги; она, говорятъ, подобно ставкѣ присланной отъ Гарунъ-аль-Рашида Карлу Великому, могла вмѣстить въ себѣ до 2000 человѣкъ. Она, подобно городу, раздѣлялась улицами и съ боковъ прикрывалась башнями. Въ лагерѣ нашли до 1500 верблюдовъ; кавалерія потерю собственныхъ лошадей вознаградила арабскими. При извѣстіи о разбитіи войскъ Кербоги, цитадель Антіохійская покорилась. Начальникъ и 300 человѣкъ гарнизона приняли христіанство и поселились въ городѣ. Мусульмане, которые желали оставаться вѣрными своему исповѣданію, высланы съ оружіемъ и имѣніемъ въ сосѣдственныя турецкія владѣнія.

Одна только гордость Графа Тулузскаго нарушила общую радость. Знамя его развѣвалось надъ стѣнами Антіохіи, когда войско крестоносцевъ въ религіозной процессіи входило въ городъ. Вожди, недовольные себялюбіемъ Раймунда, взяли сторону Принца Тарентскаго и признали несомнѣнными права Боэмунда на спокойное и полное обладаніе его завоеваніемъ.

Такъ Антіохія была освобождена въ то время, когда все заставляло бояться, что ее невозможно будетъ сохранить.

—

ГЛАВА VII.

ПРИБЫТІЕ КРЕСТОНОСЦЕВЪ КЪ ІЕРУСАЛИМУ. — СОСТОЯНІЕ СВЯТАГО ГОРОДА. — ПРИСТУПЪ. — ВЗЯТІЕ ГОРОДА.

—

Крестоносцы послѣ этой побѣды нашли необходимымъ трехмѣсячный отдыхъ прежде похода христіанскаго войска къ Іерусалиму. Въ это время Гуго, Графъ Вермандуазскій, и Балдуинъ, Графъ Геннегаузскій, были отправлены къ Алексѣю Комнину съ упреками въ нечестіи его предъ Богомъ, и вѣроломствѣ противъ крестоносцевъ, которыхъ онъ такъ трусливо оставилъ подъ Антіохіею. Графъ Геннегаузскій попалъ въ засаду, устроенную Турками и былъ взятъ въ плѣнъ; Графъ Вермандуазскій одинъ достигъ Константинополя. Когда настало время возвращенія къ своимъ сподвижникамъ въ Сирію, нерѣшительность овладѣла

Гуго и онъ съ своимъ войскомъ предпринялъ обратный путь во Францію, какъ сдѣлалъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ Стефанъ, Графъ Шартрскій; Боэмундъ сдѣлалъ походъ въ Киликію, и покорилъ Тарсъ, Адану, Мамистру и Аназарбъ. Съ другой стороны Эмиръ одной изъ сосѣдственныхъ крѣпостей просилъ у крестоносцевъ помощи противъ нападенія Редуана, Алепскаго Султана. Христіанское войско, подъ предводительствомъ Годфрида, сразилось съ войсками Редуана; армія его была побѣждена, вполовину уничтожена, а онъ прогнанъ въ свои владѣнія.

Несчастія, которыя снова полились на крестоносцевъ, ослабили успѣхъ ихъ надъ непріятелемъ. Казалось, что страшные уроки, которымъ подвергались крестоносцы за свои безпорядки, нисколько ихъ не образумили. Жары настоящаго времени года произвели въ войскѣ большую смертность, а распутства еще болѣе ее увеличили; около Антіохіи лежали огромные костры человѣческихъ труповъ, погибшихъ отъ болѣзней. Гніеніе мертвыхъ тѣлъ породило ужасную заразу, которая произвела столь страшныя опустошенія въ рядахъ крестоносцевъ, что менѣе нежели въ мѣсяцъ погибло до 100.000 человѣкъ. Отрядъ

Нѣмцевъ, состоявшій изъ рыцарей хорошо вооруженныхъ и испытанной храбрости, изчезъ въ нѣсколько дней; онъ только за мѣсяцъ передъ этимъ вышелъ на берегъ въ пристани Св. Симеона. Жертвою этого гибельнаго повѣтрія былъ прелатъ Адемаръ, Епископъ дю Пюи.

При видѣ этихъ несчастій, Христіане съ громкими криками требовали похода, но между вождями царствовалъ духъ какого-то неудовольствія. Годфридъ оставилъ Антіохію и намѣревался утвердиться съ своими Лотарингцами въ Турбесселѣ, который зависѣлъ отъ Графа Едесскаго: отсюда онъ водилъ свои войска противу Турковъ. Раймундъ, Графъ Тулузскій, осадилъ Альбару, городъ лежащій на восточномъ берегу Оронта, и взялъ ее приступомъ. Такъ возвращеніе въ Европу Гуго Вермандуазскаго и Етьена Шартрскаго, и несогласіе вождей крестоносцевъ уничтожили всякій видъ единства этого предпріятія. Къ этому еще соперничество Боэмунда съ графомъ Тулузскимъ за обладаніе Антіохіею сдѣлалось особенно жаркимъ. Въ городѣ Марра, который крестоносцы взяли приступомъ, по случаю этихъ споровъ, вспыхнуло возмущеніе. Раймундъ требовалъ, что-

бы Марра былъ отданъ Епископству Альмарскому; но Боэмундъ не соглашался уступить занятыхъ имъ частей города, если Раймундъ не откажется отъ своихъ требованій на обладаніе Антіохіею. Въ одинъ день, Графа Тулузскаго не было въ Маррѣ, солдаты, недовольные медленностію, происходившею отъ этихъ честолюбивыхъ споровъ, срыли до основанія стѣны и укрѣпленія города. Въ то же время, Танкредъ, братъ Боэмунда, съ многими друзьями явился передъ воротами тѣхъ Антіохійскихъ башенъ, которыя занимали воины Раймунда; когда обѣщаніями и ласками онъ овладѣлъ входомъ, тогда открылось его коварство; у пришельцевъ подъ одеждою было скрыто оружіе, обнаживъ его они частію перебили воиновъ Графа Тулузскаго, а частію обратили въ бѣгство (*).

Наконецъ былъ опредѣленъ походъ къ Іерусалиму, и Раймундъ съ своими войсками выступилъ въ дорогу; за нимъ шелъ Боэмундъ и Танкредъ, потомъ Годфридъ и Робертъ Фландрскій, а наконецъ и все войско. Отъ Лаодикіи Боэмундъ воротился назадъ въ свое Антіохійское Княжество; отсюда онъ участво-

(*) Raymond.—Baldric.

валъ въ общемъ предпріятіи, посылая сильныя под-крѣпленія своимъ товарищамъ по оружію.

Крестоносцы отправились вдоль моря и прошли равнину Берита, окрестности Сидона, богатыя змѣями, также области Атаребъ или Сарфандъ и Птоломаиды или Сенъ-Жанъ-д'Акры. Достигнувъ Аферы, они покинули морской берегъ и отдохнули три дня.

На третій день воины и богомольцы пустились въ дорогу съ восторгомъ и скоро увидѣли высоты Еммауса. Войско усталыми шагами взобралось на холмъ; достигнувъ вершины, воины преклонили колѣна, ихъ руки поднимались то къ горизонту, то къ небу, и эхо долинъ долго повторяло крикъ, подобный раскатамъ грома;

— Іерусалимъ! кричали всѣ въ одинъ голосъ, подобно тому, какъ мореходы, носимые долгою бурею, съ восторгомъ привѣтствуютъ вожделѣнный берегъ.

Восторгъ, который возбудило въ крестоносцахъ явленіе Св. града, обнаружился различно. «Одни, говоритъ Фулье (Fuller), падали на землю, другіе преклоняли колѣна, иные плакали. Въ это время чувство религіозное вновь овладѣло всѣми въ высшей

степени. Послѣ первыхъ порывовъ радости и счастія, воины вдругъ преобразились въ простыхъ богомольцевъ; они далеко отъ себя бросили свои копья и мечи и плакали на той землѣ, гдѣ страдалъ Іисусъ Христосъ, и босыми начали путь къ тому городу, въ которомъ совершилось дѣло искупленія.

Изъ всего множества крестоносцевъ, шедшихъ для освобожденія св. земли, только 40000 находилось въ лагерѣ подъ Іерусалимомъ; но и въ этихъ остаткахъ огромнаго ополченія было только 20000 пѣшихъ воиновъ и 1500 кавалеріи.

Въ это время, Іерусалимъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ горы Голгоѳу, Морію и Акру. На западѣ отъ христіанскаго города видна была гора Голгоѳа, на вершинѣ которой находилось укрѣпленіе извѣстное подъ именемъ Адріановой стѣны. На югъ отъ горы, заключающей въ себѣ гробъ Христовъ, возвышается холмъ Горебъ, при подошвѣ его находится пещера Іереміи; съ другой стороны дворецъ Велена. На сѣверъ виднѣлись гробы Царей, они были уже внѣ городскихъ стѣнъ, не много далѣе къ сѣверовостоку — гробница Ирода, около 200 туазовъ далѣе были ворота Веніамина, обращенныя къ полю.

Эти ворота вели къ мѣстамъ, гдѣ совершилось таинство страданій Спасителя. Тамъ возвышалась гробница Приснодѣвы Маріи, близъ нея катилъ свои мутныя струи потокъ Кедрскій, направляя свое теченіе вдоль долины Іосафатовой. Не много ниже совершенно на востокъ лежитъ Геосиманія, а за нею, въ томъ же направленіи, гора масличная, на которой І. Христосъ предъ страданіемъ молился къ Богу Отцу своему о чашѣ. На югѣ возвышалась гора Сіонъ, отдѣляющаяся на юговостокѣ, отъ горы Гіонъ такъ называемымъ, королевскимъ садомъ. Во время крестовыхъ походовъ гора Сіонъ еще не заключалась въ окружности городскихъ стѣнъ, отъ чего городъ представлялъ видъ почти совершеннаго четвероугольника.

Калифъ Египетскій, при вѣсти о приближеніи крестоносцевъ, усилилъ гарнизонъ Іерусалима до 4000 человѣкъ регулярнаго войска, и начальство надъ нимъ поручилъ Истакару, генералъ-аншефу. Сюда нужно прибавить еще около 20000 человѣкъ сосѣдственныхъ поселянъ, прибывшихъ въ городъ съ оружіемъ и запасами. Глубокія долины и неприступные утесы, окружающіе Іерусалимъ съ востока

и сѣверовостока, дѣлали, по крайней мѣрѣ по видимому, приступъ съ этихъ двухъ сторонъ совершенно невозможнымъ. Христіане рѣшились начать осаду съ сѣвера и запада, — эти двѣ стороны казались имъ болѣе доступными.

7 Іюня 1099 г проведена была циркумвалаціонная линія. Два Роберта, Танкредъ и Годфридъ Бульонскій поставили свой лагерь на сѣверовосточномъ и сѣверозападномъ углахъ, именно при гробницѣ Ирода и при гробахъ царей. Провансальцы, подъ начальствомъ Графа Тулузскаго, расположились въ линію къ западу даже до горы Горебъ. Позже Раимундъ перемѣнилъ свое мѣсто и поставилъ свой лагерь на задней сторонѣ горы Сіона, къ юговостоку, на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель съ своими учениками совершалъ тайную вечерю.

Крестоносные воины не дожидались пока будутъ готовы военные снаряды, необходимые для осады; они, объятые не удержимымъ восторгомъ, сдѣлали сильное нападеніе на городъ Они, прикрываясь однимъ простымъ щитомъ отъ стрѣлъ и гранатъ, бросаемыхъ Турками, побѣдили всѣ препятствія; смерть опустошала ихъ ряды, но

3

Крестоносцы побитые со стѣны.

не заставила ихъ отступить ни на шагъ; они прошли черезъ всѣ преграды и достигли самыхъ стѣнъ. Здѣсь должны были остановиться; всѣ средства ихъ взобраться на городскую стѣну составляла одна только лѣстница. Воины съ неустрашимою отважностію тѣснились на каждой ея ступени и поднималась на верхъ укрѣплёній. Лѣстница гнулась подъ тяжестію находившихся на ней воиновъ, которые, хватаясь одинъ за другаго, ободряли себя крикомъ. Наконецъ тѣ, которые были выше прочихъ, съ обнаженными мечами въ рукахъ явились лицемъ къ лицу съ изумленными Сарацынами. Въ первомъ порывѣ удивленія невѣрные предоставили увеличиваться числу взбиравшихся на стѣну; но скоро они образумились, устремились на нихъ съ превосходными силами и съ остервенѣніемъ прогнали ихъ назадъ. Крестоносцы бросаемы были внизъ укрѣпленій, а сѣкиры Сарацыновъ рубили руки Христіанамъ, которые пытались взобраться на стѣну.

Теперь крестоносцы благоразумно занялись приготовленіями къ правильной осадѣ, и съ ревностію начали строить военныя машины. Явилась камнемѣтательная машина для приступа, и сдѣлана *винея*,

или свинка, такъ называемая заслонная военная машина, для подведенія подкоповъ подъ стѣны и образованія въ нихъ пролома. Въ тоже время съ поспѣшностію выстроили три огромныя подвижныя башни, каждую въ три этажа: первый возвышался надъ землею только на нѣсколько футовъ, второй по высотѣ равнялся съ укрѣпленіями, а третій господствовалъ надъ ними. Нѣсколько дней довольно было, чтобы сдѣлать всѣ эти приготовленія.

Въ это время ужасный бичь сталъ поражать крестоносцевъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней дулъ вѣтеръ съ юга отъ песчаныхъ пустынь Аравійскихъ; онъ изсушилъ землю подобно камню. Солнце стояло вертикально надъ ихъ головами и жгло ихъ своими палящими лучами. Трава изсохла до корня, какъ бы сожженная лавою волкана; почва разстрескалась во всѣхъ направленіяхъ и образовала широкія, зіяющія щели. Знойныя испаренія выходили изъ горъ, какъ бы изъ кипящаго котла; ни одно облако не являлось на небѣ, которое имѣло серебристо—голубой цвѣтъ, подобно растопленному свинцу. Ручьи изсохли, источники изсякли, ложе Кердскаго потока представляло видъ зеленоватой сухой земли. Иногда

пары, поднимавшіеся надъ долиною, освещенныя пурпуровыми лучами заходящаго солнца, казались отблескомъ зажженныхъ свѣтильниковъ. Ночи не освѣжались росою, блѣдно освѣщаемыя мерцаніемъ желтой луны, которая являлась на горизонтѣ, подобно огромному багровому лицу испещренному черными пятнами.

Христіане, чтобы удовлетворить мучившей ихъ жаждѣ, глубоко раскапывали почву и засохшія губы прикладывали къ влажной землѣ; многіе мученіе голода предпочитали тѣмъ мукамъ, какимъ подвергала ихъ жажда послѣ всякаго обѣда.

Когда всѣ приготовленія кончились, Годфридъ перемѣнилъ мѣсто приступа; огромная башня была перенесена на сѣверовостокъ и поставлена между воротами Ирода и воротами Св. Стефана. Съ этой стороны стѣны были не такъ высоки, но ихъ окружали такіе глубокіе рвы, что было невозможно здѣсь дѣйствовать машинами. Когда Раймундъ объявилъ чрезъ военнаго герольда, что онъ будетъ платить по динару каждому, кто броситъ въ этотъ ровъ три камня:

тотъ часъ толпа народа явилась на помощь его воинамъ: чрезъ три дня ровъ былъ засыпанъ (*).

Здѣсь, равно какъ и при взятіи Антіохіи, чувство религіозное много способствовало къ поддержанію энтузіазма въ крестоносцахъ. Священники говорили народу о своихъ видѣніяхъ, которыя посылало имъ небо, раздраженное безпутствами, допущенными въ лагерѣ, готовое отнять отъ Христіанъ свою покровительствующую десницу. Епископъ дю Пюи, Адемаръ, открылъ во снѣ одному монаху, что засуха, которой подвергаются крестоносцы, послана въ наказаніе ихъ беззаконій; но, если они чистосердечно раскаются и перестанутъ безчинствовать, Богъ избавитъ ихъ отъ этого бѣдствія, и предастъ Христіанамъ, которыхъ Онъ любитъ, какъ свой избранный народъ, св. градъ, котораго они такъ усильно домогаются.

Народъ съ благоговѣніемъ слушалъ объ этихъ откровеніяхъ; вслѣдствіе ихъ Танкредъ, въ присутствіи всего войска, подалъ благородный примѣръ прощенія обидъ. Онъ приблизился къ Раймунду, который

(*) Michaud.

съ любовію протянулъ ему руку и оба поклялись помогать другъ другу и хранить дружбу, какъ два брата о Христѣ. Это примиреніе заставило сдѣлать тоже многихъ бароновъ, которые жили въ разладѣ между собою: духъ единства и согласіе быстро водворились между крестоносцами. На канунѣ дня, въ который назначенъ былъ приступъ, совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ города; клиръ шелъ впереди босыми ногами, народъ слѣдовалъ за нимъ съ благоговѣніемъ; обошли Масличную гору и гору Сіонъ, призывая себѣ божественную помощь свыше. Пѣніе священныхъ пѣсней и псалмовъ, которое возсылали крестоносцы къ небу, мѣшалось съ насмѣшками и шутками Сарацыновъ, которые съ высоты стѣнъ ругались надъ религіозными обрядами Христіанъ.

Первый приступъ назначенъ былъ на слѣдующій день утромъ. Всякій Христіанинъ храбро шелъ въ сраженіе съ крикомъ: *такъ хочетъ Богъ.* Говорятъ, что энузіазмъ былъ такъ великъ, что даже женщины брали оружіе и стремились къ стѣнамъ. Тараны умолкли и перестали потрясать стѣны; инженеры заняли мѣста при машинахъ; онѣ были покрыты

кошками, такъ назывался военный снарядъ, который предохранялъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ и башни были приближены къ стѣнамъ на одинъ выстрѣлъ. Сраженіе началось съ яростію съ обѣихъ сторонъ: Сарацины на стрѣлы и камни, которыми ихъ осыпали со всѣхъ сторонъ, отвѣчали тучею дротиковъ, которую разсѣкали молніи греческаго огня. Сраженіе продолжалось цѣлый день; перевѣсъ остался на сторонѣ Мусульманъ. Къ вечеру вожди крестоносцевъ приказали бить отступленіе и Христіане возвратились въ лагерь; они отступили, но не потеряли бодрости, безпокоились, но не боялись. Въ стѣнахъ во время приступа сдѣлано было много большихъ проломовъ, и на утро опредѣлено было возобновить битву.

Наступила ночь, когда Годфридъ вошелъ въ свою палатку; воздухъ былъ удушливъ и зноенъ; нѣсколько большихъ облаковъ, подобно гребнямъ горъ, возвышались на горизонтѣ; на долинахъ поднимался бѣлый волнующійся паръ, онъ распространялся по поверхности подобно изгибамъ змѣи, и исчезалъ неприметно. Ни малѣйшее дыханіе вѣтра не охлаждало воздуха; нѣсколько блѣдныхъ звѣздъ сверкали

на небѣ надъ лагеремъ. Нѣсколько минутъ крестоносцы ожидали бури, но облака скоро разсѣялись, какъ дымъ, и горизонтъ получилъ опять прежній однообразный бѣловатый цвѣтъ.

Этотъ день для Годфрида былъ безпокоенъ и труденъ; на ногахъ съ ранняго утра при первой повѣсткѣ къ сраженію, онъ оставался цѣлый день при своемъ постѣ, распоряжался какъ военачальникъ и сражался какъ простой солдатъ. Когда наступилъ часъ покоя, крестоносцы могли видѣть его послѣднимъ для отдыха, между тѣмъ какъ онъ былъ первымъ на ногахъ, чтобы идти въ сраженіе; долго онъ смотрѣлъ на нестройныя толпы, какъ они расходились по своимъ палаткамъ и послѣ всѣхъ удалился въ свою ставку.

Но когда онъ остался одинъ въ своемъ шатрѣ и сложилъ съ себя бранные доспѣхи, тогда бросился на кровать и тихо повторялъ:

— Господи! Поддержи мое мужество!

Потомъ отеръ свой лобъ покрытый потомъ, быстро вскочилъ съ постели, какъ бы желая въ это мгновеніе стряхнуть съ себя свою слабость, и началъ ходить большими шагами по своей ставкѣ.

— Я хочу пить, вскрикнулъ онъ послѣ мгновеннаго молчанія, лихорадка сжетъ мнѣ кровь.

И осмотрѣлся кругомъ, какъ бы желая припомнить что-то забытое; невольное чувство говорило ему, что кого-то нѣтъ подлѣ него.

— А гдѣ Альберикъ? спросилъ онъ самъ себя, я видѣлъ его подлѣ себя не задолго предъ концемъ сраженія.

По жиламъ его пробѣжала дрожь, подобно электрической искрѣ, и онъ остановился съ судорожнымъ движеніемъ.

— Быть можетъ раненъ! думалъ онъ, и въ глазахъ его засверкала ненависть, которая говорила о мщеніи, и послѣ долгаго молчанія онъ схватился за грудь и вскричалъ:

— О! эта жажда, жажда!

Въ это мгновеніе у дверей палатки послышался галопъ лошади и вошелъ Альберикъ; одежда его въ безпорядкѣ, лобъ въ крови, въ рукахъ онъ держалъ мѣхъ съ водою.

— Ты раненъ! Альберикъ, закричалъ Годфридъ, бросаясь къ нему.

— О, царапина, Герцогъ; мусульманская сабля, которая раздробила мой шлемъ, оцарапала мнѣ лобъ.

— Гдѣ они напали на тебя?

— По другую сторону, къ югозападу, недалеко отъ пруда Вирсавіи, при подошвѣ горы Гиганъ.

— Но, безразсудный юноша, за чѣмъ ы былъ въ этомъ пустомъ мѣстѣ, да еще и одинъ?

— Извините, Ваше Высочество, сколько здѣсь несчастныхъ раненыхъ, которые терпятъ жажду, и Вы сами послѣ этого дня битвы...

— И ты жертвовалъ собою для нихъ, для меня.... благородный юноша!

— О! одно мгновеніе я страшился, Ваше Высочество, живо прервалъ молодой пажъ, чтобы избѣжать благодарности Герцога Лотарингскаго. Я возвращался и отъѣхалъ далеко уже отъ источника, въ которомъ почерпнулъ воду. Вдругъ два турецкихъ всадника устремились на меня съ горы Гиганъ, подобно лавинѣ, и преградили дорогу. Я устремился съ обнаженною шпагою впередъ, и въ то мгновеніе, когда всадникъ, который находился передъ мною, упалъ съ лошади произнося проклятія, тяжелый ударъ, какъ гора, разразился надъ моею

головою. Облако крови покрыло мнѣ глаза, въ вискахъ у меня раздался пронзительный звонъ, послѣ я ничего уже не помню. Когда я очнулся, Ральфъ, эта маленькая арабская лошадь, которую вы подарили мнѣ послѣ сраженія при Антіохіи, несся, какъ вѣтеръ, прямо къ лагерю, и мнѣ казалось, что не болѣе какъ за сто шаговъ за мною слышался галопъ другаго всадника; въ это-то время я ощутилъ ужасъ, Ваше Высочество.

— Отъ чего это? спросилъ Герцогъ Лотарингскій

— Ахъ, продолжалъ Альберикъ съ очаровательнымъ чистосердечіемъ, это отъ того, что тогда я вспомнилъ о запасѣ воды, который везъ съ собою. Еслибы ударъ турецкой сабли упалъ на полные мѣхи, вода разлилась бы, и мнѣ нужно было бы сдѣлать вновь четыре мили, чтобы добыть опять воды. Козлиная кожа не такъ тверда, какъ стальный шлемъ.

— О! сказалъ съ задумчивостію тихо Годфридъ, сколько самоотверженія и преданности волѣ Божіей въ столь юномъ и слабомъ тѣлѣ! И я, который сей часъ отчаявался.... Онъ остановился, и потомъ прибавилъ,—я не имѣю его твердости. Онъ выпилъ стаканъ свѣжей и чистой воды, который поднесъ ему

молодой пажъ, и обращаясь къ послѣднему, сказалъ:

— Ну, Альберикъ, нѣсколько часовъ нужно успокоиться и уснуть передъ завтрешнимъ приступомъ. Нужно кончить съ этими невѣрными. Много раненыхъ?

— По крайней мѣрѣ три тысячи, Ваше Высочество, отвѣчалъ молодой пажъ, отирая кровь своей раны.

— Клянусь кровью Христовой! Будетъ и намъ очередь, и я клянусь Богомъ, возмездіе будетъ ужасно, шепталъ Годфридъ.

Утромъ около шести часовъ все было готово къ новому приступу и Христіане бросались, а не шли на штурмъ. Воины, которые не были внутри машинъ, или башенъ, способствовали ихъ движенію, поддерживая битву своими стрѣлами и дротиками. Съ своей стороны Турки задѣлали проломы въ стѣнахъ и приготовили новые средства къ защитѣ. Кипящее деревянное масло, и растопленный свинецъ на стѣнахъ ожидали прихода крестоносцевъ, если ихъ не оставятъ передовыя укрѣпленія. Нѣсколько часовъ сражались съ остервѣненіемъ, проис-

ходившимъ отъ отчаянія. Одни Христіане замѣняли другихъ убитыхъ или раненыхъ, имъ являлись новые противники на укрѣпленіяхъ, когда первые уставали или были побѣждены. Побѣда долго оставалась сомнительною.

Наконецъ, Турки сдѣлали величайшее и послѣднее усиліе къ своей защитѣ. Христіане поколебались и начали приходить въ замѣшательство. Въ это мгновеніе полагали, что успѣхъ святаго дѣла потерянъ на всегда. Уже Христіане отступали въ безпорядкѣ, когда голосъ Годфрида покрылъ шумъ приступа; Христіане смотрѣли на него съ удивленіемъ. Стоя въ угрожающемъ положеніи на верху своей башни, онъ простиралъ руку къ горѣ Масличной. Взоры всѣхъ обратились въ эту сторону и увидѣли, на вершинѣ горы, всадника въ блистающемъ вооруженіи, который махалъ своимъ щитомъ.

— Святый Георгій! кричалъ Годфридъ, громовымъ голосомъ. Св. Георгій! Побѣда наша! воины! впередъ!

Крестоносцы повторяли слова своего предводителя, и безтрепетно возвратились къ нападенію. Ровъ, который отдѣлялъ башню Годфрида Бульонскаго отъ

стѣны городскаго эскарпа, былъ наполненъ и заровненъ въ одинъ часъ, и ужасная машина начала господствовать надъ укрѣпленіями и громить ихъ.

Герцогъ Лотарингскій явился вторично на вершинѣ своей башни, онъ прыгалъ какъ тигръ и держалъ свой лукъ со стрѣлами; его взоры сверкали изъ подъ наличника его шлема какъ два свѣтлые луча. Стрѣлы Годфрида летали со свистомъ, онѣ были ужасны и смертоносны и невѣрные падали подобно колосьямъ подъ косою жнеца. Подлѣ него сражались Евстафій и Балдуинъ,

«Comme deux lions à cotè d'un autre lion (*) (какъ два льва подлѣ третьяго).

Около трехъ часовъ пополудни, въ то самое время, когда Спаситель умеръ на крестѣ, на укрѣпленіяхъ образовалось пустое пространство; Турки отступили. Вдругъ на открытое мѣсто переползъ, какъ змѣй, человѣкъ съ башни Годфрида, за нимъ слѣдовалъ другой, который шелъ тою же дорогою. Первый назывался Летольдъ де Турней, вторый, братъ его, именемъ Енглебертъ. Почти вдругъ же третій

(*) Rob. monachus.

воинъ, впереди двухъ другихъ, упалъ сверху къ ногамъ Турковъ, его сопровождалъ юноша Эти два человѣка устремились туда, гдѣ болѣе стѣснились Сарацыны, они страшно махали вокругъ себя своими шпагами и косили безъ пощады головы и руки невѣрнымъ. Эти два крестоносца были Годфридъ Бульонскій и Альберикъ. За ними Евстафій и Балдуинъ утвердили знамя крестоносцевъ на занятомъ укрѣпленіи, гдѣ тѣснилось уже съ криками побѣды безчисленное множество Христіанъ.

Здѣсь исторія представляетъ намъ кровавую страницу, которая въ эпоху болѣе образованную, нежели та, въ которую совершались крестовыя походы, заставила бы испустить крикъ ужаса и негодованія на Христіанъ.

Въ мечети Омара столько убито Мусульманъ, что ихъ обезображенные трупы, увлекаемые волнами крови, плавали въ преддверіи храма. Отсѣченныя руки и плеча носились по этимъ лагунамъ крови, стремясь соединиться съ тѣлами, которымъ онѣ не принадлежали. Предъ храмомъ Соломоновымъ, ѣхавшіе рыцари далеко разбрасывали кровавые брызги; и Раймундъ д'Ажиль говоритъ, что кровь достигла

до брюха лошадей: десять тысячь человѣкъ было убито въ святилищѣ (*).

Послѣ всѣхъ этихъ убійствъ, совершенныхъ въ первомъ опьянѣніи восторга отъ одержанной побѣды, Христіанскіе воины показали духъ смиренія. Герцогъ Лотарингскій первый подалъ примѣръ благодарственнаго смиренія. Онъ сложилъ съ себя свое вооруженіе, и съ открытою головою, босыми ногами, въ простой холстинной одеждѣ отправился въ храмъ св. Гроба. Воины умыли свои руки, обагренныя кровію, облеклись въ одежду покаянія и полные вѣры и сокрушенія шли преклонить колѣна на мѣстѣ, освященномъ страданіями Спасителя.

Іерусалимскіе Христіане узнали въ Петрѣ пустынникѣ того благочестиваго поклонника, съ которымъ Іерусалимскій Патріархъ отправлялъ свои письма къ государямъ Европы и который защитилъ ихъ дѣло съ такою ревностію, что слѣдствіемъ этого было освобожденіе Св. Земли. Они бросались къ ногамъ его со слезами благодарности, и, какъ замѣчаетъ Виль-

(*) Robert-Fulcher de Chartres.—Daimbert. — Godefroi de Bouillon.—Raymond de St. Gilles.

телямъ Тирскій, восхваляли Бога, Который прославился въ своемъ служителѣ (*).

На другой день по занятіи города убито было 300 Турковъ; въ слѣдъ за этимъ новымъ кровопролитіемъ, противъ котораго (странное дѣло!) ни одинъ писатель того времени не выражаетъ ни негодованія, ни удивленія, было опредѣлено ни одному изъ Мусульманъ, оставшихся въ городѣ, не дѣлать никакой по-

(*) Послѣ этого времени исторія ничего не говоритъ намъ о судьбѣ Петра Пустынника: всѣ древніе писатели хранятъ глубокое молчаніе, что съ нимъ сдѣлалось въ послѣдствіи, Ультреманъ (гл. X.) разсказываетъ, что онъ взошелъ на корабль и отправился во Францію, что этотъ корабль потерпѣлъ бы крушеніе, если бы не молитвы Петра и не обѣтъ, данный Графомъ Клермонскимъ построить храмъ Св. Іоанну-Крестителю, если онъ живъ и здоровъ возвратится во Францію. Церковь была построена, а Петръ жилъ послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, занимаясь дѣлами христіанской добродѣтели. Вѣкъ спустя послѣ смерти его, была открыта его гробница, и говорятъ, что тѣло его найдено совершенно нетлѣннымъ.

щады или милости. Тогда всѣ побѣжденные безъ милосердія были согнаны, подобно скоту, на площади, гдѣ всѣхъ ихъ перерѣзали. Грудные младенцы, молодыя дѣвицы, юные мальчики—всѣ пали подъ мечемъ крестоносцевъ. Въ нѣсколько дней улицы, площади, и даже мѣста необитаемыя были завалены трупами. Когда не было уже жертвъ для варварскаго убійства, крестоносцы заставили омыть кровь, которая покрывала городскую мостовую, и поручили рабамъ своимъ изъ Сарацынъ погребать умершихъ братій ихъ. Альбертъ Аахенскій разсказываетъ о побужденіяхъ, по которымъ крестоносцы рѣшились на такое кровопролитіе. Страхъ, говоритъ онъ, имѣть врага внутри города, между тѣмъ какъ другой будетъ дѣйствовать извнѣ и такимъ образомъ выдержать двойную осаду, заставилъ Христіанъ рѣшиться на такія ужасныя мѣры.

Но какія ни были бы политическія побужденія, которыя заставили Христіанъ дѣйствовать такъ, а не иначе, нельзя смотрѣть безъ отвращенія на эти убійства: дѣло Христово прежде всего, по преимуществу, должно быть совершаемо съ кротостію и милосердіемъ.

Крестоносцы сдѣлались обладателями Св. града 15 Іюля 1099 года, чрезъ три года по выходѣ ихъ изъ Европы

—

ГЛАВА VIII.

КОРОЛЬ И ПАЖЪ.

—

Прошелъ годъ.

Настал̆ъ вечеръ. Солнце скрылось съ горизонта за высотами Еммауса, первый вечерній сумракъ тихо распространялся надъ священнымъ городомъ. Легкій западный вѣтеръ, дувшій съ Средиземнаго моря, распространялъ въ воздухѣ благоуханіе и свѣжесть, какъ первое дыханіе весны. На черномъ небѣ показалось нѣсколько звѣздъ, млечный путь раскинулся на лазуревой тверди, подобно поясу изъ бѣлаго газа. Дневной шумъ затихалъ мало по малу, подобно звукамъ волшебной лиры. Скоро все смолкло. Настала ночь. Это былъ вечеръ 15 іюля 1100 года. Въ дворцѣ королей Іерусалимскихъ одинъ юноша бодрствовалъ подлѣ больнаго короля; юноша

Альберикъ, а король—Годфридъ Бульонскій, Герцогъ Лотарингскій. Мученія неумолимой горячки повергли на одръ болѣзни неустрашимаго вождя крестоносцевъ. Одни только взоры его, которые въ сраженіяхъ сверкали подобно молніи, сохранили прежнюю свою силу и живость. Видно было, что духъ, вѣчно юный, пережилъ тѣло ослабленное трудами. Король былъ блѣденъ и фіолетовая дуга очернивала глазныя орбиты; волоса еще черные и густые покрывали лобъ, но по живому румянцу, разлитому на впалыхъ щекахъ, можно было догадываться, что жизнь медленно покидаетъ сердце и что дыханіе смерти уже коснулось этого блѣднаго и истомленнаго лица.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати стоялъ юноша печальный и блѣдный, какъ бы онъ съ жизнію этого человѣка, котораго любилъ святою любовью сына, терялъ часть самаго себя. Но въ этой печали видна была кроткая преданность волѣ Божіей, отраженіе души чистой, которая вѣруетъ и уповаетъ.

Спустя мгновеніе рука больнаго протянулась въ пустое пространство, какъ бы искала руки друга, глаза, на минуту закрытые, открылись и больной бросилъ взглядъ на комнату слабо освѣщенную.

Онъ взялъ за руку Альберика, и выраженіе счастія отразилось на лицѣ воина.

— Благодарю, дитя мое, шепталъ онъ, благодарю. Онъ привлекъ его къ себѣ ближе, казалось, собрался самъ съ собою, и спросилъ слабымъ голосомъ.

— Которое сегодня число, Альберикъ?

— 15 іюля, Государь.

Годфридъ Бульонскій задумался, какъ бы ослабленная память его искала воспоминаній въ прошедшемъ, и онъ продолжалъ:

— Я не буду царствовать полнаго года.

— Вы еще молоды, Государь, отвѣчалъ Альберикъ пріятнымъ, утѣшающимъ голосомъ.

— О! я не печалюсь, дитя мое, не сожалѣю о тронѣ, который оставляю. Смерть! Она милая гостья, если часъ мой пробилъ. Я не ея боюсь, сожалѣю не о тронѣ.

— О чемъ же, Ваше Величество?

— Иногда, ты видалъ Альберикъ, я задумывался; я думалъ о томъ, что не сдѣлалъ всего для святаго дѣла, что могъ бы сдѣлать для него, о томъ, что въ моей жизни, жизни воина Христова, были часы

горькаго отчаянія, часы сомнѣнія, когда моя твердость и моя вѣра колебались...

— Государь, Сынъ Божій въ минуты, которыя предшествовали Его страданіямъ, въ саду Геѳсиманскомъ, тоже былъ печаленъ и унылъ: Государь, неизбѣжная принадлежность человѣческой природы подвергаться несчастіямъ и иногда предаваться сомнѣніямъ.

— Это правда, отвѣчалъ Годфридъ. Но также, что я сдѣлалъ, чтобъ оправдать титулъ Короля, которымъ Христіане почтили меня? Христосъ спасъ человѣчество, а я не могъ даже только обезпечить крестоносцамъ обладаніе мѣстами, гдѣ Господь пострадалъ. Ты хорошо видишь, Альберикъ, что я имѣю причины печалиться. Наконецъ, что же я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ?...

— Что вы сдѣлали? повторилъ съ живостію Альберикъ; вы отняли у Мусульманъ Каифу и всѣ города, окружающіе озеро Генисаретское; вы покорили Кесарію, Аскалонъ и Яффу, клиру которыхъ, кромѣ подарковъ присылаемыхъ вами, платятъ еще денежную подать. По вашему старанію въ Яффской пристани произведены огромныя работы, чтобы до-

ставить поклонникамъ приходящимъ изъ Европы безопасное пристанище. Развѣ все это ничего не значитъ, и все это въ одинъ годъ царствованія? Потомъ, Ваше Величество, взгляните хоть не много на прошедшія ваши заслуги.

— Хорошо, хорошо, Альберикъ, прервалъ Годфридъ съ легкою улыбкою, ты ангелъ-утѣшитель. Приношу въ жертву Богу дѣла совершенныя мною въ Его св. имя, и да будетъ Его св. воля.

— О! отвѣчалъ молодой пажъ, Богъ будетъ милостивъ къ тому, кто принимая царство говорилъ: «Я не хочу носить золотой короны тамъ, гдѣ Христосъ носилъ терновый вѣнецъ.» Но къ чему эти постоянныя мысли о смерти, Герцогъ; нечего отчаяваться, Богъ милостивъ.

— Альберикъ, что ты будешь дѣлать, когда меня уже не будетъ?

— Государь, отвѣчалъ юноша, я имѣю къ вамъ одну просьбу.

— Какую? говори, говори скорѣе.

— Отрекомендуйте меня своему преемнику, чтобы онъ допускалъ меня къ себѣ, подобно, какъ вы меня принимали къ себѣ.

Альберикъ предъ гробомъ Годфрида.

— Это будетъ исполнено, дитя мое. Я прикажу это нашимъ принцамъ. И только Альберикъ?

— Да, Государь.

— Но, продолжалъ Годфридъ, сажая своего молодаго пажа подлѣ себя, скажи мнѣ, могу ли я достаточно отплатить тебѣ за твои заботы, твою любовь, преданность и расположенность ко мнѣ, которыя ты показывалъ? Не бывалъ ли я иногда неблагодаренъ предъ тобою? Прости меня; мы рыцари и благородные усвоиваемъ иногда себѣ право быть несправедливыми, потому единственно, что мы могущественны и сильны.

Альберикъ, вмѣсто всякаго отвѣта, нѣжно сжалъ руку Годфрида и оросилъ ее слезами.

— Ну! ну! говорилъ воинъ нетвердымъ голосомъ; не плачь дитя мое, слезы возмущаютъ тѣхъ, которые видятъ ихъ текущими, а я имѣю нужду въ твердости, чтобы умерѣть, какъ жилъ.

Спустя восемь дней плита надгробнаго памятника въ церкви св. Гроба скрыла останки Герцога Лотарингскаго; когда могильный камень былъ окропленъ св. водою, толпа разошлаеь молчаливо и задумчиво. Когда церковь опустѣла, молодой пажъ, который ры-

далъ противъ одного придѣла трапезы, приблизился къ гробницѣ; здѣсь онъ преклонилъ колѣна, скрестилъ руки и съ поникшимъ челомъ, молился до самаго вечера.

—

ГЛАВА IX.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПАЛЕСТИНУ ПОСЛѢ ПЕРВАГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА.

—

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ крестовыхъ походовъ мы не намѣрены представлять политическія расчеты, которые управляли дѣйствіями нѣкоторыхъ вождей. Эти изслѣдованія мы оставляемъ въ сторонѣ; онѣ не возбуждаютъ полнаго интереса.

Главная цѣль этого небольшаго сочиненія преимущественно изобразить военный духъ этой эпохи, которымъ управлялъ болѣе фанатизмъ, нежели истинная вѣра, разумно понимаемая. Въ эту эпоху феодализма преобладаніе и набѣги были единственною мыслію владѣтелей. Здѣсь дѣйствовала физиче-

ская животная сила, которая еще не была управляема или смягчаема гражданственностію; для ней движеніе и дѣятельность были необходимы.

Престолъ Годфрида Бульонскаго опустѣлъ и возбудитъ жаркое соперничество. Духовная власть пыталась, даже при восшествіи на престолъ Герцога Лотарингскаго, подчинить себѣ власть гражданскую. Домогательства духовенства возобновились и сдѣлались еще болѣе живыми; духовная партія хотѣла присвоить себѣ одной духовное и политическое владычество. Уже честолюбивый Патріархъ Іерусалимскій умѣлъ выхлопотать себѣ у благочестиваго Годфрида обладаніе Яффою, Св. Гробомъ, башнею Давида и другими частями св. града; когда скипетръ сдѣлался свободнымъ, онъ захотѣлъ овладѣть самымъ трономъ. Танкредъ поддерживалъ Боэмунда; враги фамиліи Герцога Лотарингскаго требовали графа Тулузскаго; бароны и большая часть рыцарей избрали Балдуина, графа Едесскаго, роднаго брата Годфрида; послѣдняя партія восторжествовала.

Честолюбивый Патріархъ, оскорбленный отказомъ, которымъ отвѣчали Іерусалимскіе Христіане на его домогательства, удалился на гору Сіонъ. Послѣ чрезъ

нѣсколько времени онъ помирился съ Балдуиномъ I, новымъ королемъ, и торжественно совершилъ міропомазаніе на царство новаго государя предъ многочисленнымъ собраніемъ народа, въ Виѳлеемскомъ храмѣ, въ день Рождества Христова, 1100 года.

Подъ правленіемъ Балдуина королевство Іерусалимское значительно усилилось; Христіане покорили Азотъ, который по смерти Годфрида опять пріобрѣлъ себѣ независимость. Беритъ былъ обращенъ въ Христіанское баронство, а побѣда при Сарептѣ открыла крестоносцамъ путь къ Тиру и Сидону. Христіане осадили послѣдній городъ и въ первый разъ были отбиты, но спустя нѣсколько лѣтъ они возобновили осаду съ большими силами и послѣ шестинедѣльнаго ожесточеннаго сопротивленія, осажденные сдались на капитуляцію. Балдуину во время этой осады помогали 10000 Норвежцевъ подъ предводительствомъ Принца Сиварда. Балдуинъ I умеръ въ походѣ предпринятомъ противъ Египта, и Балдуинъ Бурскій былъ назначенъ ему преемникомъ. Во время его тринадцатилѣтняго царствованія, войско Іерусалимское подъ предводительствомъ Евстафія, владѣвшаго Кесаріею и Сидономъ, овладѣло

5

Смерть Танкреда принца Антіохіи.

послѣ пятимѣсячной осады, Тиромъ; здѣсь открыта была архіепископская каѳедра, независимая отъ патріаршаго Іерусалимскаго престола.

Балдуину II, наслѣдовалъ Фулько, графъ Анжуйскій, а по смерти его Балдуинъ III, сынъ Балдуина II, занялъ отеческій престолъ. Ему было тогда 13 лѣтъ; царствованіе его продолжалось до 1162 года; объ немъ мы скажемъ излагая исторію втораго крестоваго похода, и описывая потерю Христіанами княжества Едесскаго.

Въ это время королевство Палестинское простиралось съ запада на востокъ отъ Средиземнаго моря до пустынь Аравіи и отъ сѣвера къ югу самая большая длина его была отъ рѣки, которая течетъ между Беритомъ и Вивлосомъ, до городка Даримъ; оно граничило съ одной стороны Средиземнымъ моремъ, а съ другой малою пустынею Аравійскою.

Въ продолженіе царствованій, которыя мы только перечислили, умерли Раймундъ, графъ Тулузскій, и Танкредъ, родственникъ Боэмунда, князя Антіохійскаго, первый въ 1105 году (смерть его ни въ комъ не возбудила печали), а вторый въ концѣ 1112 года

отъ раны, полученной въ сраженіи (о потери его всѣ сожалѣли).

Войны Христіанъ со внѣшними врагами налагали узду на внутреннія ихъ несогласія, такъ что, скрытная ненависть между партіями, если только она была, по крайней мѣрѣ, не вредила святому дѣлу и общимъ выгодамъ крестоносцевъ. Война была объявлена Алексѣю Комнину, Константинопольскому императору; войска его торжествовали на сушѣ; но флотъ былъ разбитъ соединенными силами Пизанцевъ и крестоносцевъ. Оттуда Христіане устремили свое оружіе противу города Карра, въ Месопотаміи.

При осадѣ этого города явились два честолюбивыхъ соперника: князья Антіохійскій и Едесскій спорили между собою о правѣ завоеванія. Между тѣмъ, во время этой распри, Турки изъ Алеппо и Моссула прибыли усиленнымъ маршемъ. Произошло сраженіе подъ стѣнами Карры; Христіане были побѣждены и должны были снять осаду. Съ другой стороны духовенство продолжало искать увеличенія своей власти и присвоивало себѣ всякаго рода преимущества. Въ это время Боэмундъ, князь Антіохій-

6

Іозелинъ Куртанскій.

скій, отправился въ Италію для сформированія новыхъ войскъ. Испанія, Италія и Франція соединили цвѣтъ своего рыцарства и Боэмундъ оставилъ Анулію предводительствуя 5000 всадниковъ и 40000 пѣхоты. Во время этого путешествія онъ женился на Констанціи, дочери Филиппа I, короля Французскаго, разведенной съ первымъ своимъ мужемъ Гуго, графомъ Шампанскимъ.

Въ 1144 году, Турки одержали надъ Христіанами первую побѣду, которая привела дѣла Христіанъ въ Палестинѣ въ сомнительное состояніе и была причиною втораго крестоваго похода. Эта побѣда была при взятіи Едессы, которое совершилось слѣдующимъ образомъ:

Въ княжествѣ Едесскомъ наслѣдовалъ Балдуину Бургскому Жосселинъ де Куртней. Это былъ храбрый рыцарь, всегда готовый явиться на первый воинскій призывъ; одно имя его поражало невѣрныхъ ужасомъ. По смерти его, которая случилась спустя нѣсколько дней послѣ побѣды одержанной надъ султаномъ Иконійскимъ, престолъ его занялъ сынъ. Около этого времени, въ числѣ эмировъ Сельджукскихъ, ожесточенныхъ враговъ Христіанъ, былъ

Ценги (*), знаменитый по своей храбрости. Ценги заставилъ избрать себя въ эмиры Моссульскіе; общій голосъ признаалъ въ немъ человѣка, которому пророкъ Магометъ предназначилъ выгнать Христіанъ съ востока. Скоро Турецкое войско приблизилось къ Едессѣ; имъ предводительствовалъ грозный эмиръ; его войска тотъ часъ начали блокировать городъ. Нѣсколько дней огромныя башни на колесахъ господствовали надъ укрѣпленіями и тараны безпрерывно пробивали проломы. Осажденные храбро защищались впродолженіи двадцати-семи дней, а въ двадцать-осьмый орда Сарацынъ хлынула въ широкіе проломы подобно волнѣ, и разлилась по улицамъ, производя ужасное кровопролитіе. Церкви были осквернены и разграблены, одного Армянскаго епископа нагаго таскали по улицамъ и сѣкли лозами.

Два года спустя послѣ этого завоеванія, крестоносцы дѣлали попытку отнять Едессу у Мусульманъ обратно. Ценги былъ убитъ на войнѣ, предприня-

(*) Латинскіе историки называютъ его поноснымъ именемъ Sangin—кровопійца.

той имъ противъ одного Магометанскаго князя; ему преемствовалъ вторый сынъ его Нуреддинъ. Нѣкоторые изъ Едесскихъ Христіанъ завели тайныя сношенія съ сыномъ Жосселина де Куртнея. Онъ жилъ въ Курбесселѣ, собралъ небольшое войско, перешелъ Евфратъ и въ темную ночь явился подъ стѣнами Едессы. Воины его были впущены въ городъ и напали на Мусульманскій гарнизонъ, который убѣжалъ въ цитадель. Въ это время Нуреддинъ узналъ о случившемся и явился съ войскомъ. Христіане, окруженные со всѣхъ сторонъ, очертя голову, бросились въ ряды непріятелей и проложили себѣ дорогу. Между тѣмъ, какъ Сарацыны устремились ихъ преслѣдовать, гарнизонъ на скоро выбрался изъ цитадели и отрѣзалъ имъ дорогу. Поставленные между двухъ непріятелей, несчастные крестоносцы были раздавлены многочисленностью враговъ; только немногіе изъ нихъ успѣли убѣжать.

Нуреддинъ, сдѣлавшись снова обладателемъ Едессы, приказалъ разрушить церкви и срыть укрѣпленія.

—

ГЛАВА X.

НРАВЫ. — ОБЫЧАИ.—РАЗНЫЕ ОРДЕНА.

—

— Ей! ей! товарищъ Пикаръ! въ одно утро кричалъ господинъ Давидъ, толстый фламандецъ, недавно прибывшій въ Іерусалимъ, человѣку высокаго роста, съ открытымъ лицемъ и умнымъ, живымъ взоромъ, товарищъ Пикаръ! куда ты такъ бѣжишь въ это время?

— Э! отвѣчалъ послѣдній останавливаясь, иду присутствовать при судебномъ поединкѣ, который будетъ сегодня вмѣсто турнира. Это прекрасно, я люблю это.

— Вотъ что! будетъ судебный поединокъ! отвѣчалъ Давидъ. Что это такое судебный поединокъ? Это новое нападеніе Сарацынъ? Чортъ возьми! я не люблю этого.

Господинъ Давидъ былъ одинъ изъ тѣхъ фламандскихъ добряковъ, которые имѣютъ много качествъ заслуживающихъ уваженіе, но которымъ не достаетъ разсудка. Давидъ прибылъ въ Іерусалимъ, но онъ

отправился бы и въ Сибирь, еслибы товарищъ его вмѣсто того, чтобы сказать, пойдемъ на востокъ, сказалъ: отправимся на сѣверъ. Онъ прибылъ въ св. городъ за нѣсколько дней передъ этимъ, поселился въ одной изъ улицъ Соломонова города, предался одному мелочному занятію, или лучше множеству различныхъ мелочей.

Пикаръ, имя его указываетъ уже на его родину, былъ, какъ нынѣ обыкновенно называютъ, старый ворчунъ. Десяти лѣтъ отъ роду онъ увлекся народнымъ порывомъ, который проповѣдники крестовыхъ походовъ возбудили въ сѣверномъ народонаселеніи, и прибылъ въ Палестину вслѣдъ за Петромъ Пустынникомъ и Готье Безземельнымъ. Пикаръ видѣлъ уже четыре царствованія и имѣлъ слишкомъ 55 лѣтъ.

Пикаръ смѣялся надъ простодушнымъ разсужденіемъ господина Давида, и говорилъ ему:

— Вотъ, сосѣдъ, запирай свои ворота и пойдемъ вмѣстѣ смотрѣть. Дорогою я тебѣ разскажу объ этомъ, а потомъ, посмотрѣвши, ты и самъ узнаешь.

— Согласенъ, пріятель, мнѣ это нравится, от-

вѣчалъ Давидъ, которому все нравилось что нравилось другимъ. А не опасно встрѣтиться съ Сарацынами, нельзя получить удара саблею?

— Нѣтъ, сосѣдъ, нѣтъ, никакого удара саблею, ни плашмя, ни остреемъ.

— О! Но, справедливо замѣтилъ фламандецъ, запирая свои ворота, ужъ я лучше бы желалъ получать удары плашмя, нежели остреемъ. Остреемъ должно быть чрезвычайно нездорово. Бррр!.. При одной мысли объ этомъ по мнѣ пробѣгаетъ дрожъ. Тебѣ случалось когда нибудь получать сабельные удары?

— Да, нѣсколько разъ.

— Остреемъ? Кумъ.

— Ей Богу: такъ!

— Уффъ! сказалъ Давидъ, какъ бы вдругъ его обдало холодомъ.

— Что ты это, господинъ Давидъ? сказалъ смѣясь, Пикаръ.

— Гм! Я думаю о формѣ и тяжести турецкихъ палашей, о которыхъ мы говоримъ. Одинъ есть въ моей лавкѣ, я не могъ еще сбыть его. Это тяжелое оружіе, Боже мой! искривленное на подобіе роговъ

луны, при ея ущербѣ. Оно должно дѣлать ужасные зарубки, ты это знаешь, другъ мой?

— Вотъ еще, знаю ли я, когда я получалъ эти удары!

— Чортъ возьми! я продамъ эту саблю при первомъ случаѣ, хоть бы долженъ былъ потерять изъ барыша цѣлый динарій, бормоталъ фламандецъ.

Говоря такимъ образомъ они дошли до дворца Ирода, прошли вдоль озера, находившагося въ самомъ центрѣ города, и направили свой путь къ воротамъ Ефрема; за ними слѣдовала и перегоняла толпа народа, спѣшившаго на тоже самое зрѣлище, искать тѣхъ же ощущеній.

— Это должно быть забавно въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ господинъ Давидъ, видишь всѣ бѣжать туда. Смотря, какъ тѣснятся эти добрые люди, я начинаю вѣрить, что тамъ нѣтъ никакой опасности.

— Ты думаешь, господинъ Давидъ?

— Да; прервалъ послѣдній, который произнесъ свою эпиграмму съ совершеннымъ простосердечіемъ, безъ всякой хитрости, ты еще не сказалъ мнѣ, что такое судебный поединокъ. Я думаю объ немъ. Я жажду узнать его; онъ сдѣлается для меня болѣе

привлекательнымъ, когда я узнаю, что это такое? Разскажи кумъ; я горю отъ желанія знать, что это такое.

Между качествами господина Давида, мы пропустили болтливость, онъ обладалъ ею, и притомъ, какъ и всѣми качествами, которыми надѣлила его природа, въ высшей степени. Для извѣстныхъ людей природа ничего не дѣлаетъ въ половину; такъ что можно думать, что и она имѣетъ своихъ балованныхъ дѣтей.

— Ахъ! да и въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Пикаръ, я забылъ объ этомъ. Но надобно замѣтить, ты мало давалъ мнѣ времени говорить. Наконецъ, вотъ!..

— Посмотримъ, кумъ, это должно быть чрезвычайно прекрасно и любопытно.

— Ну, предположи, напримѣръ, что тебѣ пришла въ голову странная мысль непремѣнно убить или обокрасть меня.

— Мнѣ, кумъ? Невозможно!

— Я это, ей Богу, хорошо знаю; но предположи, что такъ. Естественно тебя позовутъ на судъ церкви, какъ вора и человѣкоубійцу. Если ты при-

знаешься въ своемъ преступленіи, то тебя повѣсятъ,— вотъ и все.

— Чортъ возьми, это средство жестоко!

— Въ подобномъ случаѣ, если тебѣ слишкомъ противно быть повѣшеннымъ, то остается другое средство.

— А! посмотримъ другое средство; думаю, что я предпочту другое средство.

— Когда тебя кто нибудь обвиняетъ, ты всенародно объявляешь предъ судомъ, что твой обвинитель лжецъ и клятвопреступникъ, и что ты въ извѣстный день въ назначенный часъ докажешь справедливость своего показанія или убивъ своего противника, или принудивъ его просить прощенія. Сдѣлавъ это, ты кричишь: вотъ мое свидѣтельство! и преклонивъ колѣна, предоставляешь его Господу.

— И нужно сражаться? спросилъ заботливо господинъ Давидъ.

— Безъ сомнѣнія: или сражаться или быть повѣшеннымъ.

Фламандецъ почесалъ себѣ переносицу указательнымъ пальцемъ и зѣвнулъ.

— Гмъ! проворчалъ онъ, я не знаю, которое

изъ двухъ средствъ я предпочелъ бы. Мнѣ не нравится ни то, ни другое.

Онъ задумался.

— Если меня убьютъ, кумъ, то все этимъ и кончится; судъ совершится; но если я буду только раненъ или побѣжденъ?

— Тогда тебя повѣсятъ, петля сдѣлаетъ остальное.

— Подвергаться множеству ранъ, продолжалъ фламандецъ съ нѣкоторымъ видомъ меланхоліи, и вмѣстѣ имѣть въ виду петлю! Это значитъ подвергаться двумъ опасностямъ вмѣсто одной. Я начинаю вѣрить, что я выберу первое средство.

— Если твой противникъ будетъ побѣжденъ, хотя бы ты былъ и виновенъ, тебя оправдаютъ, а его повѣсятъ на твое мѣсто.

— Кажется, необходимо нужно, чтобы кого нибудь да повѣсить, замѣтилъ Давидъ.

— Эти люди ужасны! какъ ты думаешь?

— Ты сказалъ правду, кумъ. Ну предположи, что тебя обокрали, ты знаешь вора, ты его видѣлъ, ты его обвиняешь; онъ тебя называетъ лжецомъ и клятвопреступникомъ, ты принужденъ съ нимъ биться на поединкѣ, подъ опасеніемъ, что тебя по-

вѣсятъ вмѣсто его, если ты откажешься; или опять повѣсятъ тебя, если допустишь побѣдить себя.

— Вотъ что, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что выдуманное мною, наконецъ, хорошо, отвѣчалъ Давидъ. Я не только не буду никогда воровать; но даже не стану и жаловаться ни на кого, что онъ меня обокралъ, хотя бы я поймалъ его на дѣлѣ.

— Тс!.. молчи, сказалъ Пикаръ; если тебя услышатъ, то завтра же будешь обокраденъ.

Господинъ Давидъ бросилъ вокругъ себя смущенный взоръ, чтобы осмотрѣть всѣ физіономіи.

— И мнѣ нужно биться? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, биться, или ничего не говорить.

— О! Я ничего не скажу, кумъ,—я ничего не скажу, будь увѣренъ.

Они шли нѣсколько времени въ молчаніи. Фламандецъ былъ очень занятъ и шелъ съ поникшею головою, обдумывая все, что онъ сейчасъ слышалъ. Они проходили Ефремовы ворота, вдругъ Давидъ закричалъ, какъ будто мысли его сдѣлали взрывъ.

— Но это нелѣпо! подобная!..

— Молчи, кумъ, сказалъ Пикаръ, сильно толкнувъ его.

Фламандецъ вдругъ остановился съ растроеннымъ видомъ.

— Молчи и обнажи голову, продолжалъ Пикаръ.

— Такъ, сосѣдъ, бормоталъ Давидъ со страхомъ приближаясь къ своему товарищу, и шепталъ тихо: но зачѣмъ нужно молчать и открывать голову? Мнѣ нужно сообщить тебѣ одну мысль, а солнце заставитъ испечься мой мозгъ подъ черепомъ.

Пикаръ указалъ ему торжественно пальцемъ на Голгоѳу, которая возвышалась отъ нихъ на-право.

— Здѣсь умеръ и погребенъ Христосъ Спаситель, сказалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ въ это время не слышно было ни одного голоса, кромѣ шума отъ ногъ идущей толпы; всѣ были съ открытыми головами.

Толпа шла въ молчаніи до самаго мѣста поединковъ, гдѣ собралось уже большое множество народа. Господинъ Давидъ не прерывалъ общей тишины, ожидая случая подѣлиться съ Пикаромъ своими мыслями, о которыхъ онъ уже говорилъ.

— Но это нелѣпо, началъ добрякъ, когда замѣ-

тилъ, что около его начинаютъ опять появляться голоса, прерванные передъ этимъ, что если меня обокрадутъ среди бѣла-дня, при десяти свидѣтеляхъ, вѣдь для меня будетъ чрезвычайно непріятно, что я для доказательства этого воровства обязанъ позволить себя убить, или по крайней мѣрѣ подвергаться опасности быть убитымъ?

— Справедливо, хладнокровно отвѣчалъ Пикаръ.

— Ну, скажи, кумъ, этотъ законъ для всѣхъ одинаковъ? для гражданъ и для рыцарей?

— Непремѣнно одинаковъ, сосѣдъ. Дворянинъ обязанъ принять вызовъ на поединокъ сдѣланный ему гражданиномъ. Судебный поединокъ между ними имѣетъ мѣсто, когда гражданинъ сдѣлается виновнымъ въ обидѣ, или другомъ важномъ проступкѣ противъ своего владѣтеля или когда владѣтель не оказалъ защиты и помощи своему вассалу, когда тотъ просилъ его объ этомъ. Тогда, такъ какъ рыцарь пользуясь своею лошадью, имѣлъ бы большое преимущество надъ своимъ противникомъ, то ему повелѣно сражаться пѣшимъ подобно вассалу.

— Это, мнѣ кажется, весьма мудро учреждено, замѣтилъ Давидъ.

— Побѣжденнаго вѣшаютъ немедленно и благороднаго подобно простолюдину.

— Это совершенно справедливо, кумъ.

— Да, прервалъ Давидъ, я забылъ тебѣ сказать, что когда сраженіе кончится смертью, мертваго тѣмъ не менѣе повѣсятъ.

— Это опять нелѣпо; но при всемъ томъ, какъ онъ не чувствуетъ болѣе. ..

Они пришли на мѣсто поединковъ; это была широкая, квадратная площадь, посреди которой цѣпь солдатъ огораживала пустое пространство для поединковъ. Члены судилища сидѣли на противоположной сторонѣ ристалища, откуда должны были появиться бойцы. Наши два болтуна протѣснились въ первый рядъ, чтобъ ничего не просмотрѣть изъ зрѣлища, которое пока еще не начиналось, что доставило большее удовольствіе Пикару. Господинъ Давидъ постоянно размышлялъ, съ поникшею головою, подобно адвокату, который ищетъ разрѣшенія спорнаго пункта.

— О чемъ ты задумался, сосѣдъ, началъ Пикаръ, ударивъ его по плечу. Ты можетъ быть перебираешь всѣ случаи, въ которыхъ судебный поединокъ имѣетъ

мѣсто. Я могу тебѣ отвѣчать на всѣ, исключая одного или двухъ. Въ случаѣ обыкновеннаго воровства, потомъ за грабежъ на большихъ дорогахъ, наконецъ при личныхъ оскорбленіяхъ; въ этихъ трехъ случаяхъ преступленіе должно быть утверждено показаніемъ двухъ свидѣтелей. Здѣсь обвиненный для своего оправданія обязанъ биться съ однимъ изъ свидѣтелей; и если свидѣтель будетъ побѣжденъ, его повѣсятъ вмѣстѣ съ обвинителемъ.

— Я не пойду никогда въ свидѣтели, нѣтъ, внутренно подумалъ Давидъ.

— Другое средство, сосѣдъ. Если на судебный поединокъ вызовутъ, какъ обвинителя, человѣка, которому болѣе шестидесяти лѣтъ, то за него сражается боецъ. Бойцемъ называютъ человѣка, который беретъ на себя сражаться за него. Если боецъ будетъ побѣжденъ вѣшаютъ за одинъ разъ обвинителя, свидѣтеля и несчастнаго бойца.

— Господи Іисусе! вскричалъ Давидъ, повѣсить трехъ человѣкъ за какое нибудь жалкое воровство.

— Да, ей Богу.

Фламандецъ почесалъ за ухомъ, сдѣлалъ маленькую

гримасу; это служило у него знакомъ, что онъ намѣренъ сдѣлать тонкое замѣчаніе.

— Но когда это будетъ женщина, сказалъ онъ торжественно, женщинъ, безъ сомнѣнія, не вѣшаютъ, кумъ.?

— Нѣтъ, сосѣдъ. Но когда женщина явится обвинительницею, и когда свидѣтель ея и боецъ будутъ побѣждены, вѣшаютъ свидѣтеля и бойца, а...

— А?... повторилъ Давидъ, который слушалъ наклонившись,—доказательство любопытства въ самой высшей степени.

— А женщину сожигаютъ, сказалъ небрежно Пикаръ.

— Боже мой! воскликнулъ Фламандецъ съ ужасомъ, какъ бы онъ уже чувствовалъ жаръ пламени. Сожгутъ! несчастная! Можно ли говорить: сожгутъ въ странѣ, гдѣ все живое варится безъ огня? Сожгутъ! Это одно слово обдаетъ меня, холодомъ. Какая ужасная страна!

Онъ помолчалъ немного и прибавилъ съ трепетомъ:

— Я лучше желалъ бы быть дважды повѣшеннымъ, нежели однажды сожженнымъ. Сжечь! А! проклятое изобрѣтеніе!

Въ то время, когда Давидъ договаривалъ послѣдніе слова, одинъ человѣкъ изъ народа, съ звѣрскимъ выраженіемъ въ лицѣ, помѣстился подлѣ нихъ. Фламандецъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ и замѣтилъ что у него недостаетъ одной руки.

— Несчастный! сказалъ онъ, притягивая къ себѣ за рукавъ Пикара, и показывая ему однорукаго, безъ сомнѣнія ударъ того оружія, о которомъ мы говорили сегодня утромъ, отсѣкъ ему правую руку?

— Да, такъ! отвѣчалъ тихо Пикаръ, онъ забылся до того, что поднялъ руку на рыцаря. Этотъ человѣкъ, по всей справедливости, простолюдинъ, а простолюдинамъ, которые сдѣлаютъ подобную грубость, отсѣкаютъ руки. Это средство, подобно другимъ напоминаетъ имъ о ихъ рабскомъ состояніи.

— А! прервалъ Давидъ, котораго зрачки ужасно расширились, ты думаешь, что вотъ это одинъ изъ нихъ? Если бы намъ не много отойти, кумъ.

— А за чѣмъ?

— Онъ начинаетъ смотрѣть на меня съ такимъ видомъ....

— Трусъ!

— Э, э! кумъ, да не всѣмъ, вѣдь, въ мірѣ дана одинаковая храбрость и великодушіе.

— Чортъ возьми! Я не ожидалъ, что ты желаешь мнѣ доказать это и увѣрить меня въ этомъ.

Въ это время раздалось ура. Явились судьи, чтобы занять свои мѣста; чрезъ нѣсколько минутъ бойцы вошли на арену. У нихъ голова была обрита и оставлена открытою, это доставило случай замѣтить господину Давиду, который смотрѣлъ съ жадностію, что они были чрезвычайно некрасивы въ такомъ вооруженіи, и что солнце, падавшее на ихъ открытыя головы, должно было ужасно безпокоить ихъ. Оба они носили красное исподнее платье и такаго же цвѣта платье, надѣваемое поверхъ латъ, и доходившее до колѣнъ. Щиты ихъ были выше ихъ самихъ на полфута, съ просверленными двумя малыми отверстіями, сквозь которые каждый могъ видѣть своего противника. Наступательное оружіе сражающихся состояло изъ копья и двухъ мечей, одного прикрѣпленнаго къ поясу, а другаго къ щиту. Ну, сказалъ господинъ Давидъ, котораго это военное зрѣлище заставило сдѣлать цѣлую кучу размышле-

Поединокъ обвиненныхъ.

ній, что заставляетъ этихъ добрыхъ людей стремиться такимъ образомъ къ своей погибели?

— Замѣть, отвѣчалъ Пикаръ, что тотъ, который преклонилъ колѣна на землю обвиненъ тѣмъ, который стоитъ, въ убійствѣ брата его съ цѣлію ограбить деньги, которые послѣдній несъ. Двои другихъ человѣка видѣли злодѣйство и свидѣтельствовали объ этомъ. Обвиненный потребовалъ судебнаго поединка и споръ рѣшается сегодня.

Слышенъ былъ голосъ обвиняемаго, который громко раздавался по площади. Онъ стоялъ на колѣняхъ, правая рука простерта къ Евангелію; онъ говорилъ:
— Клянусь, предъ Богомъ и св. Евангеліемъ что я не сдѣлалъ того злодѣянія, въ которомъ меня обвиняютъ.

— Онъ можетъ быть невиненъ, возразилъ Давидъ, котораго природная довѣрчивость во всемъ выказывалась.

— Его видѣли два свидѣтеля, прервалъ Давидъ. Мѣсяцъ не больше назадъ онъ бился еще по случаю обвиненія въ воровствѣ, но безъ убійства. Это грубый гуляка, онъ перерубаетъ всѣхъ своихъ противниковъ.

— Святая Дѣва! кумъ, если онъ вздумаетъ меня обокрасть; мнѣ нужно будетъ умерѣть.

— Ба! ты позволишь это сдѣлать?

— Матерь Божія! повторялъ Давидъ, который не могъ оторвать глазъ своихъ отъ страшнаго бойца.

Въ это время обвинитель утвердилъ, что его противникъ лжетъ, и поклялся, держа руку на Евангеліи, что онъ дѣйствительно виновенъ въ преступленіи, въ которомъ онъ обвинилъ его.

— Въ самомъ дѣлѣ, началъ Фламандецъ, когда обвинитель произнесъ обыкновенную формулу, онъ могъ имѣть основательныя причины. Я держусь твоего мнѣнія, кумъ, обвиненный долженъ быть великій злодѣй.

— Я уже сказалъ тебѣ это, отвѣчалъ небрежно Пикаръ.

— Смотри, кричалъ урожденецъ Фландріи, вотъ они наступаютъ одинъ на другаго.

Два противника дѣйствительно сближались, они были закрыты щитами, и держали копья на готовѣ.

— Не ужели они дѣйствительно хотятъ убить одинъ другаго? спросилъ Давидъ дрожащимъ голо-

сомъ, когда увидѣлъ противниковъ въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга.

— Гм!.. Обвиненный рѣдко ошибается въ своемъ ударѣ, сосѣдъ.

— Да, какъ ты говоришь, кумъ; я завидую ему въ этомъ.

Почти въ это самое мгновеніе раздался ударъ копьевъ объ щиты; Давидъ затрясся всѣми членами, уткнулъ голову въ плеча, какъ бы увидѣлъ, что надъ нимъ поднята мусульманская сабля. Между тѣмъ не сводилъ глазъ; одно изъ копьевъ переломилась и упала на землю, сражающіеся обнажили свои мечи.

Чрезъ нѣсколько минутъ послышался глухой стонъ; потомъ одинъ изъ противниковъ протянулъ руку вверхъ, зашатался и тяжело упалъ на спину.

— Богъ Спаситель! шепталъ Давидъ, и закрылъ себѣ лице обѣими руками.

Раздалось продолжительное восклицаніе народа, которое извлекло его изъ оцѣпенѣнія.

— Что это кумъ? спросилъ онъ съ живостію, его любопытство какъ бы препобѣдило его страхъ.

— Ничего, это крикъ радости, произведенный на-

родомъ. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Кстати, кто побѣдитель? Обнаженнные мечи при солнцѣ мнѣ ослѣпили глаза. Моимъ взорамъ представлялось что-то мелькавшее, но я ничего не могъ различить. — Безъ всякаго сомнѣнія умеръ убійца брата.

— Богъ мой! нѣтъ, сосѣдъ, но какъ я предвидѣлъ, убійца брата убилъ и другаго брата.

— О! это такой ужасный человѣкъ.

Господинъ Давидъ изумился, потъ большими каплями катился по его толстымъ и краснымъ щекамъ.

— Умеръ! сказалъ онъ наконецъ, ну что это за сторона! что я буду въ ней дѣлать? Боже Спаситель, сохрани, чтобы со мною еще не случилось ничего подобнаго.

— Ба! сосѣдъ, это можетъ случиться съ тобою одинъ только разъ.

— Но и этого будетъ слишкомъ много, кумъ, отвѣчалъ Фламандецъ голосомъ отчаянія, обращая безнадежные взоры на своего собесѣдника, который улыбался. Ну пойдемъ, я надѣюсь, все кончилось.

— Нѣтъ еще, сосѣдъ, нѣтъ еще.

— Святая Дѣва! Что это ты говоришь, они хотятъ убить другихъ?

— Да, вотъ, и двоихъ свидѣтелей, если угодно.

— О! говорилъ Фламандецъ плаксивымъ голосомъ, ты въ другой разъ развѣ за тѣмъ только приведешь меня на ваши судебныя поединки, какъ вы ихъ называете, чтобы мнѣ замерзнуть лѣтомъ, какъ у насъ во Фландріи замерзаютъ зимою. Ты видишь, кумъ, не въ моей природѣ наслаждаться такими зрѣлищами. Оно производитъ у меня біеніе сердца, обморокъ, и мнѣ дѣлается дурно, какъ женщинѣ. Что хочешь дѣлай, а ужъ я таковъ. Обнаженная шпага для меня тоже, что домовой, пролитая кровь, что....

Онъ остановился, не находя довольно сильныхъ выраженій, потомъ затрясся, подобно человѣку дрожащему отъ стужи, и продолжалъ:

— Бррр... пролитая кровь!

Прошло нѣсколько секундъ пока онъ успокоился и прибавилъ, смотрѣвши на ристалище.

— Что это дѣлаетъ тамъ толпа вокругъ висѣлицы?

— Сей часъ увидишь, сосѣдъ.

— Господи помилуй! закричалъ Давидъ почти въ тоже мгновеніе, закрывая въ другой разъ лице обѣ-

ими руками. Что за нелѣпая страна съ ея судебными поединками и висѣлицами.

Потому что когда онъ взглянулъ на висѣлицу тамъ были повѣшены рядомъ три трупа; это были тѣла побѣжденнаго бойца, уже умершаго и двухъ его свидѣтелей.

Когда все кончилось, когда въ трупахъ жертвъ прекратились послѣднія судороги агоніи, толпа разошлась лѣниво и равнодушно и разбрелась по разнымъ частямъ города.

— Уфъ! сказалъ господинъ Давидъ своему спутнику, когда они отошли шаговъ сто отъ мѣста поединковъ, онъ здѣсь вздохнулъ свободнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, кумъ, я думалъ уже, что со мною сдѣлается дурно. Ты не знаешь, много ли мучится тотъ кого повѣсятъ?

— Повѣрь мнѣ, пріятель, никто изъ тѣхъ, кого доселѣ я видѣлъ повѣшеннымъ, мнѣ не сообщилъ извѣстія объ этомъ.

— Это должна быть самая скверная четверть часа въ жизни человѣка, замѣтилъ Фламандецъ съ глубокою проницательностію.

Его размышленія прерваны были рыцаремъ угрю-

маго вида, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. На немъ была полотняная шляпа съ красною скуфьею на верху, рубашка обшитая по подолу кружевами, какъ можно было видѣть сквозь отверстія его длиннаго бѣлаго плаща, камзолъ безъ рукавовъ и широкій поясъ, къ которому прикрѣплялся мечь.

— Что это за человѣкъ съ длинною бородою? спросилъ Давидъ.

— Это тампліеръ, храмовый рыцарь, отвѣчалъ Пикаръ; орденъ этихъ рыцарей основанъ Французами въ 1118 г. по подражанію Италіянцамъ, которые учредили орденъ страннопріимцевъ св. Іоанна, иначе Іоанна Іерусалимскаго.... Послѣдніе дѣлятся на три степени: рыцарей, монаховъ и служащихъ братій. Въ случаѣ нужды всѣ они сражаются какъ рыцари. Для отличія отъ храмовыхъ рыцарей, которые, какъ ты видѣлъ, носятъ на груди красный крестъ, страннопріимцы носятъ бѣлый. Оба ордена имѣютъ одинаковые уставы и подчинены тѣмъ же обязанностямъ. На печати у храмовыхъ изображенъ серебреный щитъ, по краямъ съ красными крестами, а въ срединѣ образъ агнца, символъ Христа Спаси-

теля, съ вѣнцемъ и знаменемъ. Они живутъ въ одномъ отдѣленіи дворца Іерусалимскихъ королей, которое примыкаетъ ко храму Соломона.

— Храбрые рыцари съ гордымъ видомъ, замѣтилъ господинъ Давидъ.

Разговоръ на минуту прекратился; Фламандецъ задумался.

— А скажи, кумъ, не ужели ты уже не думаешь больше о томъ, что случилось на мѣстѣ поединковъ?

— Нѣтъ. А ты постоянно объ этомъ думаешь, а?

— Отъ времени до времени. Передъ отходомъ, я взглянулъ на висѣлицу, одинъ изъ трехъ повѣшенныхъ, обращенный на мою сторону имѣлъ еще силу кивнуть мнѣ головою, какъ бы говоря: до свиданія. Это меня безпокоитъ.

— Э! они всѣ трои и всѣмъ дѣлаютъ тоже самое.

— Это правда! сказалъ Давидъ, который ничего болѣе не желалъ, какъ только, чтобъ его уговорили.

Черезъ нѣсколько шаговъ, которые онъ сдѣлалъ съ задумчивымъ видомъ математика, ищущаго разрѣшенія задачи, началъ снова:

— Имѣлъ ли ты когда нибудь предчувствія, кумъ?

— Никогда, отвѣчалъ Пикаръ.

— Жаль. Я хотѣлъ обратиться къ тебѣ съ вопросомъ.

— Говори.

— Вѣришь ли ты предчувствію?

— Нѣтъ; да и за чѣмъ?

— Въ настоящее время мною овладѣли разныя чрезвычайно грустныя мысли. Что ты скажешь на это, другъ?

— Пст! сдѣлалъ Пикаръ съ величайшимъ хладнокровіемъ, которое успокоило Фламандца, вздоръ, сосѣдъ, все вздоръ.

Господинъ Давидъ вздохнулъ какъ бы послѣ суточнаго летаргическаго сна.

— Я всегда въ этомъ сомнѣвался, отвѣчалъ онъ не совсѣмъ еще успокоившись.

Разговаривая такимъ образомъ они прошли часть Соломонова города, въ которомъ обитали, и пришли къ своимъ жилищамъ. Господинъ Давидъ и Пикаръ дружески подали одинъ другому руку и готовились войти въ свои лавки, которыя находились не далеко одна отъ другой.

— Я очень боюсь, чтобы въ настоящую ночь мнѣ не приснился челокѣкъ, который дѣлаетъ головою

знаки, говорилъ Фламандецъ; онъ, прежде нежели разлучился съ своимъ путеводителемъ, желалъ услышать отъ него что нибудь что бы успокоило его совершенно.

— Э! Это очень возможно, сосѣдъ; я вѣрю снамъ, и не знаю не имѣютъ ли они сходства съ предчуствіями, о которыхъ ты сей часъ говорилъ мнѣ.

Онъ, смѣясь внутренно, удалился.

Господинъ Давидъ вошелъ въ свою лавку съ душею возмущенною и тревожною; пришелъ вечеръ и онъ загородился, какъ будто бы ночью должны были проникнуть въ городъ Мусульмане съ мечемъ въ рукахъ.

Мы можемъ увѣрить что господину Давиду мало спалось и чрезвычайно худо; но не смѣемъ утверждать, что онъ видѣлъ во снѣ человѣка, который кивалъ ему головою.

—

8

Тамплієръ храмовый рыцарь.

ВТОРЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ
(1146 — 1149.)

—

ГЛАВА XI.

ОТЪѢЗДЪ ЛУДОВИКА VII И КОНРАДА III.—ИХЪ ПРИБЫТІЕ ВЪ ПАЛЕСТИНУ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ. — АЛЬБЕРИКЪ И КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

—

Взятіе Едессы поразило страхомъ восточное духовенство. Но Христіанская армія, надѣясь на свою силу и храбрость, каждый разъ, какъ нападеніе невѣрныхъ угрожало Святой Землѣ, не хотѣла ни съ кѣмъ раздѣлять славы побѣды надъ своими врагами. А духовенство болѣе робкое не переставало умолять Христіанъ Европейскихъ о помощи.

Проповѣдывать вторый крестовый походъ началъ Бернаръ. Не съ такимъ дикимъ фанатизмомъ, какъ предшественникъ его Петръ Пустынникъ, Бернаръ соединялъ въ себѣ всѣ качества великаго витіи Христіанскаго. Высокіе таланты, уваженіе, которымъ

онъ пользовался въ Европѣ, его живое, страстное и увлекающее краснорѣчіе ослѣпило глаза народа, взволновало и воодушевило его.

Во Франціи для этой посторонней войны было самое благопріятное время. Лудовикъ VII укротилъ гордаго Тибо, графа Шампаньи, своего возмутившагося вассала. Война, кончившаяся побѣдою, пробудила въ королѣ французскомъ сильное угрызеніе совѣсти, которое онъ хотѣлъ успокоить поклоненіемъ Св. мѣстамъ въ Іерусалимѣ. Случай былъ прекрасный, и Лудовикъ принялъ крестъ. На соборѣ бывшемъ въ 1146 году, на святой недѣлѣ въ мѣстечкѣ Везелей, король получилъ священный символъ, и вмѣстѣ съ Бернаромъ увѣщевалъ вооружиться своихъ рыцарей и бароновъ. Здѣсь, какъ и на соборѣ Клермонскомъ, собраніе единодушно воскликнуло: такъ хочетъ Богъ! И безчисленное множество народа стало подъ знамя Христа, получивъ на плечо крестъ, какъ знакъ ихъ посланничества.

Тогда Бернаръ перешелъ Рейнъ, и взволновалъ города и села, лежащія ему на пути отъ Констанца до Каринтіи. Герцоги Богемскій и Туринскій, графъ Каринтійскій, Маркизъ Штирійскій и Монферранскій,

по его призыву, взялись за оружіе и поднялись со своими дружинами. Конрадъ III, императоръ Германскій, долго не хотѣлъ принять участія въ этомъ предпріятіи и вооружиться, наконецъ, побѣжденный краснорѣчіемъ Христіанскаго проповѣдника, пригласилъ подъ знамя Христово бароновъ и народъ своей имперіи. Тогда, какъ выразился самъ Бернаръ города опустѣли; въ ихъ окрестностяхъ остались только толпы вдовъ и сиротъ, которыхъ мужья и отцы еще были живы. Когда въ 1147 году, онъ возвратился во Францію, безпримѣрное движеніе и всеобщій энтузіазмъ, породившія вторый крестовый походъ, съ теченіемъ времени усилились.

Мѣстомъ собранія Французскіе крестоносцы назначили Майнцъ, а Германцы Регенсбургъ. Въ день отъѣзда Лудовикъ VII получилъ изъ рукъ папы котомку и страннической посохъ и отправился съ королевою въ Майнцъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились графы Дрескій, Суассонскій, Понтьескій, Неверскій, Тулузскій, Фландрскій, съ Генрихомъ, сыномъ графа Шампаньи. Вооруженныхъ шлемами и кольчугами было около 62 тыс. Нѣкоторые истори-

ки утверждаютъ, что къ нимъ присоединилась и дружина Англійская.

Конрадъ прибылъ послѣ съ формированнымъ войскомъ, полнымъ энтузіазма, который простирался даже и на женщинъ Германскихъ. Храбрыя героини взялись за оружіе и слѣдовали въ Палестину за дружиною императора. Онѣ были вооружены копьями и щитами; но увы! кокетство скрывалось подъ этою воинственною наружностію, склонность къ нарядамъ, блескъ роскоши и богатства обнаруживали въ нихъ мірскія страсти, худо скрываемыя одеждою неофитовъ. Ихъ гордый генералъ назывался la Dame aux pieds dorés.

Императоръ Конрадъ пошелъ чрезъ Венгрію, надѣясь на дружбу Мануила, внука Алексѣя Комнина. Мануилъ занималъ тогда престолъ Византійскій, и подобно дѣду своему тайно страшился вооруженій Европы. Не смотря на то, онъ заключилъ съ Конрадомъ союзъ, по которому обязался продавать и доставлять жизненные припасы крестоносцамъ Германіи. Но притѣсненія и различныя неудовольствія часто нарушали этотъ союзъ между двумя государями.

Первое бѣдствіе Германцы претерпѣли отъ бури. Расположившись въ долинѣ на югъ отъ Тарса, воины Христіанскіе праздновали день Успенія Божіей Матери, когда рѣка, протекающая между двумя горами, поднялась отъ бури и затопила станъ и близъ лежащую долину. Это наводненіе унесло нѣсколько человѣкъ, часть багажа и лошадей. Торжество праздника оттѣнилось печалью и отчаяніемъ. Пришедши къ стѣнамъ Константинополя, Императоръ Германскій, страшась коварной дружбы Мануила, и оскорбленный частыми отъ Грековъ нарушеніями союза, который съ ними былъ заключенъ, гордо миновалъ городъ и переѣхалъ Босфоръ, не требуя свиданія.

Въ это время Людовикъ VII явился прямо ко двору Мануила, который принялъ короля Французскаго, какъ равнаго себѣ. Мануилъ вышелъ, даже на встрѣчу ему въ своемъ дворцѣ, обнялъ его, и пришедши въ пріемное зало, оба монарха сѣли на одинаковыхъ престолахъ. Среди торжествъ и публичныхъ праздниковъ, бывшихъ по случаю пріѣзда, Людовикъ VII узналъ, что Мануилъ ведетъ тайную переписку съ Султаномъ Иконійскимъ, заклятымъ

врагомъ Христіанъ. Это могло бы подать поводъ къ войнѣ, но король, бароны и рыцари не хотѣли и слышать о мести. Защита Св. Земли была постоянною ихъ мыслію, для ней они презирали всѣ жалобы, думая отомстить когда нибудь, если представится опять случай.

Въ это время Конрадъ продолжалъ свой походъ. Достигнувъ Виѳиніи онъ направился въ Ликаонію, провинцію, находящуюся въ центрѣ владѣній Турковъ Сельджукскихъ. Султанъ собралъ все свое войско, которое было столь многочисленно, что для приготовленія провизіи въ своемъ походѣ оно осушало рѣки и подвергало голоду страну, по которой проходило. Между тѣмъ хитрая политика императора Мануила открылась крестоносцамъ во всемъ своемъ свѣтѣ. Проводники, избранные, чтобы провести германскую армію въ Ликаонію, повели крестоносцевъ по долинамъ и пустынямъ безплоднымъ, гдѣ воины гибли отъ голода. Часто замѣчали, что предувѣдомленные Турки дѣлали въ дефилеяхъ засады и тысячами истребляли Христіанъ. Хлѣбъ, который Греки продавали солдатамъ, былъ смѣшанъ съ мѣломъ и пылью, и эта хитрость повторялась много разъ.

Паломники, не имѣя для наступленія или защиты другаго оружія кромѣ маленькаго странническаго посоха, умерщвляемы были безъ милосердія Турками, и тяжелая кавалерія Германская не могла спастись бѣгствомъ отъ жестокости невѣрныхъ. Едва десятая часть крестоносцевъ съ Рейна и Дуная, избѣгла отъ стрѣлъ мусульманскихъ и соединилась съ Французскою арміею.

Лудовикъ VII отправился изъ Константинополя съ легкомысленною довѣренностію на обѣщанія императора Мануила, который далъ слово помогать ему и увѣрилъ короля, что Иконія взята Конрадомъ послѣ блистательной побѣды, одержанной надъ Турками Сельджукскими.

Но когда Французская армія расположилась лагеремъ при Никеѣ, тогда множество несчастныхъ Германцевъ увѣдомили его о ихъ несчастіи. Король Французскій скрылъ свою ненависть и соединился съ Конрадомъ. Тогда рѣшено было оставить непрямую дорогу, по которой шли прежніе начальники крестоносцевъ, и идти вмѣстѣ до Филадельфіи, въ Лидію. Но большая часть Германцевъ, разочарованная претерпѣнными несчастіями и страшась но-

выхъ, возвратилась съ дороги и отправилась въ Константинополь. Вскорѣ и самъ императоръ Конрадъ въ Ефесѣ сѣлъ на корабль, чтобы ѣхать и молить императора о благосклонности, которую онъ сначала такъ гордо презрѣлъ.

Французы, отдохнувъ нѣсколько дней на берегахъ Егейскаго моря, отправились дальше на востокъ. Лудовикъ VII съ презрѣніемъ отвергнулъ предложеніе Мануила защищать его отъ жестокости невѣрныхъ, и смѣло продолжалъ свой походъ до береговъ Меандра. Турки, отправивши въ безопасное мѣсто добычу, отнятую ими у Германцевъ, ждали Христіанскую армію здѣсь, чтобы воспрепятствовать Французамъ переходъ чрезъ рѣку; засѣвши на верху горы, они пускали въ крестоносцевъ стрѣлы; потомъ, гордые своимъ числомъ и побѣдами надъ Германцами, они кинулись на Французовъ, чтобы принудить ихъ къ сраженію. Крестоносцы отразили натискъ съ необыкновенною храбростію, и баталіоны турецкіе дробились о ихъ каре, неподвижное какъ желѣзная стѣна. Чрезъ нѣсколько часовъ на полѣ сраженія осталась только большая куча турецкихъ труповъ, которые покрылись землею надолго. Ко-

роль Французскій пришелъ отомстить бѣдствія, которыя потерпѣлъ императоръ Германскій. Эта побѣда сильно встревожила Турокъ и Грековъ. Послѣдніе со страхомъ сознались, что крестоносцамъ они обязаны вѣчною благодарностію за умѣренность и кротость, какую они показали во время путешествія по Греціи.

Вскорѣ послѣ этой побѣды, Христіанская армія заблудилась въ горахъ, проходящихъ по Фригіи Писидійской. Чтобы въ этомъ трудномъ путешествіи предупредить раздѣленіе между многочисленными корпусами арміи, согласились, чтобы авангардъ дожидался другихъ отрядовъ на одной долинѣ; авангардъ сбился съ дороги, не зная можетъ быть хорошо мѣстности, прошелъ назначенную границу и остановился гораздо далѣе. Колонна, въ которой находился король, не нашедши тѣхъ войскъ, которые ушли прежде, продолжала путь и вступила безбоязненно въ узкій дефилей, надѣясь на бдительный надзоръ своихъ товарищей. Во время величайшаго безпорядка въ ихъ походѣ, Турки, всегда жадные къ грабежу, и слѣдующіе за арміей, какъ голодный коршунъ летаетъ надъ трупомъ, оста-

вивъ лукъ и стрѣлы, бросились на разстроенные ряды, съ саблями въ рукахъ. Окруженные неприступными горами и бездонными пропастями, Французы не могли устоять противъ яростнаго напора. Люди, лошади, багажъ, все полетѣло въ близь лежавшую пропасть. Турки были многочисленны и сопротивленіе было почти безполезно. Король своимъ спасеніемъ обязанъ случаю и своей храбрости. «Храбрѣйшіе, говоритъ, Мишо, тотъ-часъ соединились вокругъ короля, и взошли на верхъ горы; тридцать князей, сопровождавшихъ Лудовика, умирая, дорого продали свою жизнь. Самъ государь остался почти одинъ на мѣстѣ сраженія, и взобравшись на скалу, храбро защищался отъ невѣрныхъ, преслѣдовавшихъ его. Прислонившись къ дереву, онъ одинъ противился усиліямъ многихъ Сарацынъ, которые, принявъ его за солдата, перестали наконецъ съ нимъ сражаться и бросились на грабежъ. Когда насталъ вечеръ, король сѣлъ на забытую лошадь, и послѣ тысячи опасностей, соединился съ своимъ авангардомъ, который уже оплакивалъ его смерть.

Послѣ этого несчастія, армія не сохраняла уже никакого порядка. Она, не зная дороги, блуждала на

удачу, и принуждена была бороться съ суровостью дождливой зимы. Наконецъ, она добралась до Атталіи, главнаго города Памфиліи, который стоялъ на берегу моря, почти при устьѣ Цестры. Греки грубо отказали Христіанамъ въ гостепріимствѣ, которые поэтому и должны были помѣститься, какъ стадо, на сырой равнинѣ. Голодъ, какъ это случилось и въ первый Крестовый походъ, похитилъ столько солдатъ, лошадей и вьючнаго скота, что принудилъ Крестоносцевъ возвратиться моремъ въ Антіохію. Жители Атталіи, чтобы предотвратить отъ себя месть Французовъ, предложили снабдить ихъ кораблями необходимыми для переѣзда. Спустя пять недѣль Король отплылъ со своею арміею, принужденный оставить на берегу моря больныхъ и истомленныхъ трудами поклонниковъ, которыхъ небольшое число могло помѣститься на корабляхъ. Эти несчастные ввѣрены были графу Шампанскому, чтобы провести ихъ въ Киликію.

Но лишь только флотъ скрылся на горизонтѣ, какъ Турки тотъ часъ напали на этихъ несчастныхъ и беззащитныхъ; ибо помощь, которую оставилъ Король подъ начальствомъ Графа Шампанскаго, была очень

слаба, чтобы противостоять толпѣ Мусульманъ. Христiане были перерѣзаны и ограблены, а жители Атталiи, затворивъ ворота, безжалостно умертвили больныхъ и раненыхъ, находившихся у нихъ. Семь тысячь несчастныхъ, ввѣренныхъ покровительству Графа Шампанскаго, пытались дойти до Палестины, но всѣ пали отъ оружiя Турокъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ счастливъ, чтобы увидѣть стѣны святаго города.

Не смотря на настоянiя и просьбы Королевы Елеоноры своей жены, Лудовикъ VII оставилъ Антiохiю и отправился въ Iерусалимъ, куда онъ вошелъ съ религiозною процессiею, окруженный толпою духовныхъ, при пѣнiи псалма: *Благословенъ грядый во имя Господне.* Но еще прежде его прибыли сюда Императоръ Германскiй, Герцоги Саксонскiй и Баварскiй и остатокъ Германской армiи.

Вскорѣ послѣ этого соединенiя начальники новаго крестоваго похода держали совѣтъ въ Птоломаидѣ, на которомъ присудствовали Принцы, Бароны и Прелаты Сирiйскie и Палестинскiе. О взятiи Едессы Мусульманами не упоминали, потому что были другiе интересы гораздо важнѣйшiе; ибо въ Сирiи

находились во власти Турокъ города, которыхъ сосѣдство было опаснѣе, нежели Едесса. На совѣтѣ рѣшились осадить Дамаскъ. Христіане вооружились подъ предводительствомъ Короля Французскаго и Императора Германскаго и вскорѣ подступили къ стѣнамъ Дамаска. Съ востока и юга высокія и крѣпкія стѣны дѣлали городъ неприступнымъ; но со стороны сѣвера и запада, окруженный полями и садами, защищался только рвами и башнями, довольно близкими, и повидимому представлялъ больше успѣха для осады. Король Іерусалимскій избралъ для своей дружины и всего войска, которое было съ нимъ, постъ самый опасный. Король Французскій помѣстился позади его, а Конрадъ III занялъ такую позицію, которая казалась ему болѣе выгодною.

Многія стычки произошли между крестоносцами и Сирійцами; рыцари Германскіе при этихъ случаяхъ оказывали большую пользу, потому что они сражались безъ различія пѣшіе и конные. Въ одной изъ такихъ стычекъ, Король Іерусалимскій, Балдуинъ III, отбросилъ непріятеля на берегъ рѣки, протекающей подъ стѣнами Дамаска. Врагъ, соединив-

шись здѣсь, сдѣлалъ новое нападеніе и окружилъ войско Балдуина. Тогда Императоръ Конрадъ поднялся съ своими солдатами и, перешедъ мѣсто отступившихъ Французовъ, поставилъ свои передовые эскадроны напору враговъ. Невѣрные споткнулись объ нихъ какъ о скалу, и въ безпорядкѣ отступили въ городъ. Когда въ другой разъ Мусульмане хотѣли прорубиться сквозь баталіонъ Германскій, неподвижный какъ гора, одинъ изъ всадниковъ, отдѣлившись отъ войска крестоносцевъ, бросился на Сарацина исполинскаго роста и поразилъ его своимъ тяжелымъ мечемъ; ударъ былъ такъ страшенъ, что разрубилъ кольчугу, отъ плечъ до колѣнъ. Всадникъ былъ Конрадъ.

Когда городъ готовъ былъ уже подпасть власти Христіанъ, произошли роковыя несогласія, лишившія Марры, и Христіане потеряли драгоцѣнное время въ спорахъ о томъ, кому долженъ принадлежать городъ, которымъ еще не владѣли. При Дамаскѣ, какъ и при Маррѣ, это безразсудство было пагубно для Христіанскаго дѣла, и армія отступила отъ города, который она осадила съ такими трудами, оставивъ его въ рукахъ Сарацинъ. Вскорѣ послѣ

сего Конрадъ возвратился въ Европу съ остаткомъ своей арміи.

Спустя годъ, въ 1149 году, предъ самымъ отъѣздомъ въ Европу Короля Французскаго съ своими баронами и рыцарями, вотъ что случилось при дворѣ короля Іерусалимскаго.

Уже всѣ принцы крестоносцы собрались въ главную залу, гдѣ Лудовикъ VII прощался съ ними предъ своимъ отъѣздомъ. Лошади ржали на дворѣ и слышенъ былъ шумъ, предшествующій отъѣзду.

Когда начальники крестоносцевъ представились королю, въ это время приблизился къ подножію трона молодой человѣкъ и остановился съ скромнымъ видомъ и нѣсколько наклонившись. Это былъ Альберикъ. Время развило въ немъ тѣлесную крѣпость; но онъ былъ все также юнъ хотя съ большею силою, все тоже шестнадцатилѣтнее дитя, съ тою же свѣжею и бодрою натурою, съ тѣмъ же тонкимъ и выгнутымъ, но гибкимъ и крѣпкимъ станомъ; его голосъ все также пріятный и гармоническій, походилъ на пріятный звукъ.

— А! это ты Альберикъ, сказалъ ему Лудовикъ VII съ дружескимъ жестомъ; ты пришелъ пожелать

мнѣ счастливаго пути. Хорошо, дитя, хорошо, желанія доброй души принимаетъ Богъ; а ты, я знаю, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Его защитниковъ.

— Богъ покровительствуетъ и защищаетъ царя, сказалъ молодой пажъ, кланяясь и намѣреваясь идти.

— Постой, сказалъ Лудовикъ VII, прежде нежели мы растанемся надолго, не хочешь ли ты просить меня о чемъ нибудь? Альберикъ, я видѣлъ, какъ ты при Дамаскѣ сражался; ты храбръ, и король Французскій хотѣлъ бы оставить молодому пажу знакъ уваженія. Ты не просишь ничего?

— Ничего, Государь.

— Братъ, сказалъ Лудовикъ VII обращаясь къ Балдуину III, этотъ молодой человѣкъ безъ сомнѣнія рыцарь?

— Государь, онъ до сего времени отказывался отъ всякой почести и всякаго сана.

— На колѣни, Альберикъ, Король Французскій повелѣваетъ!

Молодой пажъ скромно преклонилъ колѣна на ступени трона, и Лудовикъ, вынувъ свою шпагу, слегка коснулся ею плечь Альберика и сказалъ:

— Я, Лудовикъ VII, Король Французскій, сдѣлалъ тебя рыцаремъ. Встань! Вложивъ шпагу въ ножны, Король прибавилъ:

— Хочешь ли Альберикъ идти въ Европу и быть въ числѣ моихъ рыцарей?

— Благодарю, Государь. Моя жизнь на всегда соединена съ дворомъ королей Іерусалимскихъ. Этотъ обѣтъ сдѣланъ давно и я вѣрно выполнялъ его съ того времени когда Годфридъ Бульонскій будучи герцогомъ, благоволилъ принять меня пажемъ, а будучи королемъ вѣрнымъ подданнымъ.

— Какъ? воскликнулъ Лудовикъ VII съ изумленіемъ, ты въ Палестинѣ со временъ Годфрида Бульонскаго?

— Да, Государь.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ теперь тотъ-же годъ, который я имѣлъ предъ выходомъ первой арміи, находившейся подъ начальствомъ Готфрида

— Но этому уже 53 года!

— Да, Государь; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Августѣ.

— Что это за тайна? пробормоталъ Лудовикъ, задумавшись.

И возвысивъ голосъ, онъ сказалъ, вставая:

— Такъ ты остаешься?

— Остаюсь, отвѣчалъ Альберикъ. Мое назначеніе быть здѣсь.

— Ну, пусть такъ, сказалъ Лудовикъ. Если Богъ дастъ мнѣ жизнь и силы, то мы увидимся еще когда нибудь. Мнѣ говоритъ это,—здѣсь,—и Лудовикъ ударилъ себя въ грудь, что я еще возвращусь.

— И такъ, Альберикъ, до свиданія.

— Прощайте, Государь, отвѣчалъ молодой пажъ голосомъ тихимъ, но торжественнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ *прощайте* было справедливо; Лудовикъ VII отправился домой и уже болѣе не возвращался. Знаменитый Аббатъ Сюжеръ, котораго добродѣтели и таланты прославили XII вѣкъ, напрасно старался призвать къ оружію Христіанъ Франціи. Не смотря на его краснорѣчіе и волю самаго Лудовика VII, желавшаго отправиться въ другой разъ, чтобы отомстить за прежнія неудачи, рыцари и бароны остались холодны и нечувствительны, и не нашелся никто, кто захотѣлъ бы соотвѣтствовать ихъ желаніямъ.

Тогда случилось странное произшествіе.

Аббатъ Сюжеръ, старикъ около 70 лѣтъ, видя, что его соотечественники холодно приняли его воззваніе къ Христіанскому дѣлу, рѣшился собрать маленькую армію и вести ее въ Палестину. Вѣра, одушевлявшая Аббата, была столь велика, что онъ твердо надѣялся съ горстію людей побѣдить тысячи Мусульманъ, населяющихъ Св. Землю и ея окрестности. За нѣсколько дней до опредѣленнаго дня отъѣзда, онъ смиренно отправился къ Св. Мартину Турскому, чтобы получить знаки Христіанскаго воина; и предчувствуя, что не пережить ему экспедиціи, посвятилъ небу остатокъ своей жизни.

Не много спустя по возвращеніи его въ Сенъ-Дени, въ то время когда онъ готовъ былъ выступить въ походъ, лихорадка похитила его въ нѣсколько часовъ.

Нѣсколько тысячь людей убитыхъ или умершихъ отъ голода, ни одного города отнятаго у Турокъ, которыхъ гордость еще болѣе увеличилась съ отъѣздомъ новыхъ крестоносцевъ, — вотъ чѣмъ кончился вторый крестовый походъ, котораго дѣйствія не отличались ни искуствомъ, ни благоразуміемъ, а

честолюбіе вождей было гораздо гибельнѣе чѣмъ въ первый походъ.

ГЛАВА XII.

СОСТОЯНІЕ ПАЛЕСТИНЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ БАЛДУИНА III — САЛАДИНЪ. — АМОРИ НАСЛѢДНИКЪ БАЛДУИНА.—БАЛДУИНЪ IV. — ГЮИ-ДЕ-ЛЮЗИНЬЯНЪ.—ТИВЕРІАДСКОЕ СРАЖЕНІЕ.—ІЕРУСАЛИМЪ ОБРАТНО ЗАВОЕВЫВАЕТСЯ САЛАДИНОМЪ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ отъѣзда Лудовика VII и Конрада, война не переставала продолжаться между крестоносцами и Нуреддиномъ, Султаномъ Алепскимъ. Едесса, вновь отнятая у невѣрныхъ, скоро опять подпала ихъ владычеству. Христіане, не могши удержаться въ ней, предложили ее Мануилу, императору Константинопольскому, также и города Турбессель, Равендель, Самосатъ и др., которые составляли княжество.

Дерзость Мусульманъ увеличивалась съ ихъ успѣхомъ; около этого времени одна изъ ихъ армій,

вышла изъ Дамаска и безпрепятственно прошла даже до масличныхъ горъ. Балдуинъ, увѣдомленный объ этомъ нападеніи, поспѣшно вышелъ и встрѣтился съ непріятелемъ въ то самое время, когда милиція Іерусалимская успѣла выдти. Враги вступили въ сраженіе при свѣтѣ горѣвшихъ палатокъ, и Турки принуждены были отступать къ Іерихону, оставивъ около пяти тысячь на полѣ сраженія. Христіанскій гарнизонъ Наплузы съ такою яростію напалъ на остатокъ Мусульманской арміи, что потопилъ ее въ водахъ Іордана.

Послѣ этой побѣды Балдуинъ, вспомоществуемый Жераромъ, владѣтелемъ Сидона, осадилъ Аскалонъ, городъ сосѣдственный съ Газою. Послѣ осьмимѣсячной борьбы городъ былъ взятъ, храбростію и настойчивостію рыцарей св. Іоанна, которые не рѣшились снять осады.

Балдуинъ III умеръ 10 ч. Февраля 1162 года, на 33 году жизни. Амори, братъ его наслѣдовалъ престолъ его, не смотря на происки соперниковъ, противившихся его восшествію.

Около этого времени, Алепскій Султанъ, Нуреддинъ, имѣлъ между своими эмирами двухъ человѣкъ,

которые происходили отъ кочующаго народа Курдовъ, поколѣнія жестокаго и кровожаднаго, которое обитало въ горахъ, по ту сторону Тигра. Это были Ширку и Саладинъ. Саладинъ былъ племянникъ Ширку. Этихъ-то двухъ неустрашимыхъ начальниковъ Нуреддинъ послалъ противъ Египта, котораго визирь былъ побѣжденъ и убитъ Ширку, овладѣвшимъ Пелузою. Амори осадилъ покоренный городъ, чтобы остановить нашествіе Татаръ; но послѣ нѣсколько мѣсяцевъ трудовъ Французы принуждены были снять осаду, чтобы поспѣшить на помощь Антіохіи, которую осадилъ Нуреддинъ. Султанъ отступилъ отъ Антіохіи, при извѣстіи о приближеніи Амори, который устремился за нимъ въ сосѣдственныя горы. Но здѣсь Крестоносцы были окружены мусульманскими войсками и разбиты, многія тысячи Христіанъ покрыли своими тѣлами поле сраженія. Юные Боэмундъ и Раймундъ, принцы Антіохіи и Триполи, намѣстникъ Мануила въ Киликіи и Топелень-де-Куртней, сынъ потерявшаго Едессу, взяты были въ плѣнъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего пораженія, король Іерусалимскій явился предъ Га-

зою, на которую и Ширку направилъ свои силы; но послѣдній, видя, что его предупредилъ Амори, держалъ себя въ отдаленіи и отступалъ предъ арміею Христіанскою, которая пошла ему на встрѣчу. На конецъ чрезъ нѣсколько дней, армія Мусульманская приготовилась къ сраженію. Стычка произошла въ самомъ дѣлѣ, но къ ночи обѣ арміи разошлись и ни та ни другая сторона не понесла большихъ потерь. На слѣдующее утро Ширку пошелъ усиленнымъ маршемъ къ Александріи, которая отворила ему ворота. Амори преслѣдовалъ его по пятамъ, и осадилъ городъ прежде нежели Турки успѣли провезти провіантъ. Голодъ вскорѣ обнаружился въ Александріи и Ширку принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Размѣнявъ плѣнниковъ Христіанскихъ и Мусульманскихъ, Ширку объявилъ, что онъ выйдетъ изъ Египта, если предоставятъ ему свободный проходъ въ Сирію. Предложеніе было принято, и Саладинъ съ дядею могли видѣть съ дороги къ Дамаску, какъ развѣвалось знамя креста на стѣнахъ Александріи.

При видѣ знамени ненріязненнаго его вѣрѣ мол-

нія сверкнула изъ глазъ Саладина и онъ проворчалъ:

— О! когда-нибудь я унижу тебя, проклятое знамя!

— Прежде трехъ мѣсяцевъ, отвѣчалъ Ширку, знамя вѣрныхъ будетъ развѣваться тамъ, гдѣ теперь стоитъ флагъ Христіанскій.

Въ самомъ дѣлѣ Амори съ большимъ урономъ былъ отраженъ въ новомъ нападеніи, которое онъ предпринялъ противъ Египта; храбрый Ширку принялъ титулъ освободителя страны.

Спустя не много времени смерть Ширку и Нуреддина открыла свободный путь Саладину.

Вскорѣ умеръ и самъ Амори, оставивъ тронъ Балдуину IV, принцу неспособному и больному, который имѣлъ наслѣдника, назначеннаго еще при своей жизни, Гюи-де-Люзиньяна.

Первою побудительною причиною вражды между Саладиномъ и крестоносцами, которыхъ первый оставлялъ въ покоѣ для возвышенія своего могущества, былъ французскій рыцарь Рено-де-Шатильонъ, сдѣлавшійся примасомъ Антіохіи. Не смотря на миръ, заключенный между крестоносцами и Мусульманами, Рено безпрестанно, безпощадно грабилъ и разорялъ сосѣднія страны, находившіяся подъ властію Турокъ.

Саладинъ сначала притворялся, но достигнувъ высшей степени своего могущества, началъ жаловаться и требовать удовлетворенія отъ Іерусалимскаго двора. Но такъ какъ грабежи Рено продолжались по прежнему, то Саладинъ возсталъ съ негодованіемъ, поклялся Богомъ и его пророкомъ Магометомъ воздать за насиліе насиліемъ и призвалъ своихъ Мусульманъ къ оружію (1187)

По его слову вдругъ собрались 50 тысячь всадниковъ и со всѣхъ сторонъ пѣшіе солдаты становились подъ знамена Магомета; бросая по временамъ косые взгляды въ ту сторону, гдѣ былъ Іерусалимъ. Саладинъ, предводительствуя своимъ войскомъ, осадилъ Тиверіадскую крѣпость. Крестоносцы поднялись при извѣстіи о нападеніи Мусульманъ и, пренебрегши совѣтомъ одного изъ начальниковъ, который предлагалъ войну оборонительную на томъ основаніи, что недостатокъ воды и жизненныхъ припасовъ скоро разстроитъ непріятельскую армію, выступили въ поле. Собравши значительную часть гарнизона изъ большихъ городовъ они вышли на встрѣчу Саладину, стоявшему при озерѣ Тиверіадскомъ. 5 іюля 1187 года, по глупой ревности, арміи вступили въ

сраженіе съ первымъ лучемъ свѣта. Битва продолжалась до вечера. На ночь крестоносцы скрылись среди скалъ, вереска и травы. Ночь была темная, грозныя облака бродили по небу, но дождя не было, какъ это часто случается въ этихъ странахъ. Вдругъ слабый огонекъ блеснулъ въ темнотѣ. Сухой хворостникъ, которымъ были окружены Христіане, былъ подожженъ Сарацинами. Жаръ, распространившійся отъ пламени увеличилъ ихъ бѣдствіе. Впрочемъ Христіане остались, и на слѣдующее утро обѣ арміи опять стояли лицемъ къ лицу. Нѣсколько времени непріятели съ страшнымъ безпокойствомъ пожирали взглядомъ другъ друга, предчувствуя, что участь дѣла Магометова и дѣла Христова должна рѣшиться въ этомъ сраженіи.

Чрезъ нѣсколько минутъ раздался страшный воинскій крикъ и войска Христіанскія бросились впередъ. Турки приблизились къ нимъ съ громкимъ звукомъ трубъ, и сраженіе началось.

Наступилъ вечеръ, все было тихо въ этой долинѣ, столь шумной за нѣсколько часовъ прежде. Множество мертвыхъ труповъ, обращенныхъ лицемъ къ

непріятелю, покрывало окровавленную землю. Это были побѣжденные крестоносцы.

Тиверіада, города Акра, Яффа, Кесарія и Беритъ отворили ворота побѣдителямъ.

Вскорѣ и Іерусалимъ сдался великодушію побѣдителя, послѣ четырнадцатидневной защиты. Этотъ городъ находился во власти Христіанъ около 84 лѣтъ, и подпалъ власти Турокъ 2 Октября 1187 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ВТОРЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1146 — 1149)

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

Газговоръ Франка съ Жаномъ.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ,

ВЪ

РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ картинами.

СОЧИНЕНІЕ

Огюста Грюзона.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается у **ИЗДАТЕЛЯ**, Санктпетербургскаго книго продавца **ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА**, въ Гостинномъ Дворѣ по Суковной Линіи, подъ № 17.

У него же **ПОЛЯКОВА** продаются какъ вновь вышедшія, такъ и прежде изданныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ. Для учебныхъ заведеній и въ частности дѣлается уступка.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 14 Августа 1846 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Въ Типографіи Штаба Отд. Корп. Внутренней Стражи.

1849.

ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1188 — 1191).

—

ГЛАВА I.

ФИЛИППЪ - АВГУСТЪ. — РИЧАРДЪ - ЛЬВИНОЕ-СЕРДЦЕ. — ИМПЕРАТОРЪ ФРИДРИХЪ - БАРБА-РУССА.—ПТОЛОМАИДА.

—

Въ іюнѣ 1190 года, безчисленное множество народа безпорядочно толпилось около церкви Сенъ-Дени, внутренность которой оглашалась пѣніемъ, смѣшивавшимся съ звуками органа. Между лицами, по большой части довѣрчивыми и веселыми, рисующимися въ различныхъ группахъ, въ сторонѣ, прислонившись ко внѣшней стѣнѣ храма, стоялъ человѣкъ около 45 лѣтъ; на лбу былъ у него рубецъ, а лицо казалось бронзовымъ, такъ оно загорѣло отъ солнца. Этотъ человѣкъ разговаривалъ съ другимъ почти не моложе его.

— Ну! господинъ Жанъ, сказалъ другой собесѣдникъ человѣку съ загорѣлымъ лицомъ, третій Крестовый походъ уже рѣшенъ окончательно. Конечно не безъ труда. Вы не защитникъ крестовыхъ походовъ, господинъ Жанъ?

— Нѣтъ, сосѣдъ Франкъ. Я уже туда ходилъ, какъ вы знаете. Европа пошлетъ туда много воиновъ, которые скоро возвратятся или не возвратятся назадъ, но все это напрасно, дѣйствительно напрасно!

— Но вы знаете, господинъ Жанъ, что Іерусалимъ во власти Мусульманъ?

— Разумѣется, знаю. Думаете ли вы, что королевство Христіанское когда нибудь можетъ основаться тамъ между Сарацинами? Я уже это предвидѣлъ. Знайте, что это похоже на то, если бы Турки захотѣли поселиться здѣсь и уничтожить наши религіозныя вѣрованія и утвердить вѣроисповѣданіе своего пророка! Возможно ли это?

— Не думаю.

— Почему же для насъ это болѣе возможно, нежели для нихъ?

— Гм! Годфридъ Бульонскій взялъ Іерусалимъ и съ тѣхъ поръ держались же въ немъ.

— А! Годфридъ Бульонскій былъ Годфридъ Бульонскій, какъ Карлъ Великій былъ Карлъ Великій! Послѣ ихъ смерти не нашлось никого, кто бы замѣнилъ ихъ; а того что они сдѣлали не очень легко сдѣлать.

— Э! надобно посмотрѣть!

— Да это очевидно, отвѣчалъ Жанъ, который держался своихъ мнѣній, я это докажу.

— Посмотримъ!

— Сначала, сказалъ Жанъ, вторый Крестовый походъ походилъ на первый; я тамъ былъ, и говорю то, что видѣлъ. Конрадъ III и Лудовикъ VII возвратились въ Европу, не сдѣлавши ничего для священнаго дѣла. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ потеряли много народа; вотъ всѣ результаты. Правда?

Слушатель подалъ знакъ согласія.

— Потомъ, Лудовикъ VII и Генрихъ II, Король Англійскій, хотѣли было собрать новую армію и предпринять новый походъ. Но Лудовикъ VII умеръ, а Генрихъ II спокойно возвратился въ свои владѣнія, бросивъ свое предпріятіе. Въ это время Саладинъ разбилъ Крестоносцевъ, отнялъ Іеруса-

лимъ и всѣ города, бывшія во власти Христіанъ. Говорятъ, этотъ Саладинъ опасный воинъ!

— Но армія наша стоитъ арміи непріятельской! сказалъ Франкъ съ гордостію мужественнаго патріота.

— Э! Кто и говоритъ противное, возразилъ Жанъ; одинъ Крестоносецъ стоитъ двоихъ Мусульманъ. Но климатъ, переходы, голодъ, число враговъ, зной, все это гораздо сильнѣе храброй арміи. И притомъ, вы знаете, что всѣ наши начальники напрасно хлопочутъ, ревность къ Крестовымъ походамъ охлаждается мало-по-малу. Несчастія еще слишкомъ памятны—это тѣ раны, которыя хотѣлось бы забыть; но кровь текущая изъ нихъ, слишкомъ напоминаетъ намъ объ этомъ. Вотъ мое мнѣніе.

— Но разсудите, господинъ Жанъ, что у насъ колоссальная армія и великіе предводители.

— Правда, сказалъ Жанъ. Филиппъ-Августъ, Ричардъ Англійскій, Фридрихъ Барбаруcса Германскій, все это великія имена; но что это значитъ тамъ далеко, Франкъ, далеко отсюда — въ Палестинѣ? И какого врага надо побѣдить? какую непокорную

страну покорить? И какой народъ такъ раздраженъ противъ Христіанъ, какъ эти Мусульмане?

— Но такъ ли они многочисленны Жанъ, какъ говорятъ?

— Они встрѣчаются вездѣ, Франкъ, вездѣ на дорогѣ. Справа, слѣва, спереди и сзади, они идутъ, когда армія идетъ, останавливаются, когда армія останавливается, и сражаются безъ отдыха, убиваютъ запоздалыхъ паломниковъ и отдалившихся солдатъ; вы придете въ дефилей, между двухъ горъ, гдѣ вамъ надобно проходить, а они уже на вершинѣ прежде нежели вы успѣете достигнуть подошвы, и надобно послѣ сего проходить подъ тучею каменьевъ и стрѣлъ, отъ которыхъ нельзя защищаться, ни отвѣчать имъ. Выходятъ со 100 тысяч., а приходятъ съ 10 тысячами.

— Чортъ возьми, проворчалъ Франкъ, котораго эта картина заставила призадуматься.

— Это справедливо, сказалъ Жанъ.

— А что ты скажешь, Жанъ, если я прикажу с воему племяннику остаться дома, еще время не ушло?

— Нѣтъ, Франкъ, отступать назадъ, когда уже ступилъ впередъ, значитъ быть трусомъ. Притомъ, въ

самомъ пораженіи, остается слава самопожертвованія.

— Справедливо, сказалъ Франкъ.

Въ эту минуту изъ трапезы послышалось пѣніе псалма!

— А! сказалъ Жанъ, церемонія кончается. Теперь государь, король Филиппъ-Августъ получаетъ сумку и посохъ. Да поможетъ Богъ царственному паломнику.

— Аминь, сказалъ Франкъ. Въ это-же время и Ричардъ-Львиное-Сердце, наслѣдникъ Генриха II, получаетъ ихъ въ Турѣ... Да покровительствуетъ ему Богъ.

И оба присоединили свои молитвы къ молитвамъ Христіанъ, собравшихся въ храмѣ.

Чрезъ нѣсколько дней оба государя соединились въ Везелѣ съ своими войсками, которыхъ число простиралось до 100 тыс. человѣкъ.

Отсюда они разошлись: Филиппъ-Августъ пошелъ чрезъ Генную, а Ричардъ отправился въ Марсель, гдѣ сѣлъ на корабль.

Оба начальника крестоносцевъ имѣли свиданіе въ Сициліи, чтобы дѣйствовать съ-обща.

Спустя годъ и нѣсколько мѣсяцевъ вотъ какой

разговоръ происходилъ между тѣми-же лицами. Такъ-какъ онъ относится къ происшествіямъ, случившимся въ это время, то мы и помѣщаемъ его весь.

Хотя Жанъ и не принялъ никакого участія въ третьемъ крестовомъ походѣ, однакожъ интересовался его успѣхами и съ любопытствомъ слѣдилъ за дѣйствіями Христіанъ въ землѣ, которую онъ нѣкогда посѣщалъ.

Однажды Жанъ затворился въ своей комнатѣ съ Франкомъ, чтобы имъ никто не помѣшалъ, и началъ такимъ образомъ:

«Помните, какъ отправились крестоносцы въ юнѣ, прошлаго года, и какъ они разошлись по прибытіи въ Ліонъ. Ричардъ ждалъ нѣсколько дней своего флота въ Марселѣ, и видя что онъ не является, построилъ на свой счетъ нѣсколько кораблей и 7 августа вышелъ въ море. 20 ч. тогоже мѣсяца онъ прибылъ въ Неаполь и, послѣ краткаго пребыванія здѣсь, отправился въ Салерно, ожидая прибытія флота своего въ Средиземное море. Чрезъ нѣсколько времени король англійскій въ Мессинѣ высадился съ такимъ великолѣпіемъ и съ такимъ шу-

момъ: отъ множества трубъ, что Сицилійцы и Французы устрашились на минуту. Филиппъ-Августъ скоро соединился съ нимъ со своею арміею.

Между тѣмъ Фридрихъ-Барбарусса, который сильно негодовалъ при извѣстіи о покореніи Іерусалима, приближался съ своей стороны, сначала написавъ Саладину, требуя у султана сдачи святаго города Христіанамъ, и въ случаѣ отказа, грозя наводнить Азію Германскими войсками. Гордый Сарацинъ отвѣчалъ что ожидаетъ его; а впрочемъ готовъ позволить западнымъ Христіанамъ поклоненіе св. мѣстамъ въ Іерусалимѣ, если ему уступятъ Тиръ, Триполи и Антіохію, единственные Сирійскіе города, бывшіе во власти Христіанъ. Императоръ и его войско съ негодованіемъ приняли этотъ отвѣтъ. Во время похода чрезъ Греческую имперію, восточный императоръ Исаакъ-Ангелъ притѣснялъ Германцевъ всѣми способами, какія только могло внушить ему лукавство, а жители Филадельфіи приняли ихъ также надменно и холодно. Не смотря на то, Фридрихъ побѣдоносно вошелъ во владѣніе Мусульманъ, далъ имъ сраженіе въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Иконіи и овладѣлъ городомъ послѣ побѣды. Германцы побѣ-

доносно и мирно продолжали свой походъ по Ликаоніи и достигли горъ Исавріи, откуда вытекаетъ маленькая рѣчка Каликаднъ. Была весна, и Фридриху вздумалось купаться. Слабый и старый онъ не могъ противиться теченію, которое увлекло его, и былъ вытащенъ изъ воды едва живой. Чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Эта потеря придала новую храбрость Сарацинамъ, и хотя герцогъ Швабскій, сынъ императора, былъ храбръ, но тѣмъ не менѣе непріятель съ новымъ жаромъ сталъ преслѣдовать его. Спустя нѣсколько времени германская армія остановилась близь Антіохіи. Но мусульманскій мечь, переходы и голодъ до того опустошили ея ряды, что едва десятая часть этого войска нашла здѣзь убѣжище.

Когда Саладинъ взялъ Іерусалимъ, Христіане соединили всѣ свои силы съ тѣми, которыя постоянно приходили съ запада, и осадили Птоломаиду. Съ сѣвера и востока валы этого города омывало море, возвышающаяся насыпь защищала его портъ отъ бурь и враговъ. Съ суши онъ защищался двойною стѣною, вокругъ которой проведенъ былъ ровъ. Когда Ричардъ и Филиппъ-Августъ прибыли въ

Палестину, осада уже продолжалась около 22 мѣс., крестоносцы стояли лагеремъ на югъ отъ Птоломаиды; главная квартира Саладина была возлѣ города, и горы Курубы, еще далѣе на югъ. Между знаменитѣйшими начальниками крестоносцевъ находились: графъ Шампанскій, герцогъ Гельдрскій, ландъ-графъ Тюрингскій и Жакъ д'Авернъ. Встрѣчи Сарацинъ съ Христіанами были ужасны, оба войска сражались съ одинаковымъ остервенѣніемъ. Голодъ и чума, распространившіяся въ обоихъ лагеряхъ, похитили безчисленное множество солдатъ.

Среди этихъ несчастій, въ лагерѣ крестоносцевъ произошелъ раздоръ. Ричардъ и Филиппъ-Августъ имѣли каждый свою партію. Король англійскій имѣлъ на своей сторонѣ Пизанцевъ и рыцарей св. Іоанна, а король французскій Тампліеровъ и Генуезцевъ. Не смотря на этотъ личный раздоръ королей, городъ сдался на капитуляцію, 11 іюля 1191 г. Знамена обоихъ королей стали развѣваться на стѣнахъ города; Саладинъ снялъ свой станъ.

Вотъ каковы новости, прибавилъ Жанъ, которыя мнѣ передалъ оруженосецъ.

— Ну, сказалъ Франкъ, еще не все потеряно.

— Подождемъ, отвѣчалъ Жанъ.

ГЛАВА II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КОРОЛЯ ФРАНЦУЗСКАГО. — РИЧАРДЪ ПОБѢДИТЕЛЬ САЛАДИНА. — РИЧАРДЪ ВЪ ЯФФѢ. — СВИДАНІЕ СЪ САЛАДИНОМЪ. — КОРОЛЬ АНГЛІЙСКІЙ ОСТАВЛЯЕТЪ ПАЛЕСТИНУ И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЪ АНГЛІЮ. — СМЕРТЬ САЛАДИНА. — ОТЪ 1191 ДО 1194 ГОДА.

Послѣ капитуляціи Птоломаиды спустя нѣсколько недѣль, Филиппъ-Августъ объявилъ принцамъ-крестоносцамъ свое намѣреніе возвратиться въ Европу. Нѣкоторые историки приписываютъ этотъ отъѣздъ зависти, которую Августъ питалъ къ Ричарду Англійскому. Какъ бы то ни было, Ричардъ принялъ это намѣреніе съ нѣкоторою горькою насмѣшкою, и предоставилъ своему брату по оружію свободу начать отступленіе. 31 іюля 1191 года Филиппъ

Августъ достигнулъ Тира, а оттуда поплылъ въ Европу.

Король Англійскій поправилъ стѣны Птоломаиды, надѣясь, что Саладинъ исполнитъ условія трактата, который былъ заключенъ съ нимъ. Срокъ прошелъ, Ричардъ требовалъ исполненія трактата, но напрасно. Тогда король Англійскій рѣшился опять начать военныя дѣйствія, и собралъ свою армію. Герцогъ австрійскій, графъ шампанскій и многія другія владѣтельныя особы, удержанные щедростію Ричарда, остались вѣрными святому дѣлу; король Англійскій предводительствовалъ 30 тыс. Англичанъ, Французовъ и Германцевъ (*).

Армія выступила въ походъ 22 августа, по берегу моря, въ виду кораблей, которые везли провизію, находясь такимъ образомъ въ оборонительномъ положеніи. Турки, по обыкновенной своей тактикѣ, частыми нападеніями прерывали ихъ маршъ, но рыцари храма въ авангардѣ и Мальтійцы въ арріергардѣ храбро противопоставляли имъ сомкнутыя

(*) Мишо увеличиваетъ это число до 100000.

и непроницаемыя колонны, о которыя сокрушались всѣ нападенія невѣрныхъ.

Близь Азота, между Аскалономъ и Рамлою, Ричардъ принужденъ былъ дать сраженіе. Правымъ крыломъ управлялъ Жакъ д'Авернь, очень храбрый рыцарь, лѣвымъ герцогъ Бургундскій храбрости сомнительной; самъ Ричардъ былъ въ центрѣ.

Саладинъ, предводительствуя двумя арміями Сирійскою и Египетскою, аттаковалъ вмѣстѣ всѣ три колонны. Правое крыло Христіанъ дрогнуло, но лѣвое отражало Сарацинъ. Ричардъ ждалъ. Когда увидѣлъ, что Турки ослабѣли, направилъ свою кавалерію противъ нихъ, сквозь разступившіеся ряды пѣхоты Христіанской: при отступленіи враговъ, одинъ изъ рыцарей, съ быстротою молніи опередилъ свой корпусъ и врубился въ ряды невѣрныхъ, крича: св. Георгій и Ричардъ!

Очутившись между Турокъ, которыхъ онъ поражалъ своею саблею какъ палицею, король Англійскій, обратился къ своимъ съ тѣмъ же воинственнымъ крикомъ.

Въ это-же время другой рыцарь, опередившія своихъ товарищей, врѣзался въ отрядъ мусульманскій

и сквозь сжатыя ряды проложилъ путь къ Ричарду.

— Въ двоемъ, мой храбрый товарищъ, сказалъ король Англійскій, увидѣвъ на плечѣ новоприбывшаго христіанскій крестъ.

— Въ двоемъ, государь, отвѣчалъ послѣдній голосомъ пріятнымъ и спокойнымъ.

И оба рыцаря опять начали свой кровавый проходъ сквозь кавалерію мусульманскую, и въ средину сего прохода, проложеннаго мечемъ рыцарей, бросилась англійская кавалерія съ мужествомъ достойнымъ примѣра, который показалъ ей Ричардъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ сраженія и страшной рѣзни, Турки въ безпорядкѣ бросились къ Азоту и затворились въ немъ. Жакъ д'Авернь, командовавшій правымъ крыломъ нашелъ смерть на полѣ сраженія. 7 тысячь турецкихъ солдатъ и 32 эмира найдены мертвыми между мусульманскими трупами, устилавшими долину.

Вечеромъ, когда рыцари собрались вокругъ короля для поздравленія съ побѣдою, Ричардъ искалъ

таинственнаго рыцаря, который вмѣстѣ съ нимъ проложилъ путь въ рядахъ турецкихъ.

Увидѣвъ его позади Гюи-де-Люзиньяна, онъ подошелъ и сказалъ ему:

— Приблизьтесь, сеньеръ, баронъ, графъ или герцогъ.... право я не знаю вашего титула.

— Государь, отвѣчалъ рыцарь съ улыбкой, я не баронъ, ни графъ, ни герцогъ. Меня зовутъ просто Альберикъ.

— Но вы однакожъ рыцарь, отвѣчалъ Ричардъ, указывая на золотую цѣпь молодаго человѣка.

— Да, государь, король Лудовикъ VII сдѣлалъ меня рыцаремъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Европу.

Ричардъ сдѣлалъ знакъ изумленія.

— Лудовикъ VII! возразилъ онъ; но вамъ едва-ли есть 20 лѣтъ.

— Да, государь. Мнѣ и тогда было столько же лѣтъ, сколько теперь.

— Кто бы вы ни были, сказалъ ему Ричардъ, помните короля Англійскаго и если когда нибудь онъ можетъ доставить вамъ пользу или удовольствіе, не забудьте его.

— Благодарю, государь.

Послѣ этого сраженія, которое такъ ослабило могущество Мусульманъ, Ричардъ не умѣлъ развернуть той энергіи, которая произходитъ отъ побѣды. Послѣ пораженія Саладинъ разрушилъ укрѣпленія главныхъ городовъ, которыя были въ его власти въ Палестинѣ, а король Англійскій пошелъ къ Яффѣ, и нашелъ укрѣпленія ея разрушенными; онъ хотѣлъ продолжать дѣло и отправиться къ Аскалону; но уступилъ баронамъ французскимъ настаивавшимъ на томъ, чтобы возобновить стѣны города.

Не смотря на дѣятельность работъ, невѣрные имѣли свободное время поправиться отъ своего пораженія, которое они забыли такъ, что даже расположились лагеремъ на яффской равнинѣ.

Когда укрѣпленія были возстановлены, предложили опять вопросъ идти на Іерусалимъ, и Ричардъ въ другой разъ имѣлъ слабость уступить противному мнѣнію. Армія, бывшая въ походѣ, отступила къ Рамлѣ и за Аскалонъ. Солдаты, недовольные постоянными остановками, начали возвращаться одни въ Птоломаиду, другіе въ Яффу, а большая часть въ Тиръ. Для Саладина насталъ благопріятный случай взяться за оружіе. Между тѣмъ Англійскій ко-

роль узналъ, что происшедшія въ его королевствѣ политическія смуты, которыя возбудилъ принцъ Іоаннъ, требовали его личнаго присудствія тамъ. По этому Ричардъ предложилъ Султану миръ и получилъ согласіе. Но ни тотъ, ни другой не могли сойтись въ условіяхъ. Ричардъ требовалъ Іерусалима, Саладинъ хотѣлъ оставить его за собою. Наконецъ предложили средство среднее, рѣшившись учредить въ священномъ городѣ правленіе полу-европейское и полу-азіатское, женивъ брата Саладинова на вдовѣ Вильгельма, короля Сицилійскаго. Но духовенство не согласилось, и оба начальники непріятеля отказались отъ предложенія, на которое согласились было.

Между тѣмъ Конрадъ, Маркизъ Тирскій, который по желанію арміи избранъ былъ чтобы замѣнить на престолѣ Іерусалимскомъ Люзиньяна, былъ убитъ двумя человѣками изъ секты Ассасиновъ, которою управлялъ *Горный Старикъ*. Анри, графъ Шампанскій, былъ избранъ наслѣдникомъ ему. Чрезъ нѣсколько дней намѣреніе продолжать походъ, было возобновлено, армія Христіанская достигла крѣпости Дары и овладѣла ею. Не смотря на неблагопріятные слухи, получаемые изъ Англіи,

Ричардъ съ жаромъ выступилъ въ походъ, къ великой радости всей арміи, всѣ желанія которой стремились къ св. городу.

Наконецъ крестоносцы достигли Виөлеема и остановились, чтобы переночевать.

На слѣдующее утро, когда надо было продолжать походъ, Ричардъ еще разъ принялъ одно изъ тѣхъ странныхъ намѣреній, которыя мы уже не разъ показывали, и предложилъ идти на Каиръ, Беритъ или Дамаскъ. Его авторитетъ взялъ верхъ и Іерусалимъ опять былъ оставленъ. Армія упала духомъ, и воины начали дезертировать; большая часть ихъ отправилась въ Птоломаиду; куда набралось больше всего войска.

Саладинъ воспользовался этимъ случаемъ и неожиданно бросился на Яффу. Его аттаки были такъ быстры и сильны, что въ нѣсколько дней онъ овладѣлъ одними изъ воротъ и принудилъ крестоносцевъ искать убѣжища въ большой башнѣ и осадилъ ихъ тамъ. По просьбѣ Патріарха заключили перемиріе, условившись, что Христіане останутся плѣнниками султана, если спустя день не подойдетъ къ нимъ никакой помощи.

На слѣдующее утро Ричардъ вышелъ на берегъ Яф-

фы и перемѣнилъ несчастіе Христіанъ на торжество, поразивъ Турокъ, которые трепетали одного его имени. Слѣдствіемъ этой побѣды было перемиріе, которое заключено было между обоими непріятельскими арміями на 3 года и 8 мѣсяцевъ.

Ричардъ не хотѣлъ, чтобы ему довѣряли только подъ клятвою какъ обыкновенно бываетъ; въ знакъ уваженія и взаимнаго довѣрія оба монарха сдѣлали личное свиданіе. По договору условились укрѣпленія Аскалона срыть; но города Яффа, Тиръ и весь берегъ морской, заключающійся между этими двумя городами, оставить за Христіанами; кромѣ того во все продолженіе перемирія Іерусалимъ долженъ быть открытъ для западныхъ Христіанъ, безъ платы прежней дани, назначенной Сарацинскими государями.

Здѣсь кончается третій Крестовый походъ; но мы думаемъ, что для васъ, мои юные читатели, будетъ интересно сообщить краткій разсказъ о приключеніяхъ, которые ожидали Ричарда на пути прежде его прибытія въ Англію.

25 Октября 1192 года, англійская армія вышла въ море, но чрезъ нѣсколько дней сильная буря разсѣя-

ла корабли и выбросила ихъ въ страны вражескія, гдѣ большая часть англійскихъ крестоносцевъ попала въ плѣнъ Туркамъ. Нѣкоторые корабли счастливо достигли Англіи. Ричардъ спустя шесть недѣль послѣ отъѣзда изъ Птоломаиды, очутился на берегахъ варварійскихъ за три дня пути отъ Марсели. Гибель его флота уже была извѣстна здѣсь и притомъ Ричардъ узналъ, что и имъ самимъ хотятъ овладѣть. Онъ отправился въ море и высадился въ Зарѣ. Ночью, сѣвши на лошадь, отправился на сѣверъ съ своими товарищами. Съ быстротою разнеслась молва по Германіи о высадкѣ короля Англійскаго. Впрочемъ онъ спокойно доѣхалъ до Фризаха близь Зальцбурга. Сюда посланъ былъ шпіонъ наблюдать за всѣми паломниками. Онъ узналъ Ричарда; но шпіонъ вмѣсто того, чтобы донести, благопріятствовалъ его бѣгству, давъ ему свою прекрасную лошадь. Но губернаторъ узналъ объ измѣнѣ и остановилъ рыцарей, сопровождавшихъ Ричарда, который въ это время успѣлъ бѣжать съ Вильгельмомъ-де-Летанъ, и мальчикомъ проводившимъ ихъ. Послѣ трехдневнаго быстраго пути король Англійскій прибылъ къ Вѣнѣ, въ городъ

гдѣ находился личный врагъ его Леопольдъ Австрійскій. Утомленный трудами и не будучи въ состояніи продолжать путь, Ричардъ взятъ былъ въ плѣнъ и заключенъ въ Жинези, гдѣ оставался до Пасхи 1193 года. Когда Леопольдъ продалъ его какъ раба императору Германскому, Генрихъ VI отвезъ Ричарда въ тирольскій замокъ и окружилъ его такимъ строгимъ надзоромъ, что даже въ комнатахъ короля постоянно были вооруженные люди, и ему запрещено было говорить съ кѣмъ бы то ни было изъ товарищей своего плѣна. Отсюда онъ перевезенъ былъ въ Гагенау, потомъ въ Вормсъ, въ темницу еще болѣе тѣсную.

Король Французскій радъ былъ этому низкому плѣну и умолялъ императора, чтобы онъ не освобождалъ никогда плѣнника. Въ юлѣ 1193 года Ричардъ явился на Вормскій сеймъ для отвѣта на важныя обвиненія, которыя взведены были на него. Король англійскій вышелъ съ торжествомъ изъ этого обвиненія и принуждены были назначить выкупъ для полученія имъ свободы.

Его заключеніе должно было кончиться въ день Рождества Христова, еслибы интриги Филиппа-Августа и принца Іоанна не продлили онаго до января.

Въ это время Ричарду часто приходила мысль что плѣнъ его будетъ всегдашнимъ. Филиппъ-Августъ и принцъ Іоаннъ предлагали Генриху VI значительную сумму денегъ, если онъ выдастъ имъ плѣнника, и императоръ хотѣлъ было уступить. Но негодованіе Германіи, которая гнушалась такимъ низкимъ поступкомъ, спасло Ричарда; онъ былъ освобожденъ 6 февраля 1194 года и въ мартѣ высадился въ Сандвичѣ.

За годъ предъ этимъ, въ Палестинѣ произошло событіе, которое, казалось, должно было успокоить эту страну на долго. Саладинъ умеръ 5 марта 1193 г., 57-ми лѣтъ отъ роду. Онъ царствовалъ 22 года въ Египтѣ и 19 лѣтъ въ Сиріи.

—

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

(1193 — 1204).

ГЛАВА III.

ГЕРМАНІЯ БЕРЕТСЯ ЗА ОРУЖІЕ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ СИДОНѢ. — КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ ОСТАВЛЕНЪ. — ФРАНЦУЗЫ И НОРМАННЫ ВООРУЖАЮТСЯ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ВЕНЕЦІИ. — ВЗЯТІЕ ЗАРЫ, — КОНСТАНТИНОПОЛЯ. — БУНТЪ. — КОНСТАНТИНОПОЛЬ ОГРАБЛЕНЪ. — ИЗБРАНІЕ ЛАТИНСКАГО ИМПЕРАТОРА.

Излагая далѣе исторію вооруженныхъ путешествій видимъ, что ревность и первоначальное мужество, характеризовавшія ихъ, мало-по-малу ослабѣли. Религіозный духъ, одушевлявшій ихъ, уступилъ мѣсто видамъ политическимъ болѣе холоднымъ и благоразумнымъ; народы утомились; а короли начинаютъ обращать свое вниманіе на то, что можетъ

случиться во время ихъ отсутствія изъ отечества; прежнія возванія папъ и проповѣдниковъ умирали, не возбудивъ ни какого участія въ народѣ.

Такъ Филиппъ-Августъ холодно принялъ предложеніе папы, который призывалъ его опять къ оружію. Множество Англичанъ, которые поднялись было, чтобы идти на св. войну, спокойно остались въ своихъ домахъ.

Одна только Германія сохранила искру прежняго усердія. Генрихъ VI въ своемъ указѣ обѣщалъ способствовать переходу въ св. землю всѣмъ, какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ, всѣмъ кто станетъ подъ знамя Христово. Спустя немного времени, сынъ его Герцогъ Лимбергскій и архіепископъ Майнцскій, отправились съ авангардомъ сѣверныхъ воиновъ. Маргарита, королева Венгерская, сестра Филиппа-Августа, присоединилась къ двумъ предводителямъ, при переходѣ ихъ чрезъ ея владѣнія.

Перемиріе, заключенное между Саладиномъ и Ричардомъ, кончилось.

Но не смотря на то, Христіане и Мусульмане жили въ добромъ согласіи до прибытія новыхъ крестоносцевъ, которые возобновили войну. Германцы вызвали ее, на-

шли Саиффедина, брата Саладинова, готовымъ къ отраженію нападенія. Яффа подпала его власти прежде нежели христіане успѣли подать ей помощь. Укрѣпленія города были разрушены, а жители перерѣзаны.

Между тѣмъ, вторый корпусъ крестоносцевъ высадился при Птоломаидѣ. Тогда сѣверная и Палестинская арміи, подъ предводительствомъ Герцога Саксонскаго, устремились къ Бериту. Саиффединъ оставилъ Яффу и пошелъ на встрѣчу крестоносцевъ, которыхъ догналъ между Тиромъ и Сидономъ. Въ сраженіи происшедшемъ здѣсь силы Магометанъ совершенно были уничтожены. Сарацины бросились въ бѣгство, оставивъ побѣдителямъ Лаодикію, Габалу, Яффу, Сидонъ и Беритъ. Въ Ронсанѣ было освобождено 9 тысячь плѣнныхъ Христіанъ. Въ Беритѣ нашли провизіи на три года. Вскорѣ и третій корпусъ Германскій, подъ начальствомъ Конрада, епископа Гильдесгеймскаго, присоединился къ Палестинскимъ крестоносцамъ. Вмѣсто похода на Іерусалимъ, начальники дѣйствовали по обыкновенію медленно и осадили крѣпость Таронъ. Въ то время какъ крѣпость готова была уже сдаться, обыкновенный раздоръ вспыхнулъ между ними,

и крестоносцы еще разъ увидѣли печальное зрѣлище побѣдоносной арміи бѣгущей въ безпорядкѣ. Часть Христіанъ удалилась въ Яффу, которой возобновила стѣны, ожидая новаго сраженія. Вскорѣ Саиффединъ явился въ окрестностяхъ города, предводительствуя Мусульманами. Въ сраженіи, данномъ здѣсь, побѣда осталась за крестоносцами; но Герцогъ Саксонскій и сынъ Герцога Австрійскаго въ сраженіи погибли. Эти двѣ потери стоили всего сраженія. Послѣ этой новой побѣды, Германцы оставили св. землю. Императоръ Генрихъ VI умеръ, и Германія требовала присутствія своихъ принцевъ, чтобы избрать главу имперіи. Остатокъ этой многочисленной арміи укрѣпился въ Яффѣ, которою Турки овладѣли 11 ноября 1197 года, во время религіозной процессіи. Фулье полагаетъ, что Германцевъ тогда умерщвлено около 20 тысячъ.

По смерти Конрада, Маркиза Тирскаго, Анри, графъ Шампанскій, былъ объявленъ Королемъ Іерусалимскимъ. Когда и этотъ послѣдній умеръ, Амори-де-Люзиньянъ женился на его вдовѣ и провозглашенъ Королемъ Кипрскимъ и Іерусалимскимъ.

Проповѣдникомъ новаго крестоваго похода былъ Фулькъ, приходскій священникъ Нейлина на Марнѣ. Сдѣлавшись священникомъ, послѣ юности, проведенной въ мірскихъ удовольствіяхъ, онъ велъ строгую жизнь, которая привлекала ему общее уваженіе. Этотъ человѣкъ, знаменитый своими краснорѣчивыми проповѣдями, тщетно, въ продолженіи двухъ лѣтъ, призывалъ Христіанъ къ оружію, но потомъ мало-по-малу слова его начали дѣйствовать на сердце христіанъ и, чтобы сообщить имъ еще новый жаръ, онъ принялъ крестъ и рѣшился быть проводникомъ паломниковъ въ Палестину.

Папа Иннокентій III послалъ апостолу новаго крестоваго похода свое апостольское благословеніе и наложилъ на духовенство налогъ для вооруженія Христіанъ. Множество энтузіастовъ поднялось по его слову и приняло крестъ.

Тибо III, графъ Шампанскій, Людовикъ, графъ Блуаскій и Шартрскій, Рено де-Монмираль и Симонъ Монфоръ вооружились съ Французскимъ дворянствомъ. Балдуинъ, графъ Фландрскій, подражая примѣру зятя своего Тибо, принялъ крестъ въ Брюггѣ и сдѣлался главою крестоносцевъ Нидерландскихъ.

Чтобы подумать о средствахъ похода въ Палестину, бароны и графы сначала собрались въ Соассонѣ, а потомъ въ Компьенѣ. Несчастія прежнихъ переходовъ по сухому пути показали имъ его неудобства? Путь моремъ не представлялъ столько опасностей; но новые начальники не имѣли въ своемъ распоряженіи ни какой морской силы.

По этому Тибо, Балдуинъ и Лудовикъ послали въ Венецію изъ шести товарищей депутацію, чтобы нанять флотъ республики. Послы объявили свое требованіе совѣту, собравшемуся по сему случаю, который, послѣ длинныхъ совѣщаній, позволилъ дать корабли венеціанскіе въ распоряженіе крестоносцевъ для переѣзда ихъ въ св. землю, назначивъ за это 85 тысячь марокъ серебра. Христіане, которые дожны переплыть на корабляхъ республики, простирались до 4500 рыцарей съ лошадьми, 9 тысячь оруженосцевъ, и 20 тысячь пѣхоты. Республика обязалась так же принять участіе въ священной войнѣ и вооружить пять галеръ на свой счетъ. Добыча, которая будетъ пріобрѣтена отъ невѣрныхъ, должна быть раздѣлена равно между обоими союзными народами.

Больной Тибо принялъ это извѣстіе съ такою радостію, что тотъ часъ всталъ съ постели, потребовалъ боеваго коня, чтобы тотъ часъ выдти въ походъ. Но за этимъ напряженіемъ послѣдовала слабость и несчастный графъ Шампанскій вскорѣ умеръ, раздѣливъ между товарищами по оружію своими вассалами сумму назначенную имъ для св. войны. Герцогъ Бургундскій и графъ Барскій отказались отъ начальства надъ арміею, которое, послѣ смерти Тибо, осталось празднымъ. Наконецъ Бонифацій, Герцогъ Монферратскій, послѣ нѣкоторой нерѣшимости, принялъ на себя начальство.

Вскорѣ послѣ Пасхи, въ 1202 году, крестоносцы французскіе оставили Францію и, перешедши гору Сени, спустились въ Ломбардію, гдѣ къ нимъ присоединились крестоносцы Италіанскіе, подъ начальствомъ Маркиза Монферратскаго. Отсюда крестоносцы отправились моремъ въ Венецію и расположились на островѣ Святаго Николая. Первый отрядъ подъ начальствомъ епископа Отенскаго прямо изъ Марселя отправился въ Палестину.

Когда крестоносцы соединились въ Венеціи, имъ на-

добно было подумать о средствахъ заплатить сумму слѣдующую по условію, но они были такъ бѣдны, что не могли собрать ее. Графы Фландрскій, Блуаскій и Сентъ-Польскій и Маркизъ Монферратскій продали свои драгоцѣнности и столовую посуду; и все еще остались въ долгу 34 тысячи марокъ серебра; къ счастію, случай, доставленный дожемъ Генрихомъ Дандоло, помогъ имъ. Городъ Зара, стоящій на берегу Адріатическаго моря, возмутился противъ венеціанскаго сената и отдался въ покровительство Венгріи. Генрихъ Дандоло предложилъ крестоносцамъ оказать услугу республикѣ и покорить взбунтовавшійся городъ; въ награду за такую услугу, плата денегъ, которыя они должны Венеціи, отлагалась до возвращенія ихъ изъ св. земли. Предложеніе было принято: Дожъ принялъ крестъ и день отъѣзда былъ назначенъ.

Чрезъ нѣсколько дней Христіанская армія, увеличившись многочисленнымъ корпусомъ Германцевъ, подъ начальствомъ епископа Гальберштадскаго, поплыла къ Зарѣ. Вошедши силою въ портъ не смотря на защиту цѣпями, войска высадились на берегъ. Въ ноябрѣ тогоже года Зара была усмирена.

Но такъ какъ зима приближалась, по этому и рѣшили, чтобы армія дожидалась здѣсь весны для продолженія похода.

Для объясненія слѣдующихъ за тѣмъ произшествій, мы обязаны войти въ нѣкоторыя подробности о событіяхъ случившихся въ Греціи въ промежутокъ времени между четвертымъ и пятымъ крестовыми походами.

Алексѣй II, законный наслѣдникъ императора Мануила Комнина, своего отца, былъ умерщвленъ честолюбивымъ своимъ дядею, Андроникомъ. Исаакъ Ангелъ, родственникъ юнаго Алексѣя, рѣшился отомстить смерть его; успѣвъ схватить похитителя, умертвилъ его, и самъ взошелъ на престолъ. Но возмущеніе, произведенное братомъ его, лишило чрезъ два года Исаака и царства и глазъ. Сынъ Исаака Ангела, Алексѣй, нашелъ убѣжище у Филиппа, герцога Швабскаго, который совѣтовалъ ему просить помощи у Христіанъ, стоящихъ лагеремъ въ Зарѣ. Юный претендентъ на Константинопольскій престолъ послушался совѣта, и послалъ депутацію къ начальникамъ крестоносцевъ съ просьбою о помощи и покровительствѣ. Христіанская армія

согласилась и въ мартѣ флотъ отправился въ Корфу. Переплывши Мраморное море, онъ, 20 іюня 1203 г., бросилъ якорь въ виду монастыря св. Стефана, на три лье къ западу отъ Константинополя. Симонъ Монфоръ и многіе другіе владѣтельные рыцари отказались участвовать въ этомъ предпріятіи.

Прежде нежели крестоносцы стали лагеремъ предъ столицею восточной имперіи, они постарались запастись жизненными припасами, для предупрежденія голода.

Воины французскіе почувствовали страхъ при видѣ высокихъ валовъ, окружавшихъ городъ, и солдатъ, стоявшихъ на стѣнахъ его. «Константинополь, говоритъ Мишо, омываемый съ юга волнами Мра-«морнаго моря, съ востока Босфоромъ, съ сѣвера «заливомъ, который служилъ вмѣстѣ и портомъ, «представлялъ величественный и вмѣстѣ грозный «видъ. Двойной поясъ укрѣпленій, окружавшій го-«родъ на растояніи 7 льё, множество великолѣпныхъ «зданій, которыхъ крыши возвышались надъ стѣ-«нами, дѣлали его царемъ городовъ. Вдали находя-«щіеся Халкидонъ и Скутари, построенныя на азі-«атскомъ берегу, и Галата, расположенная на оконе-

«мечности замка виднѣлись вдали и вѣнчали вели-
«чественную и огромную картину, развертывавшую-
«ся предъ полками воинственныхъ крестоносцевъ:
«Константинополь, стоящій между Европой и Азі-
«ей, между Архипелагомъ и Чернымъ моремъ сое-
«диняя два моря и два материка.»

Французскіе и Венеціанскіе корабли, подошедши къ стѣнамъ Константинополя, показали народу юнаго Алексѣя, чтобы произвести возмущеніе. Но Греки остались нечувствительными, и нападеніе было рѣшено. Начальники Латинскіе раздѣлили свою армію на 6 батальоновъ. Балдуинъ, графъ Фландрскій съ стрѣлками составлялъ авангардъ, братъ его Анри командовалъ вторымъ корпусомъ; графы Сентъ-Польскій, Блуаскій и Матье Монморанси были главою третьяго, четвертаго и пятаго корпусовъ; арріергардъ, состоящій изъ Тосканцевъ, Ломбардцевъ и Германцевъ отданъ былъ Маркизу Монферратскому.

7 Іюня рыцари французскіе со щитами и въ шлемахъ, сѣли на легкія суда съ своими лошадьми, а прочее войско помѣстилось на большихъ корабляхъ. Когда готовы были приступить къ берегу рыцари бросились въ воду, достигли земли и вы-

строились въ боевой порядокъ. Греки были отражены при первомъ нападеніи; крестоносцы отступили занявъ портъ и башню Галаты.

Чрезъ пять дней вся армія, которой число простиралось больше 25 тысячь человѣкъ, начала осаду этого великаго города. Камнеметательные машины и балисты приблизились къ стѣнамъ и бросали огромные камни; отъ которыхъ разрушались домы и великолѣпные дворцы. Наконецъ на слѣдующее утро, 17 Іюля 1203 года, рѣшили сдѣлать главный приступъ съ суши и съ моря. Три дивизіона отданы были Маркизу Монферратскому, для охраненія лагеря, прочія три подъ начальствомъ графовъ Блуаскаго, Фландрскаго и Сентъ-Польскаго пошли на приступъ. Французы встрѣтили столь сильное сопротивленіе, что принуждены были отступить. Въ тоже время венеціанскій флотъ началъ осаду съ моря, расположенный въ двухъ линіяхъ. Венеціанцы, будучи отражены, казалось, оставили сраженіе, но голосъ стараго Дожа возвратилъ ихъ къ битвѣ. Греки отступили отъ сильнаго нападенія, и знамя св. Марка показалось на одной изъ башенъ города. Чтобы развлечь силы осажденныхъ, которыхъ число могло быть уничтожено горстію сол-

дать, Дандою зажег городъ, и въ-то время, как врагъ бросился тушить пожаръ, онъ ворвался въ одну изъ самыхъ крѣпкихъ башень Константинополя.

На слѣдующее утро греческій императоръ оставилъ городъ, и старый Исаакъ Ангелъ взошелъ на его тронъ; получивши императорскую власть, онъ раздѣлилъ ее съ своимъ сыномъ Алексѣемъ, короновавши его 1 августа 1203 года.

Лѣто и часть зимы крестоносцы провели въ удовольствіяхъ и въ бездѣйствіи. Алексѣй подъ различными предлогами задерживалъ ихъ въ столицѣ. Но вскорѣ бунтъ вспыхнулъ противъ Французовъ. Крестоносцы съ поспѣшностію сѣли на корабли, которыхъ врагъ не успѣлъ еще сжечь. Алексѣй былъ свергнутъ съ престола и брошенъ въ темницу. Дука Мурцупулъ былъ избранъ императоромъ, и борьба завязалась между Греками и крестоносцами.

Французы и Венеціанцы, выгнанные изъ города, стали спорить объ образѣ аттаки. Французскіе солдаты, соперничавшіе съ своими союзниками, требовали нападенія съ моря и сѣли на корабли. 8 апрѣля 1204 года флотъ венеціанскій, переплывъ заливъ,

осадилъ башни и валы сосѣдственные дворцамъ Влахернскимъ.

Отраженные нѣсколько разъ, крестоносцы возобновляли нападеніе съ героическою, но безполезною храбростію; они принуждены были отступить послѣ значительныхъ потерь. Черезъ четыре дня крестоносцы явились опять; ихъ галеры были связаны подвѣ, для удобнѣйшаго сопротивленія. Послѣ жаркаго сраженія крестоносцы, бывшіе на корабляхъ *Рай* и *Пилигримъ*, подъ начальствомъ епископовъ Туаскаго и Суассонскаго, проникли въ башни, господствующія надъ укрѣпленіями. Чрезъ нѣсколько минутъ ворота были во власти Христіанъ и рыцари поскакали по улицамъ города. Побѣдители заняли покоренные дворцы и башни, и на слѣдующее утро узнали, что Мурцупулъ и его жена оставили городъ съ большею частію жителей.

Побѣдители утолили жажду мести въ крови и грабежѣ; печальное зрѣлище убійствъ, постыдное и даже безпримѣрное распутство помрачили эту страницу исторіи. Все относящееся къ наукамъ было истребляемо съ звѣрскимъ вандализмомъ. Французы въ семъ случаѣ были самыми жаркими и варварскими

2

Балдуинъ (Графъ Фламандскій)

истребителями. То, что уцѣлѣло, сохранено было Венеціанцами.

Когда добычу раздѣлили, вздумали избрать одного изъ предводителей крестоносцевъ императоромъ. Между храбрѣйшими избрали Балдуина, графа Фландрскаго и Бонифація, Маркиза Монферратскаго. Оба они равно достойны были этой чести. Поелику опасались, что неудовольствіе быть отвергнутымъ вооружитъ одного противъ другаго кандидатовъ, то рѣшили, чтобы претендатель, избранный императоромъ, отдалъ другому соискателю, на правахъ феодальныхъ, островъ Кандію, и всѣ владѣнія, находящіяся за Босфоромъ: 12 избирателей, 6 Французовъ и 6 Венеціанцевъ, назначены были и поклялись Христомъ подать голосъ въ пользу достойнѣйшаго. Выборъ палъ на Балдуина, графа Фландрскаго, и епископъ Суассонскій, одинъ изъ избирателей, провозгласилъ его имя въ присудствіи безчисленнаго множества народа.

Тогда бароны и рыцари подняли императора на щитъ и несли его такимъ образомъ до Софійскаго собора, сопровождаемые радостными кликами народа, слѣдовавшаго за ними. Въ день коронаціи ле-

гать папскій надѣлъ императорскую мантію на плеча Балдуина, и въ то же время крикъ солдатъ заглушилъ пѣніе духовенства и долго повторялся подъ звучными сводами храма:

«Онъ достоинъ царствовать!»

Потомъ, по греческому обычаю, поднесли новому государю, какъ эмблему ничтожества дѣлъ человѣческихъ, клочекъ зажженной пакли и маленькую вазу наполненную пылью и костями мертвыхъ (*).

Блѣдное пламя вспыхнуло, брошенное на воздухъ, и, погорѣвъ съ минуту, пропало, какъ блѣдная молнія тучи, проходящей безъ грома, во время жаркихъ лѣтнихъ ночей. Черный пепелъ, въ которомъ сверкнуло нѣсколько искръ, тихо упалъ и соединился съ прахомъ и костями мертвыхъ, печальными остатками людей, которые также нѣкогда жили.

—

(*) Отсюда взяты слова, произносимыя при посвященіи папъ: Sic transit gloria mundi.

ШЕСТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1204 — 1229).

—

ГЛАВА IV.

Въ концѣ 1229 года, когда крестоносцы Германскіе возвратились въ свое отечество послѣ шестаго крестоваго похода, вотъ что разсказывалъ Патрикъ о своихъ походахъ предъ многочисленными соотечественниками, собравшимися въ его аудиторію.

Патрикъ былъ честный Нѣмецъ изъ Нижней Германіи, одаренный характеромъ флегматическимъ, какъ и всѣ храбрые сыны сѣвера; слушатели Патрика, не смотря на различіе, которое природа производитъ въ каждомъ человѣкѣ, почти всѣ обладали такимъ-же характеромъ. Навѣрное тутъ были и такіе, которые, подобно Патрику, не плакали, ни смѣялись никогда, даже пьяные.

Въ низской комнатѣ, наполненной дымомъ отъ 7 или 8 трубокъ, стоялъ круглой столъ, на которомъ

стояла кружка пива и нѣсколько бутылокъ крѣпкихъ напитковъ, которыя могли бы свалить съ ногъ даже слона.

Въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе. Патрикъ, обдумывая свой разсказъ, безмолвно накладывалъ табакъ въ большую трубку, которую, наконецъ, зажегъ сальною свѣчею.

— Начинаю, сказалъ онъ.

И разомъ выпилъ большую оловянную кружку, стоявшую предъ нимъ, которая моглабы утолить жажду быка. Въ это время слушатели поспѣшно послѣдовали его примѣру, облокотились на одну руку, держа въ другой трубку, и казалось обратили все свое вниманіе на разскащика.

— И такъ я теперь начинаю, сказалъ Патрикъ. Сначала вамъ надо сказать не много о теченіи дѣлъ государственныхъ тамъ, въ Св. землѣ. Хотя Іерусалимъ и не принадлежитъ Христіанамъ, однакожъ король Іерусалимскій тамъ былъ. Это разумѣется было для формы. Такъ, еслибы кто сказалъ, что Фридрихъ II есть императоръ Германскій, въ томъ предположеніи, что тотъ, кто царствуетъ уступитъ ему свое мѣсто. Это было такъ, какъ я вамъ говорю. Но тотъ, кто былъ

королемъ на четверть часа и дѣлалъ добро, это Саифеддинъ, братъ Саладина, знаменитаго султана, который надѣлалъ столько непріятностей Ричарду-Львиное-Сердце. Амори, бывшій тогда королемъ для смѣха, умеръ, и между героями тамошними не нашлось никого достойнаго занять его мѣсто, по этому они и просили Филиппа-Августа избрать мужа (mari) юной наслѣдницѣ Маріи. Извините за игру словъ; ужъ это такъ.

Слушатели пользуясь отступленіемъ, подкрѣпили свое вниманіе глоткомъ вина. Разумѣется и Патрикъ послѣдовалъ общему примѣру.

— Филиппъ-Августъ, продолжалъ разсказщикъ, избралъ Жана Бріенскаго, сына графа Бріенскаго. Говорятъ даже, что это было для него немножко лестно. Впрочемъ юный графъ дрался храбро, ей Богу, и пользовался хорошею репутаціею въ Европѣ. И такъ депутаты возвратились домой, объявить что у нихъ будетъ король года чрезъ два и пріѣдетъ къ нимъ съ храброю арміею, и покоритъ этихъ повѣсъ Турокъ, возвратитъ свое королевство, которое Мусульмане такъ невѣжливо присвоили себѣ, безъ всякаго снисхожденія къ Христіанамъ.

Около этого времени, заключенное съ Саифедином перемиріе на 6-ть лѣтъ, кончилось; султанъ Турецкій предложилъ возобновить его, и отдавалъ въ залогъ 10 крѣпостей или городовъ, которые остались бы на всегда за Христіанами, если бы невѣрные измѣнили данному слову. Это предложеніе было довольно выгодно. Но тамъ уже всегда есть люди вздорные, которые выдумываютъ бездну различныхъ несообразностей и самыхъ нелѣпыхъ. Теперь какъ и всегда послушались ихъ, и опять рѣшились драться.

Въ Сентябрѣ 1210 г. Жанъ Бріенскій вышелъ на берегъ въ Птоломандѣ, и на слѣдующій же день женился на юной принцессѣ Маріѣ. Но когда захотѣлось увидѣть храбрую обѣщанную армію, то нашли, что она простиралась не болѣе не менѣе 300 рыцарей. Вотъ все, что можно было собрать во Франціи для возвращенія ему королевства! Крестоносцы сдѣлали непріятную гримасу; но дѣлать нечего, надобно было взять то, что дано. Турки между тѣмъ посмѣивались въ свою бороду; разсказывали, что они испугались на минуту и потому предлагали миръ.

Но лишь только прибылъ новый король, Мусуль-

мане совсѣмъ успокоились, и такъ какъ имъ отказали возобновить перемиріе, то Саифѳединъ, ихъ государь, послалъ армію въ окрестности Триполи. Жанъ Бріенскій съ мужествомъ выступилъ на встрѣчу, и въ различныхъ сраженіяхъ показалъ свою храбрость. Онъ былъ разбитъ, но это ничего, одна какая нибудь сторона должна же быть побѣжденною; онъ сражался такъ, что доказалъ Сарацинамъ, что они имѣютъ дѣло съ такимъ человѣкомъ, который можетъ проучить ихъ, и взять за это вознагражденіе. Это тоже утѣшеніе.

Между тѣмъ, Турокъ приходилось 10 на одного, потому что тамъ были только тѣ войска, которыя и прежде тамъ находились, то и произошло, что король сталъ терять постоянно свои владѣнія, чрезъ что его королевство чувствительно уменьшалось, что было очень досадно.

Тогда онъ выдумалъ средство получить помощь изъ Европы; написалъ къ папѣ Иннокентію III, чтобы призвать вѣрныхъ къ оружію. Легатъ его Робертъ Курсонъ исполнилъ это порученіе исправно, и клалъ крестъ на плечо всякому, кто хотѣлъ поступить въ походъ. Жены, дѣти, старики, слѣ-

пые, хромые, прокаженные, — всѣ ему были годны, и не трудно; человѣкъ святой! Но это произошло отъ того, что рыцари и бароны не ласково смотрѣли на стольво безполезныхъ, и очень интересовавшихся войною людей. Не смотря на это или лучше по этой то причинѣ, число крестоносцевъ было необыкновенно велико и хотя рыцари видѣли, что провожать слѣпыхъ и хромыхъ чрезвычайно трудно, однако согласились. Филиппъ-Августъ вмѣшался туда же, пожертвовавъ для св. войны сороковую часть своихъ доходовъ. Въ Ноябрѣ 1215 г. въ Латеранѣ былъ соборъ. Собраніе было многочисленное. Здѣсь были Патріархи Іерусалимскій и Константинопольскій, намѣстникъ Антіохійскаго, 64 Архіепископа, 340 Епископовъ, и 800 аббатовъ и монаховъ; было величественно!

Филиппъ-Августъ нашелъ великолѣпныя причины остаться дома. Нашъ Императоръ также выставилъ другіе недурные предлоги. Но Венгры, не столь изобрѣтательные, не представили ни чего, а потому и должны были отправиться съ значительнымъ отрядомъ подъ предводительствомъ Андрея II. Герцоги Баварскій и Австрійскій, духовные и свѣтскіе

принцы нашихъ областей вездѣ вербовали охотниковъ. Я былъ одинъ изъ послѣднихъ, и по ихъ приказанію, присоединился къ арміи, управляемой Андреемъ II. Ну, товарищи, выпьемъ еще по стакану.

Приглашеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться. Выпили, Патрикъ продолжалъ.

Такъ-вотъ, мы отправились въ Спалатру; это было въ 1216 г. Корабли Венеціи и другихъ Адріатическихъ портовъ перевезли насъ въ Кипръ, одинъ прекрасный островъ, гдѣ можно найти много очень пріятнаго, который говорили господа очень славится въ *миѳологіи*. Сюда прибыли къ намъ новыя подкрѣпленія. Они были изъ Марсели, Генуи и Бриндизи. Такимъ образомъ мы составили хорошую армію, и Турки на минуту были совершенно одурачены. Въ это время братъ храбраго Саладина передалъ свою власть дѣтямъ. Кажется у него было ихъ довольно. Невѣрные, какъ ихъ тамъ называютъ, можетъ быть, потому что при множествѣ ихъ недостатковъ, они еще *вѣтрены*, невѣрные вышли къ намъ на встрѣчу у Наплузы. Между тѣмъ мы выжигали всѣ поля въ окружности; что очень много безпокоило ихъ, ибо по случаю тогдашняго неурожая, они остались совершенно безъ пищи.

Послѣ сраженія, когда порядокъ нѣсколько былъ возстановленъ, мы съ религіозною процессіею взошли въ долину Іезраельскую, и намъ позволено было купаться въ Іорданѣ, что по причинѣ сильнаго жара, было очень кстати. Отсюда мы ходили осматривать берега озера Генисаретскаго, а потомъ возвратились въ Птоломаиду. Что касается до меня, то я не былъ не радъ видѣть конецъ этой пріятной прогулки, которая продолжалась немножко долго. Отдохнувъ немножко, надобно было посѣтить гору Ѳаворъ; предпріятіе трудное и опасное, потому-что Мусульмане сдѣлали на вершинѣ укрѣпленіе, откуда могли бросать камни и стрѣлы на любопытныхъ. Однакожъ, идти было нужно; приказано. Одинъ молодой Сарацинъ, по видимому, дружный съ нами, провелъ нашъ отрядъ къ самой крѣпости. Близость и видъ Турокъ придали намъ храбрости и пылкости. Впрочемъ это произвело и солнце, накаливъ камни. Мы потребовали было приступа, и кажется, сдѣлали бы ошибку, потому что намъ немедленно нужно было возвратиться въ Птоломаиду для защиты лагеря, вокругъ котораго Мусульмане рыскали, какъ лютые тигры. Послѣ

За здравіе!

чего армія наша раздѣлилась на четыре корпуса, до окончанія дурной тогдашней погоды. Андрей II, король Венгерскій, побывъ довольно въ св. землѣ, возвратился въ свое королевство, не смотря на угрозы и убѣжденія духовенства. — За ваше здоровье товарищи, и за его также; счастливаго пути!

Вотъ, въ слѣдующую весну 1218 г. къ намъ прибыла помощь, которой мы совсѣмъ не ожидали; это были новые охотники изъ Сѣверной Германіи, настоящіе мои земляки. Они отправились изъ Кельна на трехъ стахъ корабляхъ, которые съ береговъ Рейна должны были перевести ихъ въ Сирію. Но люди и корабли потерпѣли несчастіе на морѣ; одна часть изъ нихъ погибла, другая бросила якорь въ Португаліи, гдѣ они предложили свою помощъ королевѣ той страны, которая находилась въ войнѣ съ Маврами, такими же вѣтрениками. Они-то соединились съ нами. По прибытіи ихъ, начальники, посовѣтовавщись, рѣшились осадить Даміетту, городъ, находящійся въ нижнемъ Египтѣ, и почитавшійся очень важнымъ. Я тамъ былъ, и могу разсказать вамъ какова эта Даміетта. Прежде всего она построена на восточномъ берегу Нила, почти на одну милю отъ моря.

Простираясь больше въ длину, нежели въ ширину, она тянется какъ длинная лента и со стороны земли защищается тремя стѣнами, а со стороны рѣки двумя валами. Чрезъ Нилъ проведена была цѣпь, одинъ конецъ которой былъ прикрѣпленъ къ валу, а другой къ большой башнѣ, возвышавшейся среди рѣки, и защищавшей городъ отъ нападенія кораблей, которымъ она, казалось, говорила, какъ передовой часовой; «стой!» Очень часто и насъ задерживала она, какъ и другихъ. Чрезъ несколько дней армія, достигши города, расположилась лагеремъ на томъ берегу Нила, куда заходитъ солнце. Противоположная же сторона, съ которой солнце восходитъ называется берегомъ восточнымъ. Всѣми силами надобно было овладѣть этою огромною башнею, засѣвшею въ самой срединѣ рѣки. Рыцари Іоанна Іерусалимскаго, и воины Германскіе бросились по лѣстницамъ на приступъ; на самой срединѣ восхода лѣстницы изломались, и *тра тра тра*, всѣ солдаты полетѣли въ воду. Нужно было сдѣлать иначе; но какъ? Теченіе рѣки было очень сильно; а тѣмъ, которые рисковали собою въ первый

разъ, больше уже не хотѣлось купаться. Стали прискивать другой способъ.

— Нашли, продолжалъ Патрикъ, послѣ краткаго молчанія, во время котораго слушатели по примѣру его сдѣлали новое возліяніе, — и нашелъ его одинъ Нѣмецъ. Слушатели быстро помѣнялись нѣсколькими взглядами нѣмыми, но полными горлости и патріотизма.

— Одинъ Кельнскій священникъ, съ помощію Тевтонскихъ рыцарей, построилъ изъ дерева огромную башню, на двухъ соединенныхъ вмѣстѣ бревнами и брусьями корабляхъ. Величиною и красотою это было просто чудо. Когда священники благословили эту башню, тогда для нападенія выбрали отрядъ изъ лучшихъ храбрецовъ всѣхъ націй.

Я не принималъ здѣсь участія, сказалъ благородный Германецъ со смиреніемъ и простосердечіемъ Евангельскимъ.

Въ назначенный день, герцогъ Австрійскій съ 300 воиновъ сѣлъ на корабли съ башней, и помѣстился на ней близъ подъемнаго моста, сдѣланнаго на самой вершинѣ этой огромной машины. Корабли двинулись, и пошли на непріятеля готоваго къ защитѣ.

Нападеніе было величественно, сраженіе отчаянное, оно продолжалось 24 часа. Вмѣстѣ съ другими я былъ на берегу. Гарнизонъ Даміетты былъ на стѣнахъ. Мы закричали для одушевленія своихъ солдатъ; и Турки также испустили крикъ, чтобы ободрить своихъ товарищей. Это былъ адскій крикъ. Осажденные рѣшились зажечь нашу деревянную башню. И Даміетскіе Турки съ криками радости бросились со стѣнъ. Мы молча, съ отчаяніемъ, смотрѣли другъ на друга. Нѣсколько мгновеній мы думали, что все потеряно; но Крестоносцы ободрились, знамя герцога Австрійскаго, сломленное Турками, гордо поднялось, и жестокое сраженіе возобновилось. Камнеметательныя машины и балисты разбивали стѣны непріятельскія съ громомъ; камни, разбиваемые повторяющимися ударами, отрывались, и разломленная стѣна начала падать со всѣми сражающимися на ней солдатами. Вдругъ общій крикъ раздался со-стороны осаждающихъ: Милость!—Браво! хоромъ закричали слушатели, когда разсказъ достигъ высшей степени интереса.

Послышался шепотъ ихъ разговора, грубый и свистящій, какъ пила скользящая по желѣзу; по-

томъ утоливъ сильную жажду виномъ слушатели снова устремили свой взоръ на разказчика.

— Вотъ, послѣ покоренія грозной башни, продолжалъ Патрикъ, взятіе города показалось столь легкимъ, что наши солдаты пошли ротозѣйничать, и большая часть изъ нихъ возвратилась въ свою сторону. Не смотря на то, недостатка въ нихъ не было. Италія послала своихъ храбрыхъ воиновъ подъ начальствомъ двухъ папскихъ легатовъ Пелагія и Пьера де Курсона. Послѣ нихъ прибыли еще графы Неверскій и Ламаршскій, Бордоскій архіепископъ, епископы Москій, Отенскій и Парижскій въ сопровожденіи французскаго юношества, и дружины Англійскія, коими предводительствовали графы Честерскій и Арундельскій и Вильгельмъ-Длинный-Мечь, графъ Салисбюри и баронъ Гаркуртъ; все люди храбрые и знаменитые.

Послѣ ихъ прибытія чума и голодъ начали работу довольно непріятную для насъ. Когда эти два бича утолили свою жажду и удалились, армія приготовилась къ осадѣ Даміетты. Она хотѣла перейти Нилъ, но осажденные съ высоты своихъ стѣнъ бросали столько Греческаго огня, очень вред-

ная вещь! что многіе изъ нашихъ кораблей сгорѣли. Выстроившіеся на другомъ берегу Турки стояли такъ храбро, что и нападать на нихъ было опасно. А потому окончательная аттака отложена была до слѣдующаго утра.

Вотъ, ночью, между Мусульманами вспыхнуло несогласіе, и съ наступленіемъ дня они оставили свои посты. Мы тихо перешли рѣку, не встрѣтивъ никакого препятствія, и шли къ городу. Но невѣрные имѣютъ очень вѣтренную натуру, какъ я вамъ уже замѣчалъ, и вдругъ захотѣли мириться: надобно было остановиться. Турки напали на понтонный мостъ, который мы навели на Нилъ; герцогъ австрійскій, съ Тампліерами и рыцарями Тевтонскими, заставилъ Турокъ прогуляться подъ сабельными ударами, — шутка, къ которой они были очень чувствительны, потому что оставили насъ въ покоѣ. Послѣ такой побѣды герцогъ австрійскій возвратился въ Европу съ большею частію рыцарей; но въ замѣнъ его къ намъ прибылъ епископъ Мантуи, который пришелъ изъ Италіи съ новыми дружинами, съ военными и жизненными припасами, двумя статьями весьма необходимыми въ походѣ.

Между тѣмъ Султанъ непріятельскій, думая, что за покореніемъ Даміетты послѣдуетъ и взятіе Іерусалима, срылъ укрѣпленія св. города, и уничтожилъ часть его памятниковъ. Тогда онъ предложилъ Христіанамъ заключить миръ, по которому, если крестоносцы удалятся изъ Египта, онъ обязывается уступить имъ древо креста, Іерусалимъ, котораго стѣны будутъ возстановлены Турками и всѣхъ плѣнныхъ Христіанъ, находившихся въ Египтѣ и Сиріи. Начальники Христіанскіе отвергли это предложеніе. Непростительная ошибка, потому что больше внимали необдуманной ярости, нежели истиннымъ интересамъ Христіанскимъ. Они прервали всякое сношеніе между арміею Египетскою и гарнизономъ Даміетты, который погибалъ отъ голода. Но когда при первомъ нападеніи, Христіане вошли въ городъ, онъ представлялъ обширную могилу. Едва 3 тысячи осталось отъ 70 тысячь. На всякомъ шагу, по дорогамъ, въ мечетяхъ, въ домахъ попадались кучи умершихъ отъ голода. Дѣти, прижавшись къ груди мертвой матери, испускали послѣднее дыханіе. Ужасно! Мы ходили въ гнилой атмосферѣ, выходящей, какъ бы изъ отрытаго гроба. Армія разграби-

ла городъ, и оставила его, а потомъ отправилась къ Танису, крѣпость, которая сдалась при извѣстіи о нашей побѣдѣ. Зима прошла въ совершенномъ бездѣйствіи; весною половина арміи отправилась въ Европу.

Въ это-то время Турки сыграли съ нами дурную шутку. Мы шли по восточному берегу Нила, Турки по другому. Приказали намъ завоевать Египетъ, и мы сказали пойдемъ въ Египетъ. И такъ, мы идемъ. Но дошедши до береговъ канала Ашмунъ, остановились. Хорошо. Турки струсили этого и предложили миръ почти на тѣхъ же условіяхъ, какъ и при взятіи Даміетты. Отвергли: новая глупость; какъ увидите? Прелатъ Пелагій, который насъ провожалъ, былъ не изъ храбрыхъ, любилъ лучше проспать мѣсяцъ, нежели дать сраженіе. Между тѣмъ, Нилъ поднимался, и поднимался настоящій угрюмецъ. И вотъ, однажды вечеромъ, Мусульмане открыли шлюзы, и вдругъ затопили весь лагерь, утромъ мы были уже по колѣно въ водѣ. Тогда дѣлать было нечего, надо сдаться. Мы оставили Даміетту и крѣпость Танисъ Туркамъ, которые впрочемъ позволили намъ возвратиться въ Птоломаи-

ду и не довели своей шутки, до совершеннаго утопленія насъ.

Здѣсь Патрикъ утопилъ въ винѣ воспоминаніе объ этой шуткѣ, по его мнѣнію, до крайности нелѣпой.

Между тѣмъ, продолжалъ онъ, папа Гоноріи, наслѣдникъ Иннокентія III, видя, что не можетъ принудить нашего императора Фридриха страхомъ, рѣшился покорить его ласкою. Онъ предложилъ ему руку Іоланды, дочери короля Іерусалимскаго, и титулъ, который носилъ Жанъ Бріенскій, которому не оставалось ничего болѣе, какъ только уступить права, которыхъ не могъ завоевать. Императоръ женился на Іоландѣ, и получилъ титулъ короля Іерусалимскаго. Но обстоятельства не позволяли ему нѣсколько лѣтъ отправиться во св. землю. Наконецъ, въ августѣ 1227 назначено сѣсть на корабль въ Бриндизи. Но во время отплытія Фридрихъ почувствовалъ припадки болѣзни, происшедшей отъ сильнаго зноя, и отъѣздъ былъ отложенъ. Григорій IX, преемникъ Гонорія, отлучилъ императора отъ церкви. Поступокъ не совсѣмъ вѣжливый, который, какъ увѣряютъ, былъ величайшимъ наказаніемъ для Фридриха. Для отмщенія папѣ,

который поступилъ съ нимъ такъ жестоко, императоръ прибѣгнулъ къ превосходному средству. Любимый Римскими баронами, онъ вооружилъ ихъ противъ Григорія. Императорскія войска разорили Мархію Анконскую и наслѣдіе св. Петра. Тампліеры и Мальтійцы, защитники папы, разбиты и лишены были владѣній. Григорій постоянно отлучалъ отъ церкви императора, и все грознѣе. Фридрихъ смѣялся и разбивалъ его войска больше и больше.

Не смотря на запрещеніе папы предпринимать крестовый походъ безъ разрѣшенія церковнаго, Фридрихъ сѣлъ на корабль въ Бриндизи, въ августѣ, и вскорѣ прибылъ въ Птоломаиду. Отсюда отправился въ Яффу, и возобновилъ укрѣпленія ея.

Папа воспользовался отсутствіемъ императора, чтобы отмстить ему, выжегъ и разграбилъ въ Италіи всѣ города, принадлежавшіе ему. Фридрихъ былъ раздраженъ, но продолжалъ со своими войсками храбро сражаться. И Султанъ Малекъ-Камель предложилъ миръ. Этого только и ожидалъ Фридрихъ, нетерпѣливо желая возвратиться въ Европу.

18 февраля 1229 года, крестоносцы и Мусульмане заключили миръ на 10 лѣтъ, по которому города: Іерусалимъ, Яффу, Виѳліемъ и Назаретъ возвратить Христіанамъ; св. гробъ также долженъ быть отданъ, только Магометане хотѣли также, какъ и Христіане, молиться въ св. храмѣ.

Духовенство, недовольное распоряженіями ненавистнаго имъ человѣка, и нѣсколько разъ отлученнаго отъ церкви, хотѣло самаго Фридриха предать въ руки Малекъ-Камеля, но послѣдній съ презрѣніемъ отвергнулъ это гнусное предложеніе.

Императоръ вошелъ въ Іерусалимъ 17 марта. Никто не явился при его входѣ, ни одинъ крикъ радости не раздался вокругъ его. Его избѣгали, какъ зачумленнаго. Іерусалимскій Патріархъ запретилъ, даже отправлять богослуженіе во время пребыванія Фридриха въ свят. городѣ. На слѣдующій день своего прибытія Императоръ, въ сопровожденіи только своихъ бароновъ и рыцарей ордена Тевтонскаго, отправился въ церковь св. гроба. Здѣсь онъ самъ взялъ царскую корону съ олтаря, и съ гордо-

стію возложилъ на свою голову, по праву побѣдителя, и какъ завоеваніе независимое отъ духовенства. Маія 29, мы отплыли въ Европу, и сказали Палестинѣ послѣднее: прости! гдѣ я видѣлъ эти произшествія, которыя и имѣлъ честь разсказать вамъ.

......Уфъ! какъ мнѣ пить хочется!

—

СЕДЬМЫЙ И ВОСЬМЫЙ КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

(1188 — 1191).

—

ГЛАВА V.

Хотя титулъ короля Іерусалимскаго былъ уже титуломъ для смѣха, какъ выразился Патрикъ, флегматическій Нѣмецъ, но не смотря на то, его домогалися. Послѣ отъѣзда Императора Германскаго, который носилъ его, принцесса Алиса, вдова Гюга де-Люзиньяна, оставила Кипръ, и потребовала короны своихъ отцевъ. Но военные ордена воспротивились этимъ притязаніямъ, и дали Фридриху время послать въ Палестину армію. Но въ награду за вѣрность генералы Императора обложили ордена податью, начали притѣснять ихъ — сдѣлались ихъ врагами. Германцы были изгнаны изъ Птоломаиды и убѣжали въ Тиръ. Послѣ Фридрихъ объявилъ сво-

имъ генераламъ неудовольствіе, а ордена щедро наградилъ, возвративъ имъ ихъ владѣнія въ Сициліи, которыми онъ было овладѣлъ.

Уже около пяти лѣтъ Христіане терпѣли грабительства Сарацинъ, которые не помнили больше условій трактата, особенно послѣ смерти Саифедина и умерщвляли крестоносцевъ при всякомъ случаѣ. Санутъ разсказываетъ, что 10 тысячъ паломниковъ, идя въ религіозной процессіи изъ Птоломаиды въ Іерусалимъ безъ милосердія были изрублены Турками въ куски. Такія несчастія еще разъ обратили вниманіе Запада на своихъ братьевъ въ Палестинѣ.

На соборѣ, бывшемъ въ 1234 году въ Сполетто, рѣшено было, что по окончаніи перемирія, заключеннаго съ Малекъ-Камелемъ, новая армія крестоносцевъ будетъ отправлена на востокъ. Григорій IX послалъ своихъ легатовъ объявить народу рѣшеніе собора; но вскорѣ открылось, что цѣль папы не столько защитить Св. гробъ, сколько обогатить духовенство. Его миссіонеры, снискавъ значительное число защитниковъ святаго дѣла, предложили богатѣйшимъ откупиться отъ священнаго обѣта день-

гами. Этотъ соблазнъ привелъ въ негодованіе всѣхъ и проповѣди прекратились. Впрочемъ нѣсколько Англійскихъ владѣтелей одушевленныхъ благородною ревностію къ славѣ, отказались откупиться цѣною золота, и приняли крестъ въ 1236 году. Графъ Честерскій и Ричардъ, графъ Корнуаллійскій, братъ Генриха III дали клятву идти на битву съ Сарацинами.

Страшное пораженіе, которое потерпѣли Тампліеры въ Палестинѣ, сильно подѣйствовало на новыхъ крестоносцевъ. Триста рыцарей этого ордена, составивши значительный корпусъ, оставили въ 1237 году Клеркенвель, въ Лондонѣ и отправились съ главною арміею въ Палестину, подъ управленіемъ своего пріора, чтобы отомстить убійство своихъ братьевъ.

Ревность къ новому крестовому походу распространилась изъ Англіи, даже въ центральныя провинціи южной Франціи. Тибо, графъ Шампанскій и король Наваррскій по браку на третьей женѣ своей; Гуго, герцогъ Бургундскій, Генрихъ, графъ Барскій, Пьеръ, графъ Бретанскій и много другихъ бароновъ собрались въ Ліонѣ, чтобы поду-

мать о средствахъ для новой священной войны. Среди совѣта вдругъ папскій нунцій приказалъ имъ разойтись. Такое неожиданное приказаніе возбудило всеобщее негодованіе, которое выразилось бы въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, еслибы благородные люди не приняли посредничества. Крестовый походъ продолжался съ дѣятельностію не смотря на запрещеніе Григорія IX, когда посланники императора германскаго просили рыцарей христіанскихъ остановить отъѣздъ, чтобъ ему можно было собрать свои силы и присоединиться къ нимъ. Не смотря и на это большая часть Французскихъ владѣтелей поѣхала въ Марсель, откуда на корабляхъ отправилась въ св. землю. Недовольный императоръ, чтобы остановить ихъ походъ, приказалъ начальникамъ Апуліи и другихъ странъ подвластныхъ ему, не дѣлать ни какого пособія крестоносцамъ, и чрезъ это многія корпуса кавалеріи остановились. Впрочемъ король Наварскій, герцогъ Бургундской, графъ Барскій и Бретанскій продолжали свой путь къ Птоломаидѣ.

Въ это время перемиріе заключенное между Сарацинами и Христіанами, кончилось; султанъ Египетскій, узнавъ о новыхъ приготовленіяхъ къ крестовому

походу обнаружилъ непріятное расположеніе; выгналъ Христіанъ изъ Іерусалима и разрушилъ башню Давида предметъ почитанія какъ христіанъ, такъ и мусульманъ. Вскорѣ умеръ Малекъ-Камель. Тибо, пошелъ въ походъ и направился къ Аскалону, стѣны котораго хотѣлъ возстановить. Въ тоже время графъ Бретанскій счастливо занялъ страну Дамасскую, и непріязненныя дѣйствія начались. Предъ Газою 300 Французовъ, соревнуя мужеству корпуса бретанскаго, были изрублены Турками, которые были гораздо малочисленнѣе. Герцогъ Монфоръ былъ убитъ, графъ Барскій попалъ въ плѣнъ. Пораженіе это такъ напугало Тибо, что онъ съ поспѣшностію оставилъ Аскалонъ и бросился къ Птоломаидѣ. Тогда начальники крестоносцевъ перемѣнили тактику и пытались посредствомъ союза съ Сарацинами достигнуть цѣли своего предпріятія. Для этого Тампліеры вступили въ союзъ съ эмиромъ Каракскимъ, вассаломъ султана Дамасскаго, противъ султана египетскаго. Возстановленіе святой земли должно быть наградою за ихъ помощь. Между тѣмъ рыцари св. Іоанна, король Наваррскій и графъ Бретанскій заключили миръ съ самимъ султаномъ Еги-

петскимъ, противъ котораго Тампліеры соединились съ эмиромъ.

Можно видѣть уже послѣ этого, что единства духа и дѣятельности не было между крестоносцами.

Во время этихъ переговоровъ бароны Англійскіе приняли крестъ и собрались въ Нортамптонѣ.

Весною въ 1240 год , не смотря на интриги папскія, Ричардъ, графъ Корнуаллійскій, Вильгельмъ-Длинный-Мечь, Теодоръ, пріоръ Страннопріимцевъ въ сопровожденіи большаго числа владѣтелей сѣли на суда въ Дунѣ и поплыли въ Францію, гдѣ ихъ приняли съ радостію. Отсюда они отправились въМарсель, а оттуда въ Сирію.

Немного спустя послѣ ратификаціи двухъ договоровъ заключенныхъ крестоносцами, Ричардъ съ своею арміею высадился при Птоломаидѣ. Эмиръ каракскій, съ которымъ Тампліеры вступили въ союзъ, не имѣлъ возможности исполнить своихъ обѣщаній, ни отдать Христіанъ плѣненныхъ въ Газѣ, и трактатъ уничтожился. Ричардъ двинулся съ своими войсками на Яффу. Султанъ Египетскій, будучи въ войнѣ съ своимъ вассаломъ, предложилъ миръ. Ричардъ съ герцогомъ Бургундскимъ, гросъ-мейсте-

ромъ Мальтійцевъ и другими старшими владѣтелями приняли предложеніе на слѣдующихъ условіяхъ:

Чтобы Султанъ вывелъ изъ Іерусалима всѣхъ живущихъ тамъ Магометанъ, возвратилъ Христіанамъ какъ его такъ и гору Ѳаворъ и большую часть св. Земли и, для утвержденія мира, размѣнялъ плѣнныхъ.

По заключеніи перемирія Ричардъ отступилъ въ Птоломаиду, гдѣ ожидалъ ратификаціи договора.

Возвращеніемъ Палестины Христіанамъ крестоносцы достигли своей цѣли. Ричардъ возвратился въ Европу, а Палестинскіе крестоносцы возстановляли стѣны Іерусалима, надѣясь, что знамя мусульманское не будетъ уже больше развѣваться на стѣнахъ его.

Но вторженіе новыхъ варваровъ гораздо опаснѣйшихъ, чѣмъ азіатскіе Мусульмане уничтожило надежду, которую Христіане питали около двухъ лѣтъ.

Чингисханъ и его преемники покорили обширную имперію Хоразмійскую, лежавшую между владѣніями Великаго Могола, заливомъ Персидскимъ, Индіею и Туркестаномъ; устье Окса, впадавшаго въ Каспійское море, образовало центръ этой имперіи. Упоенные

побѣдою Татары Чингисхана гнали какъ дикихъ звѣрей орды Хоразмійцевъ бѣжавшихъ толпами на югъ. Пришедши въ Египетъ они просили у Султана позволенія поселиться здѣсь; но правитель Каира указалъ имъ на Палестину. Христіане Палестинскіе поспѣшили просить помощи у Султановъ Емесскаго и Дамаскаго, чтобы отразить это страшное нашествіе. Но получивъ отказъ крестоносцы принуждены были оставить Іерусалимъ. Хоразмійцы вошли сюда побѣдителями, предали все огню и мечу и поругали священные предметы.

Послѣ сильныхъ настояній Христіане выпросили у Сирійцевъ, своихъ союзниковъ, помощь изъ четырехъ тысячь всадниковъ.

Не смотря на подкрѣпленіе, армія Христіанская была столь малочисленна, что начальникъ, командовавшій ею, отвергалъ и самую мысль о сраженіи. Впрочемъ не смотря на свою слабость, онъ повелъ свою армію впередъ и встрѣтился съ непріятелемъ на долинахъ близъ Газы. Здѣсь рѣзались враги въ продолженіи двухъ дней съ страшнымъ ожесточеніемъ: Христіане были раздавлены многочисленностію и спасшіеся бѣжали въ Птоломаиду, которая сдѣла-

лась единственнымъ убѣжищемъ Христіанъ. Послѣ этой побѣды укрѣпленія Аскалона и крѣпость Тиверіадская были срыты и Хоразмійцы раскинули свои шатры на долинѣ близь Птоломаиды. Отсюда они простирали свои опустошенія на окрестности и убійства французскихъ паломниковъ, совершаемыя ими въ своихъ набѣгахъ, были многочисленны; Готье Бріенскій, взятый въ плѣнъ въ Газѣ, остался въ рукахъ враговъ. Барбаканъ, раздраженный сопротивленіемъ Христіанъ, умертвилъ его въ глазахъ ихъ.

Султанъ Каирскій указалъ на Дамаскъ какъ на хорошую добычу. Хоразмійцы осадили и взяли его; но послѣ сего соединенныя силы Египта и Сиріи, въ общемъ сраженіи съ этими варварами, истребили ихъ безъ милосердія. Барбаканъ ихъ предводитель былъ убитъ и эта дикая орда изчезла изъ Азіи.

Нападеніе варваровъ лишило Христіанъ всѣхъ выгодъ мира заключенаго Ричардомъ, графомъ Корнуаллійскимъ, что и было причиною VIII крестоваго похода.

Лудовикъ IX, король Французскій, будучи опасно боленъ, по тогдашнему обыкновенію, далъ обѣтъ идти сражаться во св. землю, если Богъ возвратитъ

ему здоровье. Новое нашествіе Хоразмійцевъ воспламенило рыцарскія идеи благочестиваго короля и походъ былъ рѣшенъ.

Графы Артуаскій, Пуатьескій, Анжуйскій, три брата короля, Бургундскій и два сына его, рыцарь Сентъ-Польскій и многія рыцари и владѣтели приняли крестъ. Прежній энтузіазмъ, казалось, на минуту возобновился.

Политическія обстоятельства Франціи замедлили отъѣздъ короля Французскаго на три года; но и въ это время помощь Христіанамъ Палестинскимъ деньгами и войскомъ не прекращалась. 12 Іюня 1248 года Лудовикъ IX сопровождаемый тремя братьями, отправился въ аббатство Сенъ-Дени, гдѣ Едъ-де Шатору, легатъ папскій, вручилъ ему королевскую хоругвь, кружку для бѣдныхъ и страннической посохъ. Въ концѣ августа онъ сѣлъ на корабль въ Эгъ Мортъ и 17 Сентября тогоже года прибылъ въ Кипръ, гдѣ уже бароны и воины его собрались. Весною 1249 года Лудовикъ поплылъ къ Даміеттѣ и вскорѣ флотъ его сталъ въ виду береговъ. Морской берегъ былъ усыпанъ Мусульманами, которыми предводительство-

валъ султанъ Негмеддинъ, сынъ Малекъ-Камеля. На другой день произошла высадка, не смотря на упрямство рыцарей, которымъ силы враговъ внушили нѣкоторый страхъ. Лудовикъ IX въ шлемѣ, съ копьемъ въ рукахъ первый бросился въ волны и достигнулъ берега; за нимъ слѣдовало войско. Сарацины бѣжали послѣ слабаго сопротивленія, оставивъ городъ крестоносцамъ. Лудовикъ назначилъ его своею резиденціею и укрѣпился противъ нападенія Турокъ, ожидая прибытія графа Пуатьескаго, который велъ остатокъ войскъ, идущихъ изъ Франціи.

Чрезъ три недѣли онъ прибылъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ-Длинный-Мечь, предводительствовавшимъ двумя стами рыцарей англійскихъ.

Когда всѣ войска соединились, въ общемъ совѣтѣ рѣшено было идти на Каиръ, и 20 Декабря армія Христіанская оставила Даміетту и направилась къ столицѣ Египта. Въ продолженіи этого похода пятьсотъ всадниковъ мусульманскихъ нечаянно напали на отрядъ Тампліеровъ, которые были впереди арміи. Тампліеры, нечаянно атакованные, сражались съ такою храбростію, что уничтожили весь Турецкій отрядъ.

19 Декабря войска Французскія достигли береговъ канала Ашмунъ почти въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ въ шестый Крестовый походъ Пелагій затопленъ со всею своею арміею. Какъ и тогда армія непріятельская шла по другому берегу и расположилась лагеремъ недалеко отъ Нила предъ городомъ Мансурою. Французы пытались нѣсколько разъ, но безъ успѣха, перейти каналъ. Турки удачно уничтожили всѣ ихъ усилія, разломавъ на каналѣ плотину, построенную крестоносцами; потомъ они перешли Нилъ и внезапно напали на лагерь; отраженные безъ большихъ потерь графомъ Анжуйскимъ и Пуатьескимъ, они скрылись за военныя машины и нашли здѣсь безопасное убѣжище.

Крестоносцы искали средства перебраться чрезъ каналъ, какъ вдругъ одинъ Арабскій Бедуинъ явился въ лагерь и обѣщалъ указать бродъ за 400 безановъ. Предложеніе было принято и графъ Артуаскій получилъ отъ брата позволеніе идти впередъ съ Тамиліерами и Страннопріимцами для отысканія брода. Начальствуя четырьмя стами рыцарей вмѣстѣ съ Вильгельмомъ-Длинный-Мечь, который командовалъ своими Англичанами, онъ бросился въ рѣку вслѣдъ

за молодымъ Ведуиномъ. Отразивъ небольшой отрядъ Турокъ, защищавшихъ противоположный берегъ, графъ проникнулъ даже въ непріятельскій лагерь, гдѣ ужасъ объялъ армію, и она обратилась въ бѣгство. Большая часть убѣжала въ Мансуру, куда графъ Артуаскій бросился стремительно не ожидая остатка арміи, и не внимая благоразумнымъ совѣтамъ Гросъ-мейстера Тампліеровъ. Вильгельмъ-Длинный-Мечь такъ же удерживалъ стремительнаго Роберта, который будучи раздраженъ этимъ противурѣчіемъ, грубо отвѣчалъ:

— Какъ трусливы тѣ люди, которые носятъ хвосты (*)! какъ было бы хорошо, еслибы армія освободилась отъ нихъ!

— Графъ Робертъ, возразилъ Вильгельмъ-Длиный Мечь, не обративъ вниманія на его обидный намѣкъ, голосомъ тихимъ, но твердымъ, графъ Робертъ, я сегодня врублюсь такъ далеко въ средину враговъ, что вы не въ состояніи будете приблизиться къ хвосту моей лошади.

(*) Нѣкоторые Англичане за дурные привычки осуждены были носить конскіе хвосты.

— И такъ, впередъ, господа, увидимъ! закричалъ Робертъ. И рыцари Христіанскіе бросились какъ вѣтеръ въ погоню за Турками и въ безпорядкѣ попали вмѣстѣ съ ними въ городъ Мансуру. Въ рядахъ ихъ не было никакого порядка. Иногда неустрашимые рыцари крестоносцевъ какъ молнія разсѣкали сплошную массу Сарацинъ, которые стѣсняли ихъ какъ бы каменною стѣною. Когда первый ужасъ прошелъ, Турки ободрились при видѣ зеленаго знамени Магомета и съ военнымъ крикомъ бросились на крестоносцевъ. Египетскій комендантъ затворилъ ворота города и прервалъ всякое сношеніе съ остальною арміею. Жители также приняли участіе въ битвѣ, они осыпали Христіанъ горячими угольями и каменьями и обливали кипящею водою. Графъ Артуаскій нашелъ смерть прежде конца сраженія; Вильгельмъ-Длинный-Мечь палъ на кучѣ труповъ пораженныхъ его ударами. Потеря Христіанъ была значительна, и не многіе изъ рыцарей спаслись бѣгствомъ. Подошедшій съ своими войсками Лудовикъ IX воспрепятствовалъ рѣшительному пораженію. Стычка, происшедшая между имъ и Турками, оставила побѣду

У

Ричардъ Львиное сердце предъ Филиппомъ Августомъ.

нерѣшенною; но невѣрные успѣли прекратить всякое сношеніе между королемъ и Даміеттою.

Чрезъ нѣсколько дней, распространившіяся въ лагерѣ Христіанскомъ чума и голодъ заставили сдѣлать предложеніе о мирѣ. Перемѣна Даміетты на Іерусалимъ была первымъ условіемъ и Лудовикъ IX предложилъ, въ удостовѣреніе сдачи Даміетты Египтянамъ, въ залогъ одного изъ двухъ своихъ братьевъ. Султанъ отвергнулъ это; онъ желалъ чтобы самъ король Французскій былъ заложникомъ. Тогда Христіане рѣшились, не смотря на плачевное состояніе арміи, ретироваться къ Даміеттѣ. Въ то время какъ крестоносцы наводили понтонный мостъ чрезъ каналъ Ашмунъ, Мусульмане, вышедши изъ города, напали на лагерь и умертвили больныхъ. Съ помощію Готфрида де Сержень, Лудовикъ храбро сражался съ невѣрными и рѣшился лучше умерѣть, нежели сдаться. Но товарищъ успѣлъ удалить его съ поля сраженія и отправить больнаго и ослабѣвшаго отъ усталости въ сосѣдній городъ, гдѣ Мусульмане взяли его въ плѣнъ съ двумя братьями Карломъ, графомъ Анжуйскимъ, и Альфонсомъ, графомъ Пуатьескимъ; прочее дворянство французское раздѣ-

лило туже участь. Больные, потому и безполезные солдаты, были перерѣзаны безъ милосердія. Только нѣкоторые сохранили себѣ жизнь отреченіемъ отъ своей вѣры. Бѣгство Французовъ было такъ гибельно, что 20 тыс. попало въ плѣнъ, а 70 тыс. погибло отъ меча враговъ и потонуло въ рѣкѣ.

Для выкупа благородныхъ плѣнниковъ Султанъ требовалъ многихъ замковъ, принадлежавшихъ рыцарямъ св. земли и крѣпостей, которыми владѣли Тампліеры и Странноприимцы. Но требованіе это было отвергнуто, потому что императоръ Германскій, будучи королемъ Іерусалимскимъ, не соглашался лишиться ни одного лена изъ своего княжества и отдать его языческому Султану, и потому что считали не приличнымъ уступить требуемыя крѣпости для выкупа нѣсколькихъ человѣкъ.

Раздраженный Султанъ угрожалъ Лудовику IX муками; но мученія не устрашили благочестиваго короля; онъ рѣшился предложить Султану простой выкупъ. За свободу своихъ товарищей Лудовикъ предложилъ 10 тыс. безановъ золотыхъ (500 тыс. Турецкихъ ливровъ). Но какъ онъ по своему сану не могъ быть выкупленъ деньгами; то за себя пред-

ложилъ возвратить Даміетту. Султанъ съ удовольствіемъ согласился на это и заключилъ съ Христіанами миръ на 10 лѣтъ. Привиллегіи, которыми обладали крестоносцы въ королевствѣ Іерусалимскомъ, прежде высадки короля при Даміеттѣ, были возстановлены. Половина выкупа должна быть заплачена прежде, нежели король оставитъ берега Нила, а другая по пріѣздѣ его въ Птоломаиду. По условіямъ трактата Даміетта оставлена была Мусульманамъ, которые вошли въ нее какъ въ городъ взятый приступомъ, сожгли военные машины и перерѣзали больныхъ, находившихся во множествѣ. Нѣкоторые вожди поговаривали объ умерщвленіи и самаго короля съ его свитою; впрочемъ эти варвары успокоились и наконецъ уже не думали больше о нарушеніи мира. Графы Фландрскій, Бретанскій и Суассонскій отправились во Францію. У короля все золото, бывшее у него въ Даміеттѣ, недостаточно было для уплаты первой половины выкупа, и офицеры Лудовика принуждены были прибѣгнуть къ Тампліерамъ, чтобы собрать необходимую сумму; 200 тыс. ливровъ было заплачено и монархъ отправился съ французскими владѣтелями въ Птоломаиду.

Лудовикъ IX былъ счастливѣе въ сношеніяхъ съ Султаномъ Дамасскимъ, нежели въ войнѣ. Онъ получилъ отъ Султана христіанскихъ рыцарей и солдатовъ бывшихъ въ плѣну, отсрочку уплаты другой половины выкупа; дѣтей обращенныхъ въ Исламизмъ и головы христіанъ, убитыхъ въ сраженіи при Мансурѣ и выставленныхъ какъ трофей въ Каирѣ. Когда всѣ эти уступки были сдѣланы, Султанъ обязался еще, для сохраненія союза, возвратить Іерусалимъ.

Армія провела цѣлый годъ въ Кесаріи, дома и стѣны которой были возобновлены. Отсюда король отправился въ Яффу и обнесъ ее очень крѣпкими стѣнами.

Между тѣмъ возгорѣлась война между Египтомъ и Сиріею съ необыкновенною жестокостію. Но вдругъ потомъ обѣ арміи соединились и рѣшились, при такомъ нечаянномъ переворотѣ, погасить взаимную ненависть въ ожесточенной войнѣ противъ Французовъ. Не смотря на ненависть, одушевлявшую ихъ, они не умѣли съ искуствомъ направлять свои дѣйствія, и вся ихъ ярость ограничилась опустошеніемъ окрестностей Птоломаиды; послѣ чего под-

5

Лудовикъ IX.

ступили къ Сидону. Лудовикъ IX съ большею частію своего войска ретировался въ цитадель этого города. Турки безъ труда вошли въ городъ, разграбили его, жителей умертвили и спустя нѣсколько дней удалились.

Эти убійства и грабежи охладили ревность короля Французскаго, а нечаянная смерть Бланки, его матери, регентши, заставила его возвратиться во Францію.

Въ апрѣлѣ 1254 года, спустя нѣсколько дней послѣ пасхи, онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ и простился съ баронами и рыцарями Палестинскими.

Вечеромъ, на канунѣ отъѣзда, Лудовикъ IX находился одинъ въ своей комнатѣ. Мрачныя и безотрадныя мысли помрачали чело монарха. Онъ всталъ и медленно подошедши къ окну открылъ его и облокотился на него. Наступала ночь. Въ сумракѣ красноватый цвѣтъ неба вдали сливался съ темною поверхностію моря. Вдали плескали волны о морской берегъ и ихъ глухой шумъ, подобный жалобнымъ стонамъ, приносилъ и уносилъ вѣтеръ. Небо было чисто и ясно, звѣзды въ лазуревой тверди ярко блестѣли. Нѣсколько минутъ Лудовикъ слу-

шалъ этотъ голосъ волнующагося моря, смотрѣлъ на безграничное небо, отошелъ тихими шагами и сѣлъ склонивъ голову.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ быстро поднялъ голову, позвалъ къ себѣ человѣка, сказалъ ему нѣсколько словъ, послѣ чего послѣдвій немедленно вышелъ.

Минуту спустя, отворились двери и въ нихъ вошелъ другой молодой человѣкъ.

— Вы меня спрашивали, государь! сказалъ онъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля.

— Да; приблизься Альберикъ.

Молодой пажъ съ почтеніемъ подошелъ къ монарху.

— Послушай, Альберикъ, продолжалъ Лудовикъ IX, не знаю какъ я тебя полюбилъ. Но въ мои грустные часы, я думаю о тебѣ; а ты знаешь, что въ минуты страданій особенно думаютъ о тѣхъ, кого любятъ. Ты утѣшалъ мой плѣнъ въ Мансурѣ и научилъ меня быть спокойнымъ и мужественнымъ среди несчастій моего народа, скажи же мнѣ, отъ чего мнѣ грустно предъ отъѣздомъ?

— Государь, когда человѣкъ оставляетъ прошед-

6

Лудовикъ съ Альберикомъ.

шее, чтобы вступить на новый путь, тогда онъ бросаетъ вѣрный взглядъ на пройденное, считая счастливые и несчастные дни, а на пройденномъ вами поприщѣ, которое вы теперь оставляете, было болѣе несчастныхъ нежели счастливыхъ минутъ.

— А еще Альберикъ, постоянная мысль, что я могъ бы сдѣлать больше, нежели сколько сдѣлалъ. Богъ наказалъ мою гордость; я пришелъ сюда съ мыслями о побѣдѣ и самъ только лишился преданныхъ воиновъ своихъ. Я былъ слабъ, неспособенъ и оставляю св. землю въ рукахъ невѣрныхъ, я уѣзжаю, я, воинъ Христа, уѣзжаю, а Іерусалимъ во власти Турокъ, храмъ Соломоновъ обращенъ въ мечеть! Боже мой! Боже мой!

—Будьте мужественны, государь; Богъ всемогущъ, и дѣла человѣческія заранѣе опредѣлены. Съ вами случилось то, что Богу угодно.

— О! я возвращусь когда-нибудь, и посвящу всю свою жизнь предпріятію, которое я въ первый разъ исполнилъ такъ неудачно, и если Богъ мнѣ поможетъ... Альберикъ, я возвращусь... скоро. А ты остаешься?

— Да, государь; если Ваше Величество возвратитесь когда нибудь, вы позволите видѣть васъ?

— Король Французскій приказываетъ и проситъ тебя объ этомъ.

— Благодарю, государь. Богъ да покровительствуетъ вашему возвращенію, равно какъ и отъѣзду.

На слѣдующее утро флотъ при попутномъ вѣтрѣ снялся съ якоря и Христіане отправились въ Европу. Воины, стоявшіе на берегу, нѣсколько минутъ прощались съ своими товарищами, но потомъ шумъ волнъ заглушилъ ихъ голоса; корабли вышли въ открытое море, оставивъ за собою легкую полосу, которая тотъ часъ изчезла. Паломники, стоявшіе на берегу казались отъѣзжающимъ Христіанамъ маленькою черною точкою; корабли мало-по-малу тѣрялись въ пространствѣ, а потомъ и вовсе изчезли, какъ воздушное видѣніе въ густомъ и волнующемся туманѣ. Берегъ изчезъ изъ вида Христіанъ, плывшихъ въ Европу, и ничто не было видно кромѣ свода небеснаго. Крестоносцы, слѣдившіе своими взорами за кораблями, возвращавшимися въ отечество, не видали уже болѣе ничего, кромѣ обширнаго пустыннаго моря.

—

ДЕВЯТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

(1254 — 1291).

ГЛАВА VI.

СМЕРТЬ ЛУДОВИКА IX. — ПОТЕРЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ.

Спустя 16 лѣтъ, французская побѣдоносная армія расположилась лагеремъ предъ Карѳагеномъ, отразивъ Мусульманъ, которые противились ея высадкѣ при Тунисѣ. Вѣрный своему послѣднему обѣту, Лудовикъ IX еще разъ обратилъ всѣ свои силы на вѣчнаго врага Христова, и побѣда увѣнчала первое его сраженіе.

Въ теченіе 16 лѣтъ отъ возвращенія короля Французскаго въ Европу дѣла Христіанскія въ Палестинѣ подверглись многимъ переворотамъ. Внутреннія несогласія, похищали остатокъ благородныхъ рыца-

рей, ненависть между Страннопріимцами и Тампліерами дошла до того, что между ними произошло кровопролитное сраженіе. Побѣда осталась на сторонѣ рыцарей св. Іоанна, и едва ли одинъ Тампліеръ избѣжалъ смерти. Командоры разныхъ орденовъ Европы посылали новыхъ воиновъ, чтобы пополнить ряды Христіанъ, опустошаемые мечемъ Христіанскимъ. Впрочемъ эта вражда, продолжавшаяся такъ долго, погасла мало-по-малу въ войнѣ противъ Мусульманъ.

Кровавый переворотъ возвелъ на Египетскій престолъ Бибарса, жесточайшаго врага имени Христіанскаго. Съ страшнымъ остервенѣніемъ направилъ онъ всѣ свои силы на истребленіе крестоносцевъ. Храмы Назаретскій и Ѳаворскій были разрушены; отсюда онъ пошелъ къ Птоломандѣ, истребляя безъ различія всѣхъ встрѣчающихся ему Христіанъ, а города предавая пламени. На пути видны были только трупы и развалины. Птоломанда противилась нѣсколько лѣтъ; но болѣе не могла продолжать борьбу. Во время этой войны на смерть, самопожертвованіе и героизмъ рыцарей Храма и Страннопріимцевъ увеличивались вмѣстѣ съ опасностію, особен-

но при осадѣ Азота и Сефеды. Въ Азотѣ весь гарнизонъ состоялъ изъ девяноста рыцарей; каждый приступъ враговъ уменьшалъ число ихъ и когда Турки проникнули въ проломъ, то перешагнули трупъ послѣдняго защитника; что касается рыцарей Сефеды, то Бибарсъ приказалъ избить всѣхъ до одного безъ милосердія, потому что они рѣшительно отказались принять магометанскую религію.

Яффа, крѣпость Бофоръ, Антіохія по очередно подпали власти Мамелюковъ. Лаодикія, крѣпость Caракъ, половина владѣній графа Триполійскаго испытали туже участь. Послѣ нѣкотораго времени Бибарсъ, возвратившись въ Каиръ, чтобы исправить флотъ, поврежденный бурею, внезапно изчезъ со всѣмъ своимъ могуществомъ, подобно урагану, изчезнувшему съ горизонта не оставивъ по себѣ никакого слѣда, кромѣ развалинъ и опустошенія.

Послѣ такихъ переворотовъ Лудовикъ IX рѣшился въ другой разъ вооружиться за дѣло Христово. Принцъ Эдуардъ, сынъ Генриха III, короля Англійскаго, послѣдовалъ его примѣру и съ своими войсками присоединился къ семидесятитысячной арміи короля Французскаго.

Мы уже сказали, что побѣда благопріятствовала ихъ оружію, предавъ въ руки ихъ Турецкій лагерь и городъ Кареагенъ, въ которомъ они расположились лагеремъ.

Чрезъ нѣсколько времени въ одинъ день августа мѣсяца 1270 года глубокая печаль и отчаяніе овладѣли Крестоносцами; въ ихъ лагерѣ распространилась чума, и Лудовикъ IX сдѣлался первою жертвою страшнаго бича.

Рыцари христіанскіе толпились въ палаткѣ короля и со слезами слушали прощаніе Лудовика и совѣты своимъ двумъ сыновьямъ. Когда этотъ послѣдній отеческій долгъ былъ исполненъ, рыдающихъ принцевъ вывели и король хотѣлъ остаться нѣсколько минутъ на единѣ съ Альберикомъ. Палатка медленно опустѣла и юный пажъ Годфрида Бульонскаго еще разъ предсталъ предъ умиравшимъ государемъ.

Лудовикъ IX, казалось, внутренно совершалъ молитву, потому что губы его шевелились, руки были соединены, а глаза подняты къ небу; потомъ голосъ его мало-по-малу началъ возвышаться, слова его дѣлались болѣе ясными и одушевленными.

— Боже мой! говорилъ онъ, будь благословенъ, если настаетъ часъ моей смерти. Боже мой! будь покровителемъ моимъ братьямъ по оружію, которыхъ я оставляю на землѣ, занятой врагами Твоего имени. Господи! что я сдѣлалъ для Твоей славы, мои дѣла благоугодны ли предъ Твоими очами? Боже Спасителю! благоволи взвѣсить на вѣсахъ правосудія Твоего сдѣланное мною добро съ тѣмъ, что я хотѣлъ сдѣлать, и не помяни грѣховъ моихъ! я такъ мало совершилъ для славы Твоего святаго имени! Боже мой! Боже мой! Буди милостивъ къ Твоему недостойному рабу и да благословится Твое святое имя.

Король съ набожностію перекрестился и нѣсколько минутъ оставался въ этомъ святомъ восторгѣ. Потомъ сказалъ:

— Приближься, Альберикъ, приближься дитя. Я хотѣлъ видѣть тебя еще, прежде нежели оставлю тебя, прежде нежели оставлю землю. О! не правда ли что послѣ моей смерти ты будешь молиться за короля Франціи, и съ печалію въ сердце станешь вспоминать объ немъ. Ты молодъ и тебѣ предстоитъ долгая жизнь, можетъ быть ты увидишь тотъ день

когда восторжествуетъ св. дѣло, которое ты такъ храбро защищаешь.

Альберикъ съ грустію покачалъ головою.

—Нѣтъ, хочешь ты сказать? продолжалъ Лудовикъ. Этого торжества ты не увидишь, или это дѣло уже потеряно?

—Одинъ Богъ знаетъ, государь.

—Да; ревность, одушевлявшая сѣверные народы за два вѣка, охладѣла; воззваніе къ оружію остается безъ отзыва, какъ голосъ проповѣдника въ пустынѣ. Кто знаетъ? можетъ быть я уже послѣдній паломникъ, и послѣ меня никто не придетъ, какъ воинъ Христовъ, поддержать королевство Іерусалимское, которое ослабѣваетъ и падаетъ. Саванъ короля Франціи, можетъ быть, будетъ саваномъ королевства христіанскаго, основаннаго Годфридомъ.

Горькое уныніе послѣдовало за этою мыслію и потомъ Лудовикъ прошепталъ:

— О! какъ въ часъ смерти дѣлается тяжелою царская корона на головѣ человѣка! Какъ пусто его прошедшее въ виду разверзающейся вѣчности!

Король просилъ Альберика посыпать его палатку пепломъ, на который простерся. Потомъ онъ лишил-

ся голоса, сталъ креститься и знаками выражать то, чего не могъ произнести устами.

Спустя нѣсколько часовъ, когда рыцари вошли въ палатку, чтобы присутствовать при послѣднихъ минутахъ своего монарха, онъ съ величайшимъ усиліемъ вскрикнулъ:

— Господи! вниду въ домъ Твой и поклонюся ко храму святому Твоему.

Это были послѣднія слова Людовика IX, голова его склонилась на подушку и послѣ судорожныхъ движеній тѣла, онъ умеръ, 25 Августа 1270 года въ три часа по полудни.

Это происшествіе могло бы заставить Принца Эдуарда возвратиться въ Англію; но онъ, жаждая славы, поклялся отправиться въ Палестину, еслибы даже его оставили всѣ солдаты, съ которыми было удалился въ Сицилію. По прошествіи зимы, Эдуардъ поплылъ къ Птоломандѣ, гдѣ и вышелъ съ тысячью человѣкъ. Султанъ Египетскій съ поспѣшностію оставилъ окрестности этого города и всѣ силы Палестинскія, составлявшія около семи тысячь человѣкъ, отправились въ походъ подъ предводительствомъ Эдуарда. Отнявъ у Турокъ городъ Назаретъ, армія

Христіанская разбила значительный корпусъ невѣрныхъ, который хотѣлъ остановить ихъ походъ.

Но эти успѣхи были остановлены лѣтнимъ зноемъ; самъ Эдуардъ подвергся болѣзнямъ, происходившимъ отъ него. Губернаторъ Яффы, подкупленный султаномъ Египетскимъ, рѣшился въ это время отдѣлаться отъ этого послѣдняго поборника Креста.

Однажды въ лагерь христіанскій явился отъ яффскаго губернатора человѣкъ съ письмомъ, который говорилъ, что ему нужно лично отдать письмо въ руки Эдуарда. Принцъ, не подозрѣвая ничего, приказалъ ввести губернаторскаго вѣстника и остался съ нимъ на единѣ.

Убійца подалъ письмо принцу Англійскому, которому страданія не позволяли встать съ постели и въ то время, какъ Эдуардъ устремилъ свой болѣзненный взоръ на пергаментъ, убійца тихо подошелъ къ нему, положивъ руку за поясъ, въ которомъ былъ скрытъ кинжалъ напитанный ядомъ. Вдругъ убійца сдѣлалъ прыжокъ съ поднятою рукою; Эдуардъ увидѣлъ только какъ сверкнулъ кинжалъ и почувствовалъ холодъ желѣза въ своей груди. Убійца поднялъ руку, чтобъ нанести второй ударъ. Тогда принцъ

Карлъ и убійца.

съ быстротою мысли отклонилъ опускавшуюся руку, какъ ярый левъ вскочилъ, произнося угрозы, и страшная борьба завязалась между жертвою и убійцей.

Мужественный и сильный Эдуардъ схватилъ злодѣя и сжалъ его руку, вооруженную кинжаломъ, которая въ борьбѣ дважды поразила его въ грудь. Наконецъ, съ страшнымъ усиліемъ, онъ повалилъ противника на землю и, придавивъ колѣномъ грудь, отнялъ убійственное оружіе.

— Собака! вскричалъ онъ, умри же какъ собака!

И съ этими словами вонзилъ кинжалъ въ горло убійцы.

Жизнь Эдуарда была долго въ опасности отъ полученныхъ ранъ; но крѣпкое тѣлосложеніе, при поданіи скорыхъ пособій, преодолѣло опасность. Принцъ былъ такъ великодушенъ, что удержалъ своихъ солдатъ отъ покушенія отомстить убійствомъ же за это подлое покушеніе убійцы.

Между тѣмъ султанъ Египетскій предложилъ миръ, который и былъ принятъ. Миръ заключенъ на 10 лѣтъ. Крестоносцы св. земли еще разъ положили оружіе, а солдаты англійскіе возвратились въ свое отечество.

Спустя нѣсколько лѣтъ, на папскій престолъ взошелъ Тибо, архіепископъ Антіохскій и еще разъ возбудилъ духъ крестовыхъ походовъ. Его воззванія пробудили такую ревность, что Рудольфъ-Габсбургскій, Императоръ Германскій, Филиппъ-Смѣлый, король Французскій, Михаилъ Палеологъ, побѣдитель Французовъ въ Константинополѣ, и Карлъ, герцогъ Анжуйскій рѣшились принять крестъ.

Но это послѣднее возстаніе окончилось вмѣстѣ съ жизнію Папы, спустя нѣсколько лѣтъ безъ всякаго послѣдствія.

Миръ въ Палестинѣ сохранялся до 1280 года: трактатъ нарушили Христіане и тѣмъ подали поводъ къ войнѣ, которая уничтожила ихъ на всегда. Келаунъ, султанъ Египетскій, поклялся Богомъ и Магометомъ наказать Христіанъ, и приготовился къ мести. Крѣпость Марга подпала власти Мусульманъ въ 1287 году, и была срыта. Съ этого времени могущество Христіанъ быстро начало упадать. Спустя два года Триполи, послѣдній сильный городъ, отнятъ былъ у нихъ. Городъ былъ сожженъ, валы срыты, а жители умерщвлены или проданы въ рабство. Спустя нѣсколько лѣтъ у Христіанъ не осталось больше ни

одного города, кромѣ Птоломанды, куда стеклось все народонаселеніе ск. земли. Египетскіе Мамелюки стали лагеремъ подъ стѣнами Птоломанды, бросая по временамъ грозные взгляды на послѣднее убѣжище сѣверныхъ воиновъ. Гарнизонъ избралъ комендантомъ Гросмейстера Тампліеровъ, Пьера-де-Боже. Широкіе проломы въ крѣпости открыли Туркамъ входъ, а башни, защищавшія стѣны, рушились подъ ударами военныхъ машинъ. Тампліеры и Страннопріимцы пали съ мужествомъ достойнымъ лучшей участи. Городъ былъ взятъ и остатокъ гарнизона искалъ убѣжища на корабляхъ, стоявшихъ у берега. Тампліеры и Страннопріимцы, спасшіеся отъ меча Мусульманъ, послѣдніе оставили оборону Христіанскаго королевства. Одни изъ нихъ отправились въ Сисъ, въ Арменію, а другіе искали убѣжища въ Кипрѣ.

Тиръ, Беритъ и другіе города христіанскіе, сдались побѣдоносному Султану, который обходилъ всю святую землю съ своею арміею. Всѣ Французы, встрѣчавшіеся ему на пути были умерщвляемы или заключаемы въ оковы. Потомъ, когда эти охотники за дичью человѣческою обошли всю страну, осмотрѣли

всякое мѣстечко, куда могла бы только забѣжать собака, когда достаточно насытились этою кровавою травлею христіанъ, которыхъ пожирали съ криками радости и восторга; когда въ этой обширной пустынѣ не было уже почти ни одного крестоносца и виднѣлись только слѣды крови и кучи труповъ, единственныхъ обитателей этой страны; когда уже ни одно знамя на горизонтѣ не напоминало о царствѣ Христовомъ, существовавшемъ въ Палестинѣ въ продолженіи двухъ вѣковъ, тогда начальникъ и его солдаты, посмотрѣвъ другъ на друга, остались удовлетворенными и спокойными. Султанъ и его свора тихо удалились въ свою берлогу, бросая по временамъ свирѣпый взглядъ на горизонтъ пустыни.

Позже, въ 1310 году, Тампліеры и Страннопріимцы завоевали Родосъ и поселились на немъ. Трагическій конецъ ихъ сюда не относится, а принадлежитъ общей исторіи Европы. Здѣсь скажемъ только, что воинственный орденъ Тампліеровъ былъ уничтоженъ торжественно на Соборѣ, въ 1312 г., папою Климентомъ V, и только одни Мальтійцы остались владѣтелями своихъ богатствъ.

ГЛАВА VII.

ЗАМѢЧАНІЯ О ГЛАВНЫХЪ СЛѢДСТВІЯХЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

—

Мы не можемъ лучше окончить этого краткаго обозрѣнія крестовыхъ походовъ, какъ представивъ нѣкоторыя отрывки справедливыхъ замѣчаній Мишо о разныхъ слѣдствіяхъ этой двухъ-вѣковой брани. Прибавимъ къ сему нѣсколько строкъ Шатобріана изъ его Etudes historiques, замѣтивъ, что послѣдній смотритъ на этотъ вопросъ больше съ поэтической стороны, нежели съ философской.

Мишо выражается слѣдующимъ образомъ:

«Если Франція больше всѣхъ государствъ Европы принимала участіе въ Крестовыхъ походахъ; то она и собрала плоды гораздо обильнѣйшіе и болѣе полезные. Италія, гдѣ власть духовенства грозила подавить все, Англія, гдѣ феодальная система была во всей своей силѣ, Германія, въ которой борьба аристократіи съ имперіею оставалась нерѣшительною, не скоро почувствовали спасительное влія-

Крестовыхъ походовъ; во Франціи это вліяніе прежде всего обнаружилось на дворѣ. Внукъ Гуга-Капета, не имѣя личныхъ достоинствъ, униженный церковнымъ отлученіемъ, успѣлъ распространить свое могущество и свои владѣнія. Всѣ безпокойные воины, которые опустошали государство для увеличенія собственнаго могущества, теперь стали подъ знамена Христа. И власть королевская, освободившись отъ множества препятствій, начала заниматься съ успѣхомъ общественнымъ благоустройствомъ для собственной же пользы. Въ то время, какъ въ Палестинѣ бароны проливали свою кровь и расточали сокровища, во Франціи жители городовъ и селеній освобождались отъ притѣсненій этихъ маленькихъ тирановъ, узнавали сладость независимости и счастія. Сердце этихъ гордыхъ людей, которое до того не трогалось ни чѣмъ, смягчалось расположенностію къ людямъ, которые принимали участіе въ ихъ трудахъ и стремились къ тѣмъ же выгодамъ. Многіе владѣтели при Св. гробѣ давали свободу своимъ рабамъ. Эти полезные примѣры случались еще чаще по возвращеніи изъ Крестовыхъ походовъ. Руки, защищавшія гробъ Госпо-

день, могли ли досить опять знаки рабства; и религія могла ли позволить оставаться рабами тѣмъ, въ которыхъ она нашла своихъ поборниковъ. Такимъ образомъ права войны здѣсь приносили пользу интересамъ человѣчества, и званіе воина Іисуса Христа облагораживало характеръ человѣка.

«Въ Европѣ положеніе дѣлъ было таково, что все бы должно погибнуть, если бы сильный ударъ не далъ жизни этому огромному разстроенному тѣлу; признаки необходимаго разрушенія долженствовали быть весьма многочисленными и очень поразительными, потому что возбудили вниманіе людей даже въ вѣкѣ грубомъ и невѣжественномъ. Общая молва, распространившаяся въ началѣ X вѣка и продолжавшаяся долго, о представленіи міра не могла произойти отъ другой какой либо причины; извѣстно, сколько это мнѣніе и суевѣрный страхъ, который былъ его слѣдствіемъ, способствовали умноженію числа защитниковъ Св. земли и воспламеняли ихъ ревность. Одни Крестовые походы произвели движеніе, которое спасло общество, возродивъ его совершенно. Если нѣкоторыя государства и воспользовались ими для утвержденія или распространенія

своего могущества, то и всякое другое средство въ ихъ рукахъ имѣло бы тѣже самыя слѣдствія. При тѣхъ вѣрованіяхъ и интересахъ, которыя господствовали тогда въ Европѣ, было невозможно, чтобы духовенство, которое такъ долго было независимо отъ свѣтской власти, не пріобрѣло перевѣса надъ нею. Преступная роскошь и постыдный развратъ римскаго двора въ X вѣкѣ не въ силахъ были ослабить вліянія этой власти; въ XII вѣкѣ она достигла высшей степени могущества и, хотя это было слѣдствіемъ Крестовыхъ походовъ, впрочемъ произошло не столько отъ этихъ войнъ, сколько отъ обыкновеннаго порядка вещей....

...«Но какъ ни была велика въ огромной семьѣ Европейскаго народонаселенія пустота, которую оставили по себѣ эти путешествія, которыхъ волны постоянно стремились на востокъ; но Европа могла ли не оплакивать потерь еще многочисленнѣйшихъ отъ постоянныхъ междоусобій, и вѣчныхъ грабежей, которые обливали ее кровію и наполняли развалинами? Признано уже всѣми, что въ то время, когда была объявлена священная война, Европа вдругъ погрузилась въ глубокую тишину. Личная вражда и

національная ненависть были забыты на всемъ пространствѣ материка Европы; не знали другаго предмета для своего честолюбія, не раздавалось другаго крика, кромѣ призыва къ освобожденію Св. гроба, и миръ Божій, эта слабая узда, которую церковь налагала нѣсколько разъ на страсти, былъ соблюдаемъ въ точности при этихъ путешествіяхъ, которыя на всемъ западѣ не оставляли ни повода къ раздорамъ, ни людей для поддержанія ихъ. Предположимъ, что число жертвъ этихъ отдаленныхъ предпріятій еще болѣе увеличивалось, а не уменьшалось; однако нельзя отвергнуть, что онѣ принесли неоцѣненную пользу. Въ это время бѣдствія войны простирались только на тѣхъ людей, которые принимали въ ней свободное и дѣятельное участіе; тогда какъ при городскихъ раздорахъ страдалъ весь народъ, толпа гражданъ гибла за дѣло совсѣмъ для нея чужое. По крайней мѣрѣ, когда востокъ былъ въ огнѣ, Европа наслаждалась миромъ. Звукъ оружія, раздававшійся вдали на азіатскомъ материкѣ, не нарушалъ спокойствія запада и военный крикъ былъ гибеленъ не для него, а для Сарацинъ.

«Польза Крестовыхъ походовъ состоитъ также и въ томъ, что духъ войны, столь обыкновенный тогда и такъ гибельный для народовъ Европы, возвысился и принялъ характеръ болѣе благородный. Вмѣсто этихъ ничтожныхъ и жестокихъ разбойниковъ, которые оспаривали власть надъ клочкомъ земли или надъ замкомъ, какъ остервенѣлые коршуны оспариваютъ гнилую добычу, явились знаменитые воины, которые вооружаются за дѣло Божіе и сражаются за Его имя. Это уже не были домашнія войны, эти пустыя ссоры, гдѣ рѣзались изъ-за ничтожныхъ выгодъ и гдѣ пораженіе не безславило и побѣда не приносила никакой чести. Здѣсь по крайней мѣрѣ военная храбрость могла стремиться къ достойной цѣли и явиться на поприще для нея приличномъ. Героизмъ имѣлъ судей и соперниковъ. Слава раздавала свои пальмы, религія свои награды воинамъ, торжествующимъ или умирающимъ за нее. Здѣсь всякая пролитая капля крови имѣла свою награду, потому-что текла предъ глазами Божіими, побѣда дѣлалась благородною какъ залогъ ревности по Богѣ; и самая смерть была пріятна, какъ свидѣтельство этой ревности; от-

сюда образовалось рыцарство; это благородное учреждение, въ варварскомъ обществѣ среднихъ вѣковъ, одно способно было обуздывать развращеніе нравовъ и замѣнять недостаточность тогдашнихъ законовъ, одно въ исторіи этого мрачнаго времени возбуждаетъ наше вниманіе, будучи достойнымъ нашихъ похвалъ....

....«Египетъ и Константинополь, постоянно посѣщаемые и даже на время завоеванные Крестоносцами, пролили свой свѣтъ на всю Европу. Памятники древней учености сначала возбудили на западѣ удивленіе, а потомъ и ревностное подражаніе... Монахи въ первый разъ проникли въ безконечныя степи Татаріи; любопытство, подстрекаемое корыстолюбіемъ, повело венеціанскихъ купцовъ даже къ границамъ Китая; воины христіанскіе рукоплескали, видя, что театръ ихъ дѣйствій увеличивается, при каждомъ новомъ трофеѣ, воздвигшемся здѣсь. Науки, которыми гордились древній Вавилонъ и новѣйшій Багдадъ, оставили счастливый климатъ Азіи и переселились на западъ. Университетъ въ Салерно соперничалъ съ учениками Аверроеза и Авиценны. Вскорѣ появились историки, ихъ языкъ очи-

стился, характеръ облагородился. Вильгельмъ Тирскій разсказывалъ языкомъ Тита-Ливія чудные подвиги, достойные первыхъ вѣковъ Рима, и возвышался иногда до высоты его содержанія и формы. Жакъ-де-Витри показалъ во многихъ мѣстахъ энергію и жаръ Саллустія. Муза пѣнія пробудилась, и поэзія приняла высокій полетъ. Вмѣсто вымышленныхъ похожденій паладиновъ Артура и Карла Великаго, трубадуры начали воспѣвать подвиги болѣе дѣйствительные и болѣе занимательные Готфрида и Танкреда; пѣвецъ 12 вѣка, прославлявшій освобожденіе Сіона, приготовлялъ краски генію Тасса. Любовь къ славѣ, получавшая разныя формы, проникла всѣ сословія; здѣсь видимъ и императоровъ и королей, которые вмѣшивались въ толпу поэтовъ, для общаго успѣха; Фридрихъ II и Ричардъ, эти два героя священной войны, выражали въ сильныхъ или грустныхъ звукахъ благородные порывы къ славѣ и горести долгаго плѣна..... Возможно ли чтобы среди столь сильнаго движенія, которое дано всѣмъ способностямъ человѣческаго духа, коммерція съ жаромъ не обратилась на это новое поприще, которое открывалось предъ нею, и чтобы, разорвавши узы,

которыми была связана, и обогатившись познаніями иностранными, не открыла для себя поприща болѣе смѣлаго? До того времени всѣ предпріятія были въ рукахъ Грековъ и Арабовъ, всѣ богатства Азіи двумя источниками, почти параллельными, на сѣверъ и югъ стекались въ два богатые города Константинополь и Александрію. Завоеваніе этихъ двухъ столицъ передало во власть Христіанъ съ богатствами, накопившимися тамъ въ теченіи долгаго времени, и самые источники, откуда они приходили; и когда господство крестоносцевъ на Востокѣ уже рушилось, неоцѣненные плоды ихъ павшаго могущества сохранились. Республики Венеція, Пиза, Генуя съ ревностію оспаривали власть на моряхъ Индійскихъ и Европейскихъ даже долго и послѣ того, какъ королевство Іерусалимское уже подпало подъ власть невѣрныхъ... Такъ вездѣ проявлялись великодушное соревнованіе и благотворная дѣятельность. Наука мореплаванія развилась теперь быстро отъ постоянныхъ успѣховъ и разныхъ открытій: Европейскіе флоты, которые въ продолженіи двухъ вѣковъ плавали почти непрерывно по портамъ моря Средиземнаго и Нѣмецкаго, при устьяхъ Оронта, Нила и Евфрата, нѣ-

сколько разъ приводили въ страхъ весь Востокъ, а основаніе морскихъ силъ, въ продолженіи стольких вѣковъ неизвѣстныхъ, возобновило на этихъ моряхъ древнюю славу Кареагена и Тира.........

«...Множество полезныхъ изобрѣтеній съ Востока перешли на Западъ. Одинъ видъ Константинополя и его памятниковъ привелъ въ изумленіе крестоносцевъ, что не осталось безъ пользы. Готическая архитектура въ свою очередь получила характеръ болѣе возвышенный и формы болѣе величественныя. Геній искуства, который казалось умеръ въ Италіи, впервые бросилъ въ Венецію слабые лучи животворнаго свѣта, которые должны были просвѣтить современниковъ Микель-Анжело; послѣдніе памятники крестовыхъ походовъ касаются вѣка Чинабе и Джіотто. Военное искуство тоже усовершенствовалось и гордые Сарацины, побѣжденные ихъ собственнымъ оружіемъ, принуждены были въ свою очередь учиться у своихъ побѣдителей......

«....Крестовые походы, разсматриваемые сами въ себѣ, открыли обширное поприще, на которомъ проявились въ высшей степени всѣ особенности героическихъ вѣковъ, продолженіе всѣхъ тѣхъ пере-

воротовъ, какіе когда-нибудь происходили въ человѣческомъ родѣ, и которыхъ театръ обнимаетъ собою всѣ части свѣта, и знаменитѣйшіе народы древняго міра. Какое чудное разнообразіе въ произшествіяхъ и случайностяхъ этой борьбы! Какая удивительная перемѣна счастія и несчастія! Какая удивительная смѣсь безпрерывно являющихся великихъ дѣлъ и страшныхъ преступленій, благороднѣйшихъ поступковъ и самыхъ отвратительныхъ пороковъ! Какой занимательный контрастъ, какая изумительная противоположность и въ обычаяхъ народныхъ и въ характерахъ частныхъ дѣйствователей! Какое множество именъ знаменитыхъ, съ которыми соединяется столько воспоминаній патріотическихъ! Сколько царствъ возвысилось и пало! Какая перемѣна въ правленіи и нравахъ, которая можетъ служить урокомъ ученымъ и гражданамъ всѣхъ временъ!»

Но вотъ одушевленная картина Шатобріана, изображающая причины и слѣдствія крестовыхъ походовъ.

«Филиппу суждено было видѣть великія происшествія, безъ всякаго со стороны его участія. Первый Крестовый походъ былъ рѣшенъ и утвержденъ

на соборѣ Клермонскомъ, гдѣ председательствовалъ Урбанъ II (1096). На этомъ-то соборѣ имя отца дано было исключительно папѣ.

«Волны варваровъ успокоились въ нѣдрахъ Франціи, куда они стремились по волѣ Божіей, а рука Карла-Мартелла и его сына удержала ихъ разливъ; но послѣ двухъ вѣковаго спокойствія, они вновь возгордились и опять хлынули изъ береговъ. Крестовые походы были какъ-бы воспоминаніемъ или продолженіемъ тогоже всеобщаго движенія народовъ, которое нѣкогда опустошило миръ, но вмѣстѣ они были какъ-бы и отмстительною войною варварамъ. Сарацины угрожали Европѣ игомъ за три вѣка прежде нежели сама она успѣла вооружиться противъ нихъ; ихъ нашествіе, вытекшее изъ Аравіи, покорило Сирію и Египетъ, проникнуло далеко въ Африку, на Востокъ и Западъ до пролива Гибралтарскаго, перешло его и наводнило Испанію, перешагнуло Пиренеи и только въ Галліи остановлено было мечемъ Карла-Мартелла.

«Народы Христіанскіе, слишкомъ занятые другими интересами, отложили месть до другаго времени; и когда это время наступило, они двинулись въ свою

очередь и устремились съ Запада на Востокъ, изъ Европы, перешедши Босфоръ, пошли сражаться съ сынами пророка въ тѣхъ мѣстахъ, откуда они вышли первоначально. Я не знаю зрѣлища болѣе величественнаго, какъ походы народовъ Азіатскихъ и Европейскихъ, которые сражаются, одушевляясь противоположными чуствами, одни подъ знаменемъ Магомета, а другіе подъ знаменемъ Христа, вокругъ того моря, на берегахъ котораго процвѣтала цивилизація Греческая и Римская. Одни только Португальцы и Испанцы повторили тѣже чудеса, когда первые переплыли Восточный, а вторые Западный Океанъ и открыли потерянные земли, нашли новый міръ.»

«Величіе и наивность нравовъ, преступленія и добродѣтели, пламенная вѣра, героическія дѣла, чудныя воспоминанія, безконечныя слѣдствія въ матеріальномъ, нравственномъ, ученомъ и политическомъ отношеніяхъ,—вотъ что представляютъ намъ крестовые походы. Грубые и безъискуственные расказы хроникъ увеличиваютъ блескъ подвиговъ; пустынники дѣлаются историками рыцарей; монахи съ религіознымъ смиреніемъ и простотою разсказываютъ о

гордости завоеваній, о величіи военныхъ подвиговъ, о паломничествѣ, начавшемся съ посохомъ и продолжавшемся съ мечемъ. Крестовымъ походамъ нужно приписать возстановленіе народныхъ силъ, которыя разсѣяны были по маленькимъ областямъ воинственныхъ феодальныхъ владѣтелей. Сколько начальниковъ, разсыпанныхъ по землѣ, чуждыхъ другъ другу познакомились находясь во главѣ своихъ вассаловъ! Рабы въ лагерѣ представляли французскій народъ, подобно мѣщанамъ въ городахъ. Христіанскіе народы въ первый разъ образовали одну великую націю и повиновались велѣніямъ одного вождя. И что-жъ они хотѣли завоевать? Одинъ гробъ.

«Послѣдніе крестоносцы, отправившіеся съ тѣмъ, чтобы вырвать Іерусалимъ изъ подъ ига Измаилитянъ, отняли Константинополь у христіанскаго императора. Неожиданный конецъ этого четырехвѣковаго предпріятія, этого романическаго рыцарства, которое сильно боролось съ Магометанами при Родосѣ, пало на Мальтѣ предъ историческимъ человѣкомъ, который самъ долженъ былъ идти и коснуться св. города, чтобы, почерпнувъ оттолѣ, показать міру новый родъ чудеснаго.»

Знаменитый Гиббонъ также оставилъ о крестовыхъ походахъ весьма основательныя замѣчанія. Мы извлекаемъ нѣкоторые отрывки изъ *его исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи.*

«Въ вѣкъ крестовыхъ походовъ восточные и западные христіане были убѣждены въ справедливости и пользѣ своихъ предпріятій.... Они особенно опирались въ этомъ случаѣ на естественное и священное право защищать религію, на свои особенныя права обладать св. землею и наконецъ указывали на нечестіе своихъ противниковъ Мусульманъ или язычниковъ. Нельзя отвергнуть, что Мусульмане покорили восточную церковь подъ свое желѣзное иго, что они, какъ во время мира такъ и войны, присвоивали себѣ право, которое выдавали за божественное, и непогрѣшимое, обладанія всею вселенною, и что необходимыя слѣдствія ихъ вѣры грозятъ постоянно націямъ, которыя они называютъ невѣрными, уничтоженіемъ религіи и свободы. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ побѣды Турокъ справедливо заставляли опасаться этой двойной потери. Они менѣе нежели въ тридцать лѣтъ завоевали всѣ царства Азіи до самаго Іерусалима и Геллеспонта и

имперія Греческая, казалось, быстро клонилась къ своему паденію. Независимо отъ участія, которое свойственно принимать въ единовѣрцахъ, Латиняне изъ личныхъ интересовъ должны были защищать Константинополь, какъ твердый оплотъ запада; и это право защиты, для предупрежденія нападенія, было законно. Но для успѣха этого предпріятія не требовалось ни такихъ многочисленныхъ вспоможеній, ни этихъ безчисленныхъ походовъ, опустошившихъ Европу, и безполезно кончившихся въ Азіи. Обладаніе Палестиною ни въ какомъ отношеніи не могло служить къ увеличенію могущества или безопасности Латинянъ, и одинъ только фанатизмъ можетъ извинить это завоеваніе маленькой отдаленной страны....

.... «Урбанъ II на соборѣ Клермонскомъ обѣщалъ полныя индульгенціи для тѣхъ, которые примутъ крестъ. Онъ отпустилъ всѣ грѣхи и далъ всеобщее разрѣшеніе на все, что подлежитъ духовному покаянію. Холодная философія нашего вѣка не пойметъ того живаго впечатлѣнія, какое произвело это прощеніе на души порочныя и фанатическія. Разбойники, убійцы и зажигатели сбѣгались тысячами

на голосъ пастырей, чтобы спасти душу и перенесли къ невѣрнымъ туже жестокость, какую дѣлали въ своемъ отечествѣ....

......«Монахъ могъ оставить правила своего монастыря, и должникъ избѣжать платы процентовъ и преслѣдованія отъ своихъ кредиторовъ..... Такія побудительныя причины были могущественны и многочисленны и, представивъ себѣ ихъ вліяніе на каждаго человѣка въ частности, нужно прибавить еще вліяніе безконечное и постоянно возрастающее, — примѣра и моды. Первые прозелиты были и самые ревностные и самые полезные проповѣдники креста. Они проповѣдывали своимъ друзьямъ и соотечественникамъ нужду, пользу и выгоды отъ священной войны, и слушатели, наименѣе восторженные, увлекались въ вихрѣ авторитета и убѣжденія. Воинственное юношество воспламенялось при малѣйшемъ упрекѣ или подозрѣніи въ трусости; случай сходить на поклоненіе св. гробу подъ защитою сильной арміи соблазнялъ стариковъ, больныхъ, женъ и дѣтей, которые слушались болѣе своей ревности, нежели собственныхъ силъ, и тѣ, которые осуждали на канунѣ своихъ товарищей какъ безумныхъ,

на другой день сами съ жаромъ принимались за туже глупость....

.....«Печальнымъ слѣдствіемъ священныхъ войнъ были: инквизиція, странствующіе монахи, распространеніе идолопоклонства и чрезмѣрное злоупотребленіе индульгенцій.......

......«Но въ толпѣ фанатиковъ могъ находиться одинъ плѣнный или паломникъ, который замѣчалъ полезныя изобрѣтенія Каира и Константинополя. И тотъ, кто принесъ въ Европу искуство строить вѣтряныя мельницы сдѣлался благодѣтелемъ человѣчества...... »

.....«Въ теченіи шестидесятилѣтняго господства въ Константинонолѣ, крестоносцы презирали языкъ и ученость своихъ подданныхъ. За-то каждый паломникъ ставилъ за честь возвратиться на родину обремененнымъ множествомъ священныхъ останковъ. Главною причиною Крестовыхъ походовъ былъ грубый фанатизмъ и ихъ главныя слѣдствія были согласны съ своею причиною.......»

Вотъ какъ Мильсъ оканчиваетъ свою исторію Крестовыхъ походовъ:

«Не менѣе милліона жертвъ человѣческихъ прине-

сено не на алтари славы и народности, но на алтари суевѣрія. Печальный конецъ крестовыхъ походовъ не возбуждаетъ въ насъ сожалѣнія, потому-что начало ихъ было несправедливо.»

А мы вмѣстѣ съ Бурке скажемъ:

«Кровь человѣческая должна проливаться не иначе, какъ только для искупленія человѣческой же крови; она справедливо проливается только тогда, когда льется за наше семейство, за друзей, за Бога и за вѣру; во всѣхъ другихъ случаяхъ—это суетность, это преступленіе.»

—

ГЛАВА VIII.

ДѢТСКІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

—

Въ концѣ этого краткаго разсказа общей исторіи крестовыхъ походовъ помѣстимъ сказаніе о странномъ предпріятіи, случившемся въ началѣ XIII вѣка. Подробности этого предпріятія до насъ дошли

только въ примѣчаніяхъ и имъ по справедливости принадлежитъ это мѣсто.

Вотъ извлеченіе изъ одного письма оріенталиста Журдена, въ которомъ изложены причины и слѣдствія этой священной войны.

«Въ 1212 году былъ за море походъ, который совершили дѣти, хотя онъ и мало вяжется съ исторіею крестовыхъ походовъ, но тѣмъ не менѣе представляется однимъ изъ самыхъ любопытныхъ.....»

«Кажется, что эти маленькіе крестоносцы состояли изъ двухъ націй и образовали изъ себя два ополченія, которыя пошли различными путями. Одно изъ нихъ, вышедши изъ Германіи, перешло Саксонію, Альпы и достигнуло береговъ Адріатическаго моря. Другое, по выходѣ изъ Франціи, изъ окрестностей Парижа, перешло Бургундію, достигнуло Марсели, гдѣ хотѣло было сѣсть на корабль.»

«Очарованія, колдовство и разсказы о чудесахъ употребляли на то, чтобы встревожить дѣтей и заставить ихъ идти. Говорили, по разсказу Викентія Бове, что горный старикъ, который имѣетъ обыкновеніе воспитывать арсасидовъ (фанатическихъ убійцъ), съ самыхъ малыхъ лѣтъ держалъ двухъ

плѣнниковъ изъ духовныхъ и освободилъ ихъ тогда, когда они обѣщались представить ему Французскихъ мальчиковъ. И такъ вообще думаютъ, что эти дѣти, будучи обмануты ложными видѣніями и обольщены обѣщаніями этихъ двухъ клириковъ, приняли знакъ креста.

«Въ Германіи виновникомъ этого крестоваго похода былъ нѣкто Николай, родомъ Нѣмецъ. Это множество дѣтей было убѣждено, говоритъ Бизаръ, въ слѣдствіе ложнаго предсказанія, что въ этотъ годъ будетъ такая сильная засуха, что море высохнетъ, и они отправились къ Генуѣ съ намѣреніемъ идти къ Іерусалиму по сухому дну Средиземнаго моря.

«Составъ этихъ труппъ совершенно соотвѣтствовалъ этимъ средствамъ обольщенія; здѣсь находились дѣти всякаго возраста, состоянія, пола, нѣкоторымъ изъ изъ нихъ было небольше 12 лѣтъ. Они пустились въ дорогу изъ городовъ и деревенъ безъ начальниковъ, безъ проводниковъ, безъ провизіи, съ пустыми карманами Напрасно родители и друзья старались остановить ихъ, представляя имъ трудность предпріятія. Это принужденіе только удвоило ихъ ревность. Они разламывали двери, дѣлали отверстія

въ каменныхъ стѣнахъ и убѣгали, чтобы присоединиться къ общему союзу. Если ихъ спрашивали о цѣли ихъ путешествія, они отвѣчали, что идутъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ.

«Мужчины и женщины оставляли дома и поля и присоединялись къ праздношатающейся толпѣ; другіе жертвовали деньгами и имѣніемъ, думая, что помогаютъ людямъ воодушевленнымъ самимъ Богомъ и руководимымъ чувствомъ пламеннаго благочестія. Папа благословилъ ихъ походъ, говоря съ грустію: «Эти «дѣти укоряютъ насъ, что мы погружены въ усыпле«ніе, между тѣмъ какъ они летятъ на защиту св. «земли.»

«Достаточно было взять крестъ, чтобы быть участникомъ въ этомъ крестовомъ походѣ. Если надзоръ принцевъ и прелатовъ въ походахъ, управляемыхъ властію церковною и свѣтскою, не могъ остановить дурныхъ людей, каковы же должны быть люди здѣсь, собравшіеся кое-какъ, и которые по большей части, сами бѣжали, подобно блудному сыну, изъ родительскаго дома? Не нужно дивиться разсказу Годфрида Младшаго, когда онъ говоритъ, что между паломниками Германскими появились воры, ко-

торые скрылись после того какъ ограбили ихъ пожитки и тѣ подарки, какіе они получили отъ вѣрныхъ. Одинъ изъ этихъ воровъ былъ открытъ въ Кельнѣ и повѣшенъ.

«Къ этому первому несчастію присоединилось множество другихъ, неизбѣжное слѣдствіе не предосмотрительности крестоносцевъ. Трудность долгаго пути, жары и нужда истребили большую часть ихъ; тѣ, кои пришли въ Италію, разбрелись по деревнямъ и ограбленные жителями, поступили въ рабство; только около 7 тысячь достигли Генуи. Сначала Сенатъ позволилъ было пробыть имъ въ городѣ около семи или шести дней; но скоро, увидѣвъ безполезность, опасался чтобы такое множество людей не причинило голоду и при томъ, чтобы Фридрихъ, враждуя съ папскимъ престоломъ и съ Венеціею, не воспользовался этимъ обстоятельствомъ для произведенія какой-нибудь тревоги; а потому и приказалъ крестоносцамъ оставить городъ немедленно. Но Бизаръ разсказываетъ, что республика дала многимъ изъ юношей германскихъ права гражданства, въ уваженіе ихъ высокаго рожденія. Въ послѣдствіи, они пріобрѣли такое уваженіе, что вошли въ

число патриціевъ; даже, прибавляетъ тотъ же историкъ, нѣкоторыя знаменитыя въ наше время фамиліи производятъ свое начало отъ нихъ... Другіе, поздо узнавъ свою ошибку, возвратились въ свое отечество; эти крестоносцы, отправившіеся многочисленными дружинами съ торжественными пѣснями, возвращались теперь по одиначкѣ, лишенные всего, босые, претерпѣвая мученія голода и служа предметомъ насмѣшекъ для городскаго и деревенскаго народа....

«Крестоносцевъ изъ Франціи постигла почти таже участь. Небольшая часть изъ нихъ возвратилась; остатокъ погибъ въ волнахъ, или сдѣлался предметомъ спекуляціи двухъ Марсельскихъ негоціантовъ. Гюгъ Ферре и Вильгельмъ Поркусъ вели обширную торговлю съ Сарацинами, въ которой продажа дѣтей составляла значительную отрасль. Нельзя было искать другаго болѣе благопріятнаго случая для этого торгу. Они предложили паломникамъ, пришедшимъ въ Марсель, перевезти ихъ на востокъ безъ всякой платы, изъ одного благочестія Предложеніе было принято съ радостію и 7 кораблей,

нагруженныхъ поломниками, поплыли къ берегамъ Сиріи.

Послѣ двухъ дней плаванія, когда корабли уже находились въ виду острова св. Петра и подлѣ скалы Затворника (Roche-de-Reclus), поднялась сильная буря и море поглотило два корабля со всѣми пасажирами.

Другіе пять достигли Бужіи и Александріи и юные крестоносцы проданы были Сарацинамъ или торговцамъ рабами. Калифъ купилъ изъ нихъ 40 человѣкъ для своихъ услугъ, и тщательно воспиталъ ихъ въ особенномъ мѣстѣ; 12 юношей сдѣлались мучениками, потому что не хотѣли перемѣнить религіи. Никто изъ нихъ, говоритъ одинъ изъ духовныхъ, воспитанный Калифомъ, но который въ послѣдствіи получилъ свободу, никто не принялъ религіи Магомета, хотя имъ и обѣщали за это свободу, но всѣ сохраняли свою религію среди постояннаго плача, и тяжкаго рабства.

«Послѣ Гюгъ и Вильгельмъ хотѣли умертвить Фридриха, но были открыты и умерли постыдною смертію, такъ какъ и три Сарацина, ихъ соумышленники

нашли тотъ же страшныйконецъ наградою своей измѣны.

«........ Въ послѣдствіи папа Григорій IX на островѣ св. Петра воздвигнулъ церковь и поставилъ 12 канониковъ молиться за умершихъ юношей.

«Что же касается до крестоносцевъ, переживших столько несчастій и оставшихся въ Европѣ, то Папа не хотѣлъ освободить ихъ отъ обѣтовъ, исключая впрочемъ стариковъ и больныхъ. Остальные же обязаны были совершить путешествіе ко св. мѣстамъ въ зрѣломъ возрастѣ или откупиться отъ этого милостынею.»

По этому, можно судить, что при энтузіазмѣ, произведенномъ крестовыми походами, не было недостатка ни въ участіи королей, ни въ пособіи дворянства, ни въ готовности народа, ни въ усердіи юношества. Надобно замѣтить, что одна только религія могла побудить къ такимъ огромнымъ предпріятіямъ и съ такимъ постоянствомъ поддерживать ихъ въ продолженіи двухъ столѣтій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Турецкая армія, на обратномъ маршѣ въ нижній Египетъ, достигла высотъ Еммауса, находящихся въ виду Іерусалима, надъ которымъ развѣвалось знамя Магомета. Преслѣдованіе Христіанъ кончилось, свойственная Мусульманамъ жестокость истощилась, и Турки пошли въ свое отечество искать отдыха.

Наступила ночь, ночь мрачная, безлунная, беззвѣздная, на небѣ грозно воздымались бурныя тучи, какъ огромная цѣпь горъ, воздымающаяся позади холмовъ, окружающихъ св. городъ. Атмосфера была тяжела и ни малѣйшій вѣтерокъ не нарушалъ тиши въ глухихъ, горныхъ пустыняхъ.

Глубокая тишина царствовала на небѣ. Казалось, что вся природа успокоилась на минуту съ тѣмъ, чтобы съ большею силою разразиться въ своихъ буряхъ и ужасахъ.

Турки между тѣмъ, молча, ставили свои палатки,

посматривая другъ на друга по временамъ безпокойными взглядами, и указывая на мрачное и грозное небо.

Вдругъ свѣтлая и густая полоса, страшно извиваясь, разсѣкла тучу; земля поколебалась, какъ бы сдвинутая со своей оси, сильный громъ раздался эхомъ по долинѣ, и умолкъ вдали, какъ звукъ органа, оканчивающійся тихими нотами. Свистящій вѣтеръ соединилъ свою дикую и звучную симфонію съ этимъ торжественнымъ и мрачнымъ концертомъ природы; вспышки молніи освѣщали и бороздили небо, подобно бенгальскимъ огнямъ, а удары грома слѣдовали одинъ за другимъ съ невыразимою быстротою.

Внезапно на Голгоѳѣ, которой силуэтъ освѣщался при блескѣ молніи, явился витязь; онъ былъ въ блистающемъ вооруженіи и какъ бы готовился къ битвѣ. Сіяніе окружало его шлемъ, на который небесный огнь бросалъ ослѣпительные лучи; гордый и неукротимый, какъ дикій оселъ пустыни, бѣлый конь его вставалъ на дыбы, и пламенный клинокъ рисовался на концѣ его меча. Одинъ среди ревущихъ бурь и вѣтровъ, стоя на вершинѣ св. горы,

Альберикъ и Мусульмане.

таинственный витязь явился взорамъ Турокъ, какъ неумолимый и недовѣдомый для нихъ Архангелъ Царя небеснаго, и трепетъ объялъ сердца ихъ. Ураганъ разодралъ ихъ палатки, остатки которыхъ закрутились въ воздухѣ, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ угнѣтенная природа стенала, а надъ ними небо воздымало самыя грозныя, самыя мрачныя облака. Въ минуту, когда буря изливала свою ярость на станъ Турокъ, молнія разстилалась безконечною полосою; за нею слѣдовали удары грома, которые повторялись по всѣмъ окрестностямъ.

И вотъ, съ горы Голгоѳы таинственный всадникъ устремился подобно молніи, оставляя позади себя свѣтлую полосу, и приближался къ стану Турокъ, какъ грозное предвѣстіе смерти и пожара. Лишь только онъ остановился при подошвѣ высотъ Еммауса, какъ страшные и непрерывные удары грома посыпались и осыпали огненными искрами палатки Турокъ. На минуту станъ представилъ ужасное зрѣлище. Въ немъ показался страшный пожаръ, раздуваемый сильными порывами вѣтра, разносившими пламя повсюду. Казалось, что земля всту-

пила въ борьбу съ ураганомъ, посланнымъ съ небесъ.

Мусульманское войско оставило палатки, грозившія неминуемою смертію, побѣжало въ безпорядкѣ, и укрылось въ долинахъ, окружавшихъ горы, гдѣ оно снова разкинуло свой лагерь.

Тогда Турки сквозь пламя, объявшее вершину горы, оставленной ими, замѣтили на мѣстѣ, за минуту занимаемомъ ими, тогоже самаго всадника, котораго видѣли на св. горѣ Голгоѳѣ.

Его положеніе было также грозно и строго и тотъ же блескъ сіялъ на его лучезарномъ вооруженіи: спокойный и величественный онъ стоялъ среди пожара, пожирающаго станъ Мусульманскій, смотря съ презрѣніемъ и на огни земные и на огни небесные

Буря продолжалась всю ночь.

Когда же заря заблистала на небѣ, Турки увидѣли всадника, гордо поднявшаго взоръ изъ подъ своего шлема, онъ съ стремительностію бросился со скалистыхъ высотъ горы, и какъ вихрь пронесся чрезъ ихъ фронтъ, грозный подобно вооруженной баттареѣ.

Лишь только онъ миновалъ ряды невѣрныхъ, новая молнія, разсѣкшая горизонтъ, освѣтило его и таинственный всадникъ исчезъ какъ призракъ во мракѣ, который покрывалъ еще западъ.

И тогда между невѣрными многіе начали утверждать, что видали и прежде, въ сраженіи, какъ этотъ юноша врубался въ ихъ ряды и низпровергалъ на своемъ пути все, что противилось его стремленію,

Этотъ таинственный витязь назывался Альберикъ.

Ктожъ онъ былъ?

Не былъ-ли онъ олицетвореніемъ силы Божіей, которая вѣчно дѣйствуетъ съ одинаковою мощію, проходитъ вѣка и переживаетъ ихъ?

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

